

№ 4(22). 2017

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

Цитата номера:

Разморозь меня, Господи.
Разморозь окаянную,
В состоянии осени,
во хмелю, да не пьяную.

Разморозь меня, сильною
быть навек обречённую,
Так ненужно красивую
птицу неприручённую...

...Разморозь меня снежную,
скрой от глаз нелюбови.
От молчания нежная
я дождусь нелюбого.

Мне б доплакать, доплыть...
И надежду примерить:
о прощанье забыть
и в прощенье поверить.

Людмила Гонтарева

Август 2017 № 4 (22)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционная коллегия:

Григорий Блехман — член Союза писателей России
Елена Груцкая – поэт
Игорь Ерофеев — член Союза писателей России
Евгений Журавли – поэт, прозаик, публицист
Игорь Ерофеев — член Союза писателей России
Николай Иванов — член Союза писателей России, сопредседатель Правления
Союза писателей России
Александр Казинцев — член Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Сергей Кириллов — писатель, поэт, публицист
Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета
по культуре при Президенте РФ
Александр Новосельцев — член Союза писателей России
Сергей Пылев – член Союза писателей России
Андрей Растворцев — член Союза писателей России
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Валерий Старжинский – доктор философских наук, профессор кафедры
философских учений БНТУ

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014
Дата выхода номера в свет: 14 августа 2017 года
Тираж: 1000 экз.
Адрес редакции, издателя: 236010, Калининград, ул. Белинского, 44-58
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна, адрес:
236010, Калининград, ул. Белинского, д. 44, кв. 58
Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки — Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка — Елена Балантаева
Отпечатано в типографии ООО «График Артс»
г. Калининград, проспект Мира, 5, тел. 92-14-90, e-mail: 921490@mail.ru
При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.
Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.
Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи должны быть сохранены документом Word (шрифт — Roman, кегль 14, межстрочный интервал — 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста — краткие сведения об авторе — *курсивом*. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Публицистика	
Диана Кан. Суворов против Пугачёва, или метафизика патриотизма	4
Проза	
Сергей Пылёв. А за окном человечество. <i>Повесть (Завершение. Начало в предыдущем номере: «Берега», 3 (21)-2017)</i>	8
Игорь Фадеев. Нету лета. <i>Деревенская повесть</i>	26
Калининградские берега	
Ада Бабич. Самое дорогое. <i>Рассказы</i>	36
Анатолий Мартынов. <i>Стихи</i>	46
Михаил Гребенщиков. <i>Стихи</i>	47
Берега Сибири	
Маргарита Чекунова. <i>Стихи</i>	50
Наталья Бородкина. <i>Стихи</i>	53
Роман Поплавский. <i>Стихи</i>	56
Берега памяти	
Валентин Баюканский. Литературная акция «Общая память – общая гордость. Липецк – Калининград»	58
Переводы	
Михаил Поздняков. Отцовский сад. <i>Стихи. Перевод Анатолия Аврутина</i>	64
Вагиф Султанлы. Обратный поток. <i>Рассказ. Перевод Натаван Халиловой</i>	69
Молодые берега	
Екатерина Федорова. Ранняя зрелость Дмитрия Астафьева	73
Берега Новороссии	
Лидия Довыденко. Мой светлый, горячий Донбасс. <i>Очерк</i>	82
Берега культуры и искусства	
Валерий Старжинский. Победить, нельзя смириться	105
Андрей Чернов. Прорывая тишину вечности: Михаил Матусовский о Луганске	111
Литературные юбилеи	
Владимир Вахрамеев. От Вахрамеева княжества до эпохи сталинизма	114
Русский мир без границ Берега Франции – Болгарии	
Елена Лебедева. Один день в Монморанси под Парижем	153
Александр Трубецкой. Русско-турецкая война 1877–1878 гг.	126
Берега Беларуси	
Татьяна Жилинская. <i>Стихи</i>	129
Евгений Живоглот. <i>Стихи</i>	134
Берега Израиля	
Иосиф Рабинович. За мир и дружбу. <i>Рассказ</i>	140
Берега Латвии – Литвы – Эстонии	
Иван Кунцевич. <i>Стихи</i>	138
Эльвира Поздняя. Из цикла «Прощённый верлибр»	146
Яков Криницкий. О Матиасе Русте и системе ПВО	150
Критика	
Эляна Суодене. «Сокровенный сердца человек». О книге В. Вахрамеева «Лики Балтии»	159
Наши друзья	
Советуем почитать. Подписка и приобретение журнала	164

Диана Кан

Кан Диана Елисеевна – известная российская поэтесса, автор книг «Високосная весна», «Согдиана», «Бактрийский горизонт», «Подданная русских захолустий», «Междуречье», «Покуда говорю я о любви», «Обречённые на славу», «Звёзды окликающая», а также многих публикаций в центральных и региональных изданиях России – всероссийских московских журналах. Окончила Московский госуниверситет им. М. В. Ломоносова и Высшие литературные курсы (ВЛК) Московского государственного литературного института им. Горького. Дважды лауреат всероссийской ежегодной премии журнала «Наш современник» по итогам года

(номинация поэзии). Лауреат всероссийской премии «Традиция» за серию публикаций стихов о России высокого гражданского звучания. Лауреат всероссийской премии «Имперская культура» в номинации «Поэзия» за книгу стихов «Междуречье» (Москва). Лауреат Всероссийской литературной премии им. Святого благоверного князя Александра Невского в номинации «Особая премия – Служение России» (Санкт-Петербург). Лауреат Всероссийской Пушкинской премии «Капитанская дочка». Лауреат Международной литературной премии им. Марины Цветаевой (2016). Член Союза писателей России. Живёт и работает в Оренбурге.

Суворов против Пугачёва или метафизика патриотизма

О патриотизме не говорит сегодня только немой. А уж нашего брата-писателя, хлебом не корми, а дай поразмыслить на темы исторических перипетий. Думаю, профессиональные историки не в восторге от такой нашей активности, когда вместо того, чтобы сеять разумное, доброе, вечное на поле художественной литературы, мы пасёмся на их профделянке. Но в душе каждого поэта-прозаика (о публицистах уж вовсе помолчу!) историк отнюдь не дремлет и дремать не собирается. А патриотизм дело непростое и даже метафизическое. Кто-то считает последнего русского императора единственно возможным патриотом, клеймя при этом «зверя» Сталина. Другие патриоты, напротив, признают истинным патриотом именно Сталина, а Николая Второго считают слабаком на грани предательства... В общем, страсти кипят и, пока, похоже, перекипать в некий, хотя бы относительный, эквивалент не собираются.

Что далеко ходить? Как то, ещё живя в браке с поэтом Евгением Семичевым и по нашему тогдашнему утреннему обыкновению разговаривая вприхлёб за кофе о судьбах литературы и Отечества, мы тоже, как и полагается патриотам, заспорили на повышенных тонах о патриотизме. Не помню уж кто и что конкретно явился объектом наших разногласий. Но доселе памятна фраза, которую выдал Семичев, разом прекратив спор и дав мне повод для размышлений. Спросил: «Емелька Пугачёв, по-твоему, патриот России и русского народа?». Я ответила: «Ну, разумеется; он ведь фактически умер, желая сделать народ хоть чуточку счастливее». Тогда Семичев задал ещё вопрос: «А генералиссимус Суворов, по-твоему, патриот России?». «Ну, разумеется, – ответила я. – Что опилки-то пилить?». «А вот тогда объясни мне, – прищурился Семичев, – почему один патриот другого патриота в железной клетке конвоирует на казнь? Вот когда ты мне это объяснишь, тогда и вернёмся к разговору!».

...И тут предо мной **въяве-вживе** в памяти встал огромный помпезный баннер, что я незадолго до этого увидела в Пестравском районе Самарской области, куда была приглашена на фестиваль. Баннер гордо вещал, что именно через село Мосты Пестравского района генералиссимус Суворов этапировал Емельяна Пугачёва к месту казни в столицу. Помнится, я тогда была шокирована: «Нашли чем гордиться!». Но потом призадумалась: этапировал-то не абы кто, а сам Суворов! Кстати,

чётко выверенная историческая наука советского периода и советские учебники по истории, весьма детально освещая народные восстания, как-то тактично умалчивали, что народного заступника Емельяна (а именно так однозначно позиционировался во времена СССР Пугачёв!), грубо говоря, «повязал» такой уважаемый человек, как Суворов. Баннер вдруг открыл предо мной маленькую историческую деталь, которая заставляла по-новому взглянуть на прошлое России.

Собственно, раз уж речь зашла о Пугачёве и Суворове, надобно уточниться, что заслуга поимки Емельяна Ивановича Пугачёва принадлежала на 98 процентов Иоганну Иоганновичу Михельсону, русскому барону немецкого происхождения, талантливому военному деятелю. Но, видимо, премудрая немка-императрица Екатерина Великая учла, что пленение русского народного заступника немецким бароном да ещё в царствование императрицы-немки может стать тушением пожара керосином. И попросила всенародного любимца Суворова этапировать загнанного в угол Михельсоном Пугачёва. Премудрая была женщина наша царица! И, думается, Суворов проделал эту не вполне однозначную для него, военного человека, работу отнюдь не за будущие монархии преференции. А потому, что понимал – так будет лучше для российской государственности. Думается также, что барон Михельсон также не был в восторге от того, что он выполнил главную часть работы, а пожинать плоды его трудов назначен Суворов. Но немец Михельсон был верноподданный русской царицы, которая впоследствии хорошо отблагодарила его, сделав генерал-губернатором одной из западных областей Российской Империи. Почему Емельяна Пугачёва этапировали через Пестравский район? А потому, что именно в этих местах, на берегах реки Иргис, в одном из старообрядческих скитов Емельян и был пленён. Самарские краеведы поговаривают, что Сергей Есенин, когда по примеру Пушкина заинтересовался личностью Емельки Пугача, планировал приехать в Пестравский район, чтобы воочию увидеть места пленения народного героя Емельки. Пушкин ездил по Пугачёвским местам в Оренбург и Уральск, а Есенин, видимо, хотел увидеть место, где была поставлена точка эпохального восстания.

Итак, почему патриот Суворов помог уничтожить патриота Пугачёва? А может, имеет смысл задать этот вопрос поэтам? Тому же Пушкину, который в данном случае одновременно является историком, глубоко изучавшим «пугачёвщину»: «Весь чёрный народ был за Пугачёва. Духовенство ему доброжелательствовало. Одно дворянство было на стороне правительства...». Или дать себе удовольствие процитировать гениальное стихотворение Юрия Кузнецова, осмысливающее пугачёвский феномен отнюдь не с земных позиций.

Не поминай про Стеньку Разина
И про Емельку Пугача.
На то дороженька заказана
И не поставлена свеча.
Была погодушка недоброю,
Ты наломал немало дров.
И намахался ты оглоблюю
Посреди родных дворов.
Уж нет дворов – одни растения,
Как будто ты в краю чужом
Живёшь, и мерзость запустения
Разит невидимым козлом.
Куда ты дел мотор, орясина?
Аль снёс за четверть первача?
И все поёшь про Стеньку Разина
И про Емельку Пугача.
Трудись, душа ты окаянная!
Чтобы когда-нибудь потом
Свеча горела поминальная
Во граде Китеже святом.

Юрий Кузнецов

Окаянность и покаянность – вот аверс-реверс той медали, на которой начертано «Патриотизм». Ведь наша жизнь, и патриотизм в том числе, априори противоречивы и метафизичны. И именно

в этой противоречивости кроется истина. Проиллюстрируюсь историческими примерами. Каждый час правления «любителя выпить» Уинстона Черчилля приближал Британию к величию. Но каждый час правления «любителя выпить» Бориса Ельцина приближал Россию к краху? То есть и выпивать, и заниматься патриотизмом можно по-разному! Или вот ещё: находящаяся фактически в военной оккупации США Япония – одна из самых развитых, национально ориентированных и богатых стран мира. И это при полном отсутствии в Японии земли и природных ресурсов. А располагающая крепкой армией Россия при её неисчислимости природных ресурсов, которые не дают покоя всему «цивилизованному миру», пардон, отнюдь не процветает в материальном смысле...

Вот только не надо непатриотично говорить, что японцы трудяги, а русские совсем даже наоборот. Ничуть не ставя под вопрос трудолюбие японской нации, я, тем не менее, отнюдь не уверена, что ленивая многонациональная российская общность была бы способна не только худо-бедно обжить, но и столько лет удерживать огромную евразийскую территорию.

Долго размышляя над этим и подобными противоречиями, я пришла к выводу, что именно духовно-нравственное состояние элиты является первопричиной всего и вся в государстве. Страна начинает процветать не столько тогда, когда народ неустанно и особенно охотно трудится, ибо любой народ трудится постоянно. Чтобы выжить! Страна идёт на взлёт тогда, когда элита, управляющая государством, понимает свою ответственность перед страной и перед народом. Понятие чести для элиты отнюдь не абстракция! Ну, с японцами понятно. У них веками существовал обряд харакири (упаси Бог, не призываю наших элитариев ему следовать!), когда японский дворянин, дабы сохранить честь, просто обязан был совершить ритуальное самоубийство. Если помните недавний катаклизм в Японии, связанной с Фукусимой, аварией на атомной станции. Тогда премьер-министр Японии Наото Кан, понимая, что он не в состоянии контролировать ситуацию, просто подал в отставку. И это при том, что контроль в подобной ситуации природного катаклизма проблематичен в принципе. А много вы видели в новейшей России элитариев-управленцев, которые, поняв, что «не тянут», ушли бы с сытой должности сами? О какой я такой чести, если нынешним российским элитариям «параллельно», что их имена полощут в СМИ, а народ похохатывает над их персонами.

Россия была великой страной, с которой считались в мире, именно в те эпохи, когда понятия чести в среде элиты были незыблемы. Настолько, что царь был даже вынужден запретить дуэли, поняв, что золотой кадровый резерв фактически во многом занят самоуничтожением. Запретить-то царь-батюшка дуэли запретил, но понятия чести упразднить было не в его власти. Просто дуэли стали тайными. Оба наши великих поэта – Пушкин и Лермонтов – стали фактически заложниками чести в дуэльном формате. Но, по сути, дуэль была приметой элитарности! Как сказал один дворянин купцу: «Я не могу оскорбить вас, потому что вы же даже не сможете потребовать сатисфакции через дуэль». То есть элитарное право дуэли на купеческое сословие не распространялось.

В военное время в стволах Лепажа пули дремали куда чаще, ибо было не до выяснений меж собой: речь шла о судьбе Отечества! И в этой связи хочу вспомнить замечательное стихотворение Евгения Семичева, спор с которым, собственно, и вывел меня на эти размышления. Стихотворение о кодексе дворянской чести в условиях военного времени, написанное по реальным историческим событиям:

Николай Раевский-старший
 На французов в бой идёт.
 Генерал — герой бесстрашный
 Сыновей на смерть ведёт.
 Потому, что эти дети,
 Шалуны и драчуны,
 Путь к победе на рассвете
 Указать для всех должны.
 Взявши за руки обоих,
 Роковой связал судьбой.
 И ведёт по полю боя
 Полк пехотный за собой.
 Он зовёт: «Солдаты-братцы,
 За детьми идите в след.

Одному из них семнадцать,
 А другому десять лет.
 Эти юные герои,
 Я ручаюсь головой,
 Путь в бессмертие откроют
 Вашей славе боевой...»
 Шквал французской батареи
 Всё сметает на пути.
 Смерть над полем брани реет.
 И к врагу не подойти.
 Высоко в небесном храме,
 Приклонившись к алтарю,
 В ноги Господу, как знамя,
 Стелют ангелы зарю.

И кричит Раевский-младший,
Окликая Божью рать:
«Дайте знамя! В рукопашной
Я умею умирать!»
И встаёт открытой грудью
На врага пехотный полк.
И бурлит под гул орудий
Зоревой знамённый шёлк.
Генерал по полю брани
Сыновей на смерть ведёт.
Он картечью вражьей ранен,
Но из боя не уйдёт.

Потому, что эти дети,
Эти кровники войны,
Путь к победе на рассвете
Указать и нам должны.
...Эти юные герои
Под Салтановкой в бою
Вознесли над ратным строем
Славу звонкую свою.
На Руси лихие были
Забияки-барчуки,
Но Отечество любили
И водили в бой полки.

*Евгений Семичев
под Салтановкой, 1812 год*

Когда солдаты не смогли подняться в бой на шквальный встречный огонь французов, генерал Раевский не стал орать из окопа «Солдатушки-братушки, подымитесь!», а сам встал и, взяв за руки сыновей, пошёл с ними фактически на смерть. Понятно, что воодушевлённые примером солдаты не смогли отсидеться в окопах и встали плечом к плечу с любимым генералом.

Показательна в контексте нашего разговора дальнейшая судьба «генеральских сыновей» – оба в той битве остались живы, словно хранимые свыше. Более известен Николай Раевский, тёзка отца, ставший видным государственным деятелем России и даже другом Пушкина. Судьба второго сына менее известна, но есть свидетельства, что он был связан с российским декабризмом-масонством, ставящим целью «зачистку» монархии в России. Но ничуть не сомневаюсь, что и он тоже, будучи декабристом, желал России блага... И уж, конечно-конечно, не вызывает сомнения, что оба сына генерала Раевского были патриотами России до глубины души.

Вот мы и возвращаемся к тому, с чего, собственно, и начали – почему два патриота, порой, оказываются по разные стороны баррикады; как Суворов и Пугачёв, как последний русский император и стальной генсек, как два брата Раевские... И если глянуть ещё глубже – почему любящие отца Каин и Авель становятся по разные стороны жизненного «барьера»? Ох уж эта метафизика бытия и патриотизма, которая так трагически проявится в России во времена гражданской войны. Но это уже совсем другая (хотя другая ли?) история.

Проза

Сергей Пылёв

Сергей Прокофьевич Пылёв родился 7 февраля 1948 года в городе Коростене Житомирской области (Украина). В 1972 окончил ВГУ (журналистика). Служил в Советской Армии, работал сторожем, электриком, грузчиком, сборщиком большегрузных шин, а также трудился в различных СМИ Воронежа, в том числе в журнале «Подъём». С 2003-го по 2009-й годы – главный редактор журнала «Воронеж». В настоящее время – редактор газеты Воронежского аграрного университета им. императора Петра I. Член Союза писателей СССР (ныне России) с 1984 года, прозаик, автор 9 книг рассказов и повестей, вышедших в Воронеже и Москве.

А за окном – человечество

Повесть

Завершение. Начало в предыдущем номере: «Берега», 3 (21)-2017

Я вдруг заплакал...

Ничто, наверное, не приходит так внезапно и не производит такой переполох в семье, как детская болезнь. Более того, иногда даже кажется, что мамы и бабушки ей по-особенному рады. Ведь это для них как ещё одна очевидная возможность достигнуть высшего внутреннего уровня чадообожания и бескрайней всезаботливости.

Поэтому не раз бывало: среди ночи Слава вдруг кашлянул – дитячья слюняшка не туда в горле юркнула, или слишком резко вздохнул. А Зоя тотчас уже стремительно подхватывается, на бегу включает свет всюду, где только можно. Спросонья мне кажется, что он вспыхивает везде одновременно, словно это наглядный действующий макет рождения нашей Вселенной методом Большого взрыва.

И вот уже тростинка-Славик у неё на руках: гнётся туда-сюда, как испуганно забуксовавший паучок в чреве ванны в миг приближения роковой волны его Всемирного потопа.

– Что с тобой? Что?! Славушка! – Зоя встревожена не на шутку. – Ты заболел? Открой ротик!

Славик догадывается, что у него появился железный шанс не пойти в детский сад и весь день до осатанения смотреть вертялых, надменно-гундосых любимых Фиксиков. Он пускает слезу и начинает вдохновенно кашлять, кашлять... Кашлять до задыха, надрывно. И вот его уже реально рвёт. Теперь он стопроцентно останется дома с «баушкой-баушкой-баушкой»...

Только в этот раз всё выстроилось по-настоящему: с утра Славик был тих и бледен, не разбрасывал игрушки, не рисовал на обоях и не пел гимн Фиксиков, передвигая по дверце холодильника пёстрое стадо разноцветных магнетиков. Более того, он как-то боязливо поглядывал на нас с Зоей своими точно бы вспотевшими, мутными глазёнками.

– Золотой мой, ты не заболел?.. – перехватила она такой его чуть ли не сюрреалистический взгляд. – Сейчас поставим градусник! Где градусник? Серёжа, ты не видел градусник?

Его маленькая стеклянная торпеда, лихорадочно проблёскивая густо-серебристым ртутным столбиком, загадочно проплыла в руке Зои сквозь утренний болезненный сумрак квартиры. Она словно точно выискивала цель.

Славик зажмурился, наморщив нос. Это почему-то была самая противная для него тема – измерение температуры. И это было самое ненавистное для него слово – «градусник». Заполучив его под мышку, он уже через минуту начинал страдальчески верещать:

– Уже сто лет держу ваш гадкий термометр!!! – сверхболезненным голосом принимался канючить Славик, словно ему занозу загнали в одно место.

Уже эти эгрегорные тайны детского мироощущения...

Измерение температуры – это всегда в некотором роде колоритная мизансцена с волнующим сюжетом и неожиданным финалом. Нередко мистическим. Во времена оные градация степени нагрева человеческого тела лежала в пределах понятий «горячо», «тепло», «холодно». Первым эту процедуру переместил в область научной точности итальянский титан эпохи Возрождения Галилео Галилей из Пизы («А она всё же вертится!!!), когда придумал, кроме всего прочего астрономического, поэтического, механического, философского, ещё и термоскоп. А вот термометр в его нынешнем виде вручил цивилизованным народам купеческий сын, немецкий физик Даниель Фаренгейт, а шкалу – швед Андрес Цельсий, опять-таки астроном и ко всему ещё геолог, метеоролог.

Я сверхбережно принял из рук нешуточно взволнованной Зои скользкую изящную колбочку, созданную усилиями трёх гениев трёх веков, как будто в ней была запаяна не блестящая капля ртути, а ни мало ни много тайна здоровой жизни Славки, как спрятанная в яйце смерть Кошца Бессмертного. Памятуя реакцию Зои на «мёртвый час» в детском саду, я тем более не стал озвучивать эту свою болезненно изошрённую ассоциацию.

Аккуратно подойдя к свету, я строго вгляделся в бледно мерцающую ртутную струйку. Она грозно упиралась в роковую сорокоградусную черту. Я недоверчиво повертел бдительный прибор. Показания были непоколебимы.

На этом мои функции завершились. Зоя решительно отодвинула меня в сторону.

Все дальнейшие действия она страстно взяла на себя. И ей удалось невозможное: практически одновременно вызвать «скорую», позвонить в Москву Тоне и дать Славике лекарство – некий сироп «Нурофен Плюс» в разнеможной рекламно-навязчивой яркой коробке.

В моём детстве меня капитально лечили каменным мерзко-белым норсульфазолом, сына я врачевал тошнотворным тетрациклином из мрачного тёмно-зелёного пузырька. А тут – сироп! Не лечение, а просто какой-то поход в кафешку. Может быть, в нынешних аптеках даже имеется лекарство от глистов с розовым клюквенным мороженым или гамбургер-толстячок а'ля «Макдональдс» как средство от поноса?

Славика и Зою без промедления забрали в больницу. Она собралась так скоро, словно все нужные для этого вещи, продукты и прочее всегда находились у неё, как у кадрового офицера под рукой в некоем «тревожном» чемоданчике.

Вначале мой «француз» уверенно держался у «скорой» на хвосте, хитрованом пробиваясь через уличные пробки под прикрытием её тревожной сирены и не менее тревожной красно-синей мигалки: снопами своего блестящего света она словно разгоняла перед собой призраки сытого равнодушия к чужой боли. Однако не зря говорится, что на чужом горбу в рай не въедешь. В конце концов, на одном из перекрёстков, где сбились в стадо внедорожники дерзко-высокомерных водил с купленными правами, меня так-таки отсекли.

Я едва нашёл нужную мне больницу, скромно притулившись на склоне одного из семи холмов, на которых издревле стоит Воронеж. Казалось, её столкнули на обочину жизни поднявшиеся вокруг дородные особняки приснопамятной всем воронежцам «Долины нищих» с провинциально мещанским представлением её жителей о современной архитектуре. Помогло сориентироваться лишь то, что во младенчестве я тоже провёл в этой больнице отведённый мне судьбой срок. С подозрением на холецистит, оказавшийся в итоге обманым симптомом банальной ангины.

Так что ещё в приёмном отделении во рту у меня ностальгически появилось бледное послевкусие здешней бессмертной творожной запеканки с каштановой корочкой, которую я когда-то так любил уминать в палате с молоком матово-синего нищенского оттенка. Зато натуральным на все триста процентов.

С первого взгляда здесь практически ничего не изменилось. Разве что появилась новая вывеска в духе языковой стилистики сегодняшнего особо изошрённого бюрократизма – БУЗ ВО ОДКБ. Нашему поколению памяты имперские сокращения недавнего прошлого, жутковато леденящие кровь индивидуума в зависимости от меры его диссидентской фронды, – НКВД, МГБ, КГБ, МВД, КПСС, ВЛКСМ. Самым сильнодействующим было убойно краткое, похожее на щелчок револьверного курка, – ЧК! Нынешние аббревиатуры (от лат. *brevis* – краткий) похожи на некий эзотерический код. Их сегодня нет только на синих передвижных городских туалетах-пеналах. В общем, увидишь какую-нибудь буквогидру ФГ БОУВПО Ф или даже куцее ГОС ВО, а то ещё некое милейше-тупое

ЕГРЮЛ – так тотчас трепетно понимаешь, в каком сложном, многомерном мире живёшь эдаким пришибленным девиантом. Вернее, проживаешь. С разрешения и под бдительным приглядом этих секретных АБВГДЭЮЯ.

Когда я приехал на место, Зою и Славика уже оформили и разместили.

Несмотря на аббревиатурную страшилку на входе, в больнице работали живые люди, а не обитатели некоей абстрактной планеты БУЗВООДКБ. Пока врач осматривал Славика, они оба весело общались, как завзятые приятели. А наперекор расхожим мифам о скудно-убогом больничном рационе, здесь вкусно пахло явно сочными «правильными» котлетами и матовым густым «пюре» с прозрачным лучком, отдававшим ароматом осенних маслят.

Расцеловавшись на прощание с Зоенькой, ободряюще потрепав голову строго стоявшего навытяжку Славика, я со странным чувством вышел на улицу: я вдруг пронзительно почувствовал себя одиноким.словно на раз оказался на далёком Плутоне, доставленный туда знаменитым аппаратом New Horizons – современным аналогом пушечного ядра, на котором путешествовал барон Мюнхгаузен.

Или меня занесло даже в самую преисподнюю?..

В дряблой городской темноте зигзагами порошил мелкий редкий снег раннего октябрьского предзимья. Вертикальные тени прохожих судорожно колебались в белёсой мути. Они тянулись вверху по краю холма, а казалось – медленно, утомлённо летели во вселенскую неизвестность, как люди на полотнах Шагала.

Неожиданно мир перевернулся, словно чтобы вернуть меня к его суровой реальности и истинным координатам событийности. Ноги судорожным взмахом оказались на месте головы, а она с нутряным арбузным треском шмякнулась оземь.

Боли, спасибо, не было. Было ошеломительное, почти радостное, даже праздничное ощущение идиотизма внепланового купания в студёной осенней грязи в австрийском светло-зелёном классическом тренче: двубортном, с погончиками и отложным воротником.

Достукался, добегался, досуетился, вляпался.

Нелепость произошедшего словно бы засвидетельствовала, что я, по всей видимости, сбился с предназначенного жизненного пути и забрёл невесть куда.

Словно спровоцированные ударом о землю, тяжеловесные глухогрохотные (по выражению Джеймса Джойса) мысли посыпались на меня, как некогда на человечество из ларца Пандоры все его лежавшие под спудом до поры до времени несчастья и беды. Только в мифе по воле Зевса на дне тайника всё же осталась некая «надежда». Меня же, по всей видимости, и её лишили...

«Во что я вляпался по самое не балуй?.. – уныло думал я, лёжа навзничь на сочном чернозёме почти в удобной позе. – Зачем мне все эти сложности со Славиком?.. Я с боку припёку всему этому. Я хотел и хочу прожить с Зоенькой свои последние годы мирно и тихо. Мне покой нужен!!! Господа... Товарищи!!! Братцы!!! Народ! На помощь...»

Я вдруг заплакал. Вернее, начал умеренно слезоточить. А осознал это я, когда почувствовал, что мои напомаженные хладным чернозёмом щёки вдруг стали нежно теплеть.

«В этой жизни даже быть единожды счастливым – непомерная роскошь, а ты восхотел этого дважды? За чей счёт, господин вдовец? Держи карман шире...» – приосадил я себя как бы от имени некоего Всевидящего Ока.

Пощёчина педагогике

Где-то через неделю я привёз домой Зою и Славика. Часа два он угрюмо и меланхолично складывал нечто из деталей конструктора и тотчас разрушал, складывал и разрушал – с угрюмой, злой улыбкой американского кинозлодея. Он был явно не в своей тарелке – как видно давали знать о себе точечные узоры от уколов и разлука со страстно любимыми игрушками.

Может быть, он и по мне там скучал?..

Я промолчал на эту тему, чтобы меня не засмеяли.

Зоя сварила манную кашу с орехами и изюмом, но Славик есть не стал. Даже с ложечки. Даже когда Зоя стала перед ним на колени.

– Ты же голоден! Мой золотой!

– Пошла куда подальше ваша гадкая каша! – демонстративно задрожал Славик и по охватившему с недавних пор их детский сад поветрию повернулся к нам спиной и похлопал себя по своим годицам каждая размером с дольку абхазского апельсина. Именно абхазского.

Я давно не слышал звук крови, шумящей в голове. Это достаточно яростный, клопочущий звук.

Я как на автомате, не понимая зачем и для чего, шагнул к Славику, рывком приподнял за шиворот и смачно шлёпнул по игрушечному подобию заднего места. Всего один раз, господин высший судья!

Славик затрепетал и словно потерял сознание от злости, перехватившей ему горло.

Я попытался мысленно оправдать себя тем классическим примером, когда в далеко не поэтической «Педагогической поэме» Макаренко, великий мэтр воспитания не воспитуемых, вlepил отменную затрещину Задорову, доставшему его своей интеллигентной наглостью. И хотя эта пощёчина навсегда пресекла дерзость колонистов, сам Антон Семёнович с тяжёлым сердцем потом всегда видел в ней не только преступление, но и крушение его педагогической личности и созданной им системы.

Зоя с бледным, отсутствующим взглядом бережно отнесла враз притихшего Славика на диван. Как тяжелораненого. И сама рухнула рядом с ним. Кажется, она едва сдерживала слёзы. Точнее, самые настоящие рыдания.

Я ушёл в другую комнату, прижался лбом к холодному окну и сделал вид, что гляжу на улицу. Не видя, однако, ни зги. Там словно бы стояла настоящая «тьма египетская». На самом деле, фонари горели бодро и даже с ликованием: жёлтые пузыри этих солнышек романтично искрились в дискретных дождинках октябрьского сеянца. Мне же глаза застила тёмная завеса.

Постучала Зоя.

– Серёженька, Славик спит...

– Ясно, – сказал я голосом человека, виноватого во всех бедах человечества. Того, которое за окном...

– Мне так неловко перед тобой.

– Я сам хорош.

– Мы достали тебя. Прости... Разве такой жизни для себя ты хотел, когда мы первый раз ехали к тебе на дачу? Давай мы со Славиком поживём у меня до возвращения Тони...

– Я не желаю муссировать эту тему! – заговорил я почти круто, чуть ли не как самый настоящий мужик. – Знаешь, я всё ещё не хочу с тобой расставаться, – почти дерзко заметил я, упёрто глядя во «тьму кромешную» за окном, а на самом деле – внутрь самого себя: – У меня такое ощущение, что тогда обрушатся все наши надежды...

– Кажется, всё к этому идёт... Тоне предложили в Москве перспективную хорошую работу. Очень хорошую.

– Позволь мне догадаться на раз-два. Может, в Министерстве обороны?

– Горячо...

– Что же ты молчала? И каким образом на твою дочь такая манна небесная просыпалась?

– Пашины сослуживцы по Чечне поднапряглись. Кстати, эти люди уже вышли на след того, кто заказал моего зятя...

– Зоенька, принеси мне, пожалуйста, тонометр... – сказал я извиняющимся голосом.

Да, жизнь сложнее всяких схем. «Терпение – прекрасное качество, но годы наши слишком коротки, чтобы долго терпеть», – часто любила говорить моя мама Татьяна Яковлевна. Эти слова были не только её спасательным кругом, духовным кредо, но и ключом ко многим тайнам человеческой природы. И хотя первым их произнёс сирийский учёный и энциклопедист Абу-ль-Фарадж бин Гарун, он же христианский епископ Григорий, сын крещёного врача-еврея Аарона, жившего в Турции в XI веке, я считаю, что их истинное понимание принадлежит только моей маме. Многоуважаемый Абу-ль-Фарадж бин Гарун, он же отец Григорий, так ты и сейчас не отказываешься от своих слов?

Тьма перед глазами никак не расступалась. Лишь приоткрылась тонкая щёлка, словно чтобы я мог сквозь неё злопыхательски подглядывать за несчастьями этого мира, в том числе и своими собственными. Но мне сейчас почему-то больше хотелось дерзко пойти им навстречу с поднятым забралом. Сразу предупреждаю, что всякие возможные ассоциации с Дон Кихотом Ламанчским

в моём случае неуместны. Хотя бы потому, что я вовсе не хитроумный. Иначе бы, господа, не оказался в том положении, в каком теперь был.

Тонومتر хладнокровно показал у меня самое что ни на есть игрушечное давление: 60 на 40.

– Я вызываю «скорую»!.. – глухо вскрикнула Зоя.

– Перебьюсь... – вздохнул я. – Дай, пожалуйста, полрюмки коньяка и шепотку соли.

– Может, дольку лимона? – напряглась Зоя. – Царская методика.

– Спасибо за неё Николаю второму, но мне – соли! И только соли.

Зоя взволнованно кинулась всё это искать, но она вроде меня как ослепла от волнения. К тому же кухня вдовца со стажем – это самая настоящая провальная яма. Если не «чёрная дыра» в миниатюре.

– Прости, Серёженька, я напрочь забыла, где у нас соль!..

Мне всё-таки удалось встать. Более того, сделав шаг-другой, я удивлённо усмехнулся. Оказывается, ты испытываешь весьма любопытное ощущение, когда одной ногой как бы уже стоишь на том свете, – вес твоего брэнного тела почти исчезает, и ты вдруг чувствуешь невесомую лёгкость собственной души. Если она у тебя, конечно, есть.

По «дороге» на кухню я, преодолевая головокружение, наклонился над Славиком. Он не спал. По-моему, он вёл с собой какой-то напряжённый внутренний разговор, зажав уши ладонями, чтобы ничто не отвлекало его. Судя по наморщенному лбу, разговор был нелицеприятный.

Я машинально поправил на нём одеяло.

«Эх, мужик...»

Кусочек Солнца

Наверное, надо быть Макаренко, чтобы одной пощёчиной повернуть в нужную сторону поведение отпетых сорвиголов и беспризорников. Или наш Славик круче их всех?..

Как бы там ни было, но уже вскоре по комнатам вновь зазвучал его поток сознания. Только теперь Славкины интонации стали настырней и самоуверенней: «Я победил! Что хочу, то и буду делать! Не нужна мне ваша каша! Видел я её в гробу! Приготовьте мне суп так же вкусно как в садике! Мыть руки не стану! Чистить зубы противно! Буквы запоминать не желаю! Читать учиться не хочу – это губит во мне детство!!!»

Говорят, Господь посылает нам испытаний не больше, чем мы можем вынести. Так что судьба, наконец, поступила со мной в русле этого высшего принципа. Я получил шанс на передышку. Может быть даже спасительную: на днях мне прислали из министерства образования и науки приглашение принять участие в конце октября в двухнедельном экскурсионном туре по Европе: Париж, Берлин, Варшава. Своего рода грант от организаторов прошлогоднего симпозиума в Польше по эпохе российской Смуты. Я там выступил вне программы с сенсационным докладом о тайной причастности Бориса Годунова к организации похода на Москву Гришки Отрепьева. По моей версии маниакально подозрительный царь решил так с помощью разведки боем выявить своих врагов. Но спецоперация вышла из-под контроля: сказался непереносимый российский эффект – хотели как лучше, а получилось как всегда. Вжившись в роль царевича Дмитрия, Гришка замахнулся на своего венценосного учредителя.

Поездка предполагалась вместе с супругой.

– А как же Славик?.. – виновато смутилась Зоя.

– Вариант с Тоней-сиделкой, как я понимаю, исключается?

– Целых две недели!.. Нет, она никак не сможет. Придётся тебе ехать одному.

– Только вместе.

– Не настаивай... Когда ты говорил о туре, у тебя был такой солнечный голос!

– А какой у меня обычно?

– Лунный, Серёженька.

– Милая моя психологиня, а короче – просто богиня. Мне без тебя даже еда в рот не лезет. Кстати, смутно помню, что в эпоху СССР мы с Мариной несколько раз отдавали нашего малого Сашу-ленцию в какой-то там круглосуточный садик. Разве такие ныне перевелись?

– Успешно почили в бозе. Вместе с десятирублёвой квартплатой и самым дешёвым в мире шестнадцатикопеечным бензином.

– Просто караул!..

Зоя взяла мобильник и набрала какую-то Тамару.

Я приложил палец к губам.

– Не паникуй! Она обязательно разрулит нашу проблему.

Зоя торопливо шепнула мне, что Тамара умеет найти выход из самых, казалось бы, непростых ситуаций. И как она только могла о ней забыть? Тамара – просто палочка-выручалочка, но не сказочная, а овеванная современной мистикой. Чем она занимается в миру – неизвестно, только ежегодно Тамара ездит в Тибет. Вернее, как она говорила, *ТОТ* зовёт её сам.

И разговор состоялся. Просто-таки на высшем уровне. Возможно, даже на том самом, на котором находится никем не покорённая знаменитая тибетская гора Кайлас с её Главным Зеркалом Времени, будто бы руководящим течением земных веков и судьбами человечества, живущего у Славика за окном.

Как бы там ни было, в этот же вечер мы с Зоей и её каким-то на этот раз вовсе не взбалмошным, но даже торжественно-строгим внуком уже сидели в жарко натопленном русской печью доме бездетной семьи Потаповых: сорокасемилетние Оля и Николай. Она болезненно худенькая, сутуловатая и почему-то в больших, шаркающих шлёпанцах. Николай плечистый, рослый и какой-то словно отчуждённо сонный. Плюс ненавидяще глядевшая на нас пятицветная кошка с тремя вёртками, прыгучими котятками, юркая ручная белая мышь с клюквенными глазёнками и трусливая хромая дворняга на сносках. Густо пахло борщом со старым ржавым салом и толчёным чесноком. В красном углу вперемешку с бледными серыми родительскими фотографиями висели большие тёмные иконы, святые лики которых глядели так взыскательно строго, что, входя, нельзя было не перекреститься, хотя я в чужих домах делать это обычно сдерживался, тем более прилюдно.

– Итак, вы хотите, чтобы ваш внук недели две пожил у нас? – наконец деловито, вдумчиво спросил Николай, положив на стол обе свои худые жилистые руки потомственного столяра. На правой у него вместо мизинца, большого и безымянного пальца злыми гномиками торчали три культи отёчно-красного цвета.

Увидев их, Славик внезапно побледнел и у него, кажется, на мгновение пресеклось дыхание.

– У-тю-тю-тю!!! – задорно ткнул Николай Потапов оставшимися пальцами в сторону Зоиноного внука, словно большой длинной вилкой с двумя зубцами, которой удобно достать приглянувшийся кусок даже с самой с дальней тарелки.

Славик не шелохнулся, только скрипнул зубами: «Вжик!»

– А из него толк будет... – вздохнул Николай, хотел было погладить Славика по голове рукой-вилкой, да что-то передумал.

– Коленька, можно и я скажу? – с нежной тревогой пискнула Оля, и её узкое длинное лицо покрылось тонкими морщинками, словно грозя рассыпаться на мелкие части. – Зоя Витальевна, Сергей Владимирович, семья у нас, как вы видите, простая, трудящаяся. Я всю свою сознательную жизнь мою и мою грязную посуду в кафе «Рай». Наш брак с Коленькой для нас обоих второй. Детей у нас нет и не было. Бог не дал... Вот я и размечталась, глядя сейчас на вас – такую порядочную, интеллигентную пару, что если вдруг мы за эти две недели полюбим вашего Славика, а он нас?..

– Стоп, жена! – твёрдо сказал Николай, сложив руки на груди. – Я тоже не исключаю такой ситуации. И имею по этому поводу вполне определённое мнение. Тамара немного просветила нас о ваших трудностях. В таком возрасте вам ребёнка на ноги уже не поставить. Не успеете. Вы уверены, что оба доживёте хотя бы до его совершеннолетия?

Мы с Зоей покаянно, самокритично вздохнули.

– А если кто один и дотянет, то всё равно никуда годен уже не будет. Так что мы решительно готовы без дураков предложить усыновить вашего Славика, вот вам крест, с соблюдением всех установленных государством формальностей. Чтобы потом между нами не было никаких скользких разговоров и нытья о возврате дитя.

– Кошачьи щенки! Ух ты! – разглядел Слава весёлую, резвую троицу котят, вдруг прокравшуюся к нему под стул с явным намерением азартно поиграть.

– Вот видите! Ему нравится у нас! – чуть ли не со слезами в голосе проговорила Оля. – Мы люди трудолюбивые, в меру православные и без глупостей. Особенно по части выпить чего зря.

Николай снисходительно усмехнулся.

Он вдруг бодро встал, молодецки расправил плечи и зачем-то щёлкнул по низкому потолку панцирными ногтями своей левой здоровой руки. Сказал, как с разбегу:

– А вы, того, можете оставить парня у нас хоть сейчас.

– Идёмте, я покажу Вам, какую славную постель мы приготовили Славику! – счастливо взмахнула руками Оля, словно вдохновенно, нежно стелила простынь у нас на глазах.

Моя Зоя Витальевна тревожно взглянула на меня.

Мы прошли в маленькую сумрачную комнату с узким оконцем на старинный русский манер, в которое, чтобы заглянуть, надо изогнуться в три погибели. На подоконнике стояла клетка с ярким, карнавально пёстрым щеглом в красной маске. Несмотря на свою просто-таки венецианскую внешность, птица выглядела понуро.

– Он, того, не поёт... Помял я его чуток... Когда ловил... – откашлявшись, сумрачно сказал Николай. – Сегодня же вышвырну. На попку лучше замену. Славец, а ты каких попугаев больше любишь?

– Я ещё об этом серьёзно не думал... – напрягся Зоин внук и посерел – так бледнеют люди с бледной кожей.

Само собой, главной достопримечательностью комнаты была сиявшая хромированными грядушками ласковая кровать с железной панцирной сеткой. Я спал на такой в детстве у бабушки в селе Касторном, мило запомнившимся мне своим горько-сладким печным дымом и словно бы живой, весёлой колодезной водой.

На кровати у Потаповых, застеленной накрахмаленной, искристой простыней, возлежала дородная пуховая перина, а поверху неё распростёрлось игриво-блескучее розовое атласное одеяльце с бантиками.

– Девчачье... – брезгливо сказал Славик, как прожевал что-то невкусное.

В тон всему по стене раскинулся пёстрый коврик с крылатыми ангелочками, явно страдающими избыточным весом. Тем не менее, на тумбочке стоял в окружении целого стада мягких игрушек – типа слонов, тигров, мишек и так далее – дорогой телевизор с изогнутым OLED-экраном модельного ряда этого года.

– Славочка, тебе нравится здесь? – бережно проговорила Оля.

– Не знаю... – безразлично хмыкнул он. – А вообще мне хочется взять кусочек Солнца и поставить его у вас посередине комнаты: вот будет светло!

– Какой умный мальчик... – вздохнула Оля и вдруг толкнула Николая локотком с несвойственной для тихони требовательностью. – Чего заткнулся?

– Так вы определились?! – как вскинулся тот и почему-то покраснел. – Нечего особенно тут раздумывать. Мы люди маленькие, по границам не ездим, однако соображение какое-никакое имеем: вам в дорогу пора собираться. А он между ног у вас всё шныряет, шныряет, шныряет! Суета сует!

Оля и Николай по-семейному разом сочувственно вздохнули, как бы иллюстрируя загадочную поговорку насчёт сатанинского единства мужа и жены.

– Спасибо вам за понимание. И вообще... – промямлила моя славная кандидат психологических наук. – Да, да. У вас чудесно! Более чем! Какая кошечка милая! А собачка! И всё же давайте будем считать, что наша первая встреча никого ни к чему не обязывает.

– Всё ясно... – глухо сказал Николай. – Вона как оно повернулось, Олюха, твоё гостеприимство... Нашим же салом да нам по мусалам.

– Я совсем не это имела ввиду... – Зоя Витальевна судорожно прижала Славика к себе.

– Дядя Коля, вы ошибаетесь! – вскрикнул её внук, почти беззвучно топнув ножкой-тростинкой. – Лично я никакого хрю-хрю не ел! Это не детская еда!

Потапов вытащил папиросы, поглядел на них так, точно первый раз в жизни видел и не знал, что с ними дальше делать. Казалось, сейчас заплачет от растерянности. Затупило мужика. Ручная белая мышка юрко взбежала ему на плечо и сердито пискнула, злою стрельнув в нас с Зоей своими лазерно-красными глазёнками.

– Я всё равно буду надеяться, миленькие мои... – молитвенно проговорила Оля. – Славик нам с Коленькой в душу вошёл... Такой милый мальчик!

Эй, человечество, которое за окном?! Сестра твоя страдает. Но как тут быть?.. Как разрулить наши судьбы?.. Да, трудно жить в деревне без пистолета.

В Париж к чёрту на кулички

Обычно о вечернем возвращении Зои с работы меня оповещает резвое, юркое шарканье в подъезде Славкиных подошв по ступеням лестницы: ко всему оно ещё какое-то острое, вжикающее, словно на оселке торопливо затачивают лезвие маленького ножичка. Его летящий бег никак не спутать с теми усталыми, неспешными звуками, какие издаёт в процессе восхождения на этажи взрослая нога натрудившегося за день человека. Далее Зоя бережно открывает ещё не совсем привычный ей тугой, оружейно клацающий замок моей квартиры. Тонкий, как тень, Славик тотчас проникает в коридор, словно сквозь бабушку, далее он со всех ног добегают до зала и, увидев меня, бежит обратно испуганно прятаться в пальто Зоиньки.

Наверное, я всё-таки похож на монстра. Или был им в своей прошлой жизни. Детям видней.

Сегодня моя Зоя Витальевна одиноко вошла в квартиру в осеннем пальто с объёмистым капюшоном, в котором она сейчас почему-то напоминала мне средневековую монахиню. Но ещё более смиренно-покаянного, отрешённого было в её безрадостном взгляде, словно остуженном нынешним на редкость стильным октябрём.

– А где наш «вождь краснокожих»?! – нарочито бодро проговорил я, временно переименовав Славика с помощью господина О' Генри.

– Потом, Серёжа... Хорошо?

– Надеюсь, с ним всё в порядке?

– И с ним, и с нами. Теперь мы сможем поехать в турне по Европе. Радуйся...

– Сейчас, только разбежусь... – вздохнул я, как фыркнул. – Ты всё-таки оставила его в том «доме со щеглом»?

– Нет, мой хороший. Позже всё объясню. Сейчас сил нет никаких. Можно, я немного молча полежу?

– Какой разговор? Тебе на ужин картошку подогреть или рис сварить?

– Я не хочу есть.

– Совсем-совсем?

– Вроде того.

– А чего ты хочешь?

– В Париж... – наклонила голову моя Зоя Витальевна. – Или к чёрту на кулички? Ещё окончательно не решила.

Я за полчаса сделал курицу «на соли» – шедевр кулинарии последних лет советской власти, когда ещё в помине не было никаких жарочных пластиковых пакетов, а фольга числилась по разряду дефицита уровня хороших обоев.

Конечный продукт получился что надо: смуглая, до прочерни местами, блестящая корочка, туго запечатавшая полтора кило изысканного мяса, густо насыщенного чистым, прозрачным соком. Я не знаю, кто первый придумал это блюдо, но без ехидства предлагаю поставить ему памятник. В виде тощей, синей курицы эпохи развитого социализма, превращающейся в духовке в подлинный кулинарный шедевр.

Ели мы без аппетита. Ели молча. Я всё время чувствовал себя в чём-то виноватым. Такое наше заторможенное состояние я объяснял тем, что мы отвыкли быть сами собой, а не приложением к Славiku. Но от этого веселей не стало.

Я даже начал замечать, что мне парадоксально мерещится наличие в доме внука Зои. Может быть, так оно и было на самом деле, но на каком-то энергетическом уровне? И вот сейчас с минуты на минуту Славик материализуется из ничего с ошеломляющим криком «Ура!!! Я описался!!!»

Наверняка Зоя тоже испытывала подобный эффект запредельного соприсутствия внука. Но явно в более зримых и чувственных образах, нежели это позволяли мне банально трёхмерные миры моих мужских приземлённых фантазий.

Весь вечер она делала вид, что внимательно и строго читает томик диакона Кураева «Сатанизм для интеллигенции», но листа не перевернула в книге.

Я попытался взять ситуацию под контроль и вернуть нашу жизнь в нормальное русло. Скажем, предложив романтическое путешествие в ресторан. Но вовремя спохватился: «Рано, Рита, пить боржоми...»

Назавтра мы ни разу не позвонили друг другу с работы, хотя до этого дня общались по всякому поводу и даже вовсе без оногo с утра до вечера: то по скайпу, то по электронной почте. Но я ещё продолжал верить, что со дня на день мы с Зоей, наконец, празднично ощутим всю радость нашего нового свободного положения.

Что-то, однако, подсказывало мне, что эту тему сейчас лучше не обсуждать.

Козий сыр для Славки

Наш двухнедельный дармовой тур по Западной Европе мы как не совершали. Словно вовсе и не были в этих разных там парижках, берлинах и варшавах, а мельком поглядели за ужином на их архитектурные и прочие прелести по каналу «Телепутешествия». Одним словом, благородного волнения от приобщения двух воронежских провинциалов к ценностям высокой культуры западного мира не наблюдалось.

Помню, в первой моей «забугорной» поездке (той самой, когда мы с Зоей случайно встретились на Карловом мосту), я убедился, что нас, россиян, местные видят за версту. До сих пор перед глазами очередь за кроссовками в одном пражском универмаге из оголтело налетевших эсэсэровских туристов образца 1987 года. И как местный мальчуган Славкиного возраста строго тычет в них пальцем, громко обращаясь к своей раскованной мамке в моднучей замызганной майке и домашних шлёпанцах: «Rusko! Rusko!!!» Сейчас в этом плане здесь посложней. Глаза в глаза русским улыбаются, большим пальцем зачем-то восторженно тычут в небо, а вслед – я это затылком почувствовал – глядят насторожено, с прищуром. Иногда и вовсе тревожно. Всё смешалось в головах европейцев: трагедия на Украине, бомбёжки запрещённой в России ИГИЛ, возвращение в Россию «блудного» Крыма и наше по их меркам чуть ли не дикарское непризнание толерантных ценностей однополых браков и прочего сладостного набора рокового содомства. Некоторые так и вовсе смотрели на нас, как на завтрашних оккупантов, уже приглядывающих себе в Европе зимние квартиры в любимом русскими классическом стиле.

И это мешало нам восторгаться Лувром, Дрезденской картинной галереей или Королевским дворцом Сигизмунда? Вовсе нет... Радость бытия нам с Зоей Витальевной отравляло... потаённое чувство вины перед неугомонным Славкой. Мы пребывали в некоем ступоре и почти не выходили из нашего **Small Hotel**.

Вы видели людей, которые из благородной старой Европы вернулись бы с пустыми руками? Это мы, господа.

Поверьте, выбор, что там прикупить, был. Очень даже впечатляющий. Они всё ещё продолжают нас удивлять своим особым стилем во многом, кроме, само собой, ракет и танков. В первую очередь, как всегда, по части гастрономии. Помнится, первый раз мне по-настоящему стало «за бугром» больно за державу в далёком нищем 1994-м. Я тогда в составе делегации ездил во Францию на symposium (с латыни буквально – пиршество) «Как находить выход из исторических конфликтов и возможна ли история без идеологии?» Что мы тогда наговорили друг другу – не помню. И помнить не надо, но вот реально не забуду, как нас повезли на всемирную Парижскую выставку-ярмарку европейской жрачки. Со вздохом признаюсь, что испытал мещанский шок при виде тамошних красиво упакованных сотен разновидностей колбас, сыров, вин и экзотического мяса крокодила.

По ходу нашего с Зоей турне я в баре одного из отелей (до магазинов мы не добрались по уже озвученной причине), было, положил глаз на бутылку страсбургского белого и на пятидесятипятиградусный зелёный Шартрёз из настоя на 130 травах. Зоя, как я заметил, вздохнула в сторону фуа-гра, известного ещё со времён Древнего Рима – необыкновенный паштет из неестественно жирной гусиной печени, на срезе похожий на живой мрамор с сочными прожилками – некая оранжевая консистенция, не бередящая вовсе мой могучий русский аппетит. В итоге мы вернулись в Россию лишь с польским домашним козьим сыром oscurek – для Славки, господа, для Славки....

Воронеж встретил нас густым кленовым листопадом. Ну, хоть заноси его в природные анналы. Этот листопад 19 октября 2015 года стал событием по своей масштабности. Ему предшествовал первый настоящий морозец. На исходе ночи он уверенно укрепился на неожиданных минус пяти. И лист сорвался, как приказ свыше получил.

Густо, масштабно запорошило. В парке возле нашего дома матёрые тридцатиметровые клёны до захода солнца неумоимо сбрасывали листья всех раскрасок. И пикировали те, и вертелись в штопоре, и плавно, затажно описывали последние круги. Сквозь аллею взгляд не проникал и до половины её. Всё застила, непроницаемо мельтеша, плотная, насыщенная лиственная метель. Сухой, минорный шорох был главным звуком Воронежа. К обеду насыпало вороха по колено. Ярко пахло вызревшим кленовым соком. В ночь этот сумасбродный падёж вдруг разом прекратился. Деревья, дружно потрудившись, отринули листья, как в «Марсельезе» в революционной горячке народ отрекается от старого мира и отряхивает с ног его прах.

Пока Зоя ездила куда-то за Славиком, мне вдруг отчаянно захотелось немедленно сбежать. Сейчас ОН вернётся и моему личному пространству придётся вновь свернуться до размеров куриной гузки. Я машинально начал перебирать адреса, по каким можно было бы удариться в паническое бегство. Ничего лучшего, чем залечь в моём гараже, я в итоге не родил. Верные друзья в основной массе своей поумирали, спились или эмигрировали в разные части этого не всегда белого света.

Но идея сделать подушкой старую шину и укрываться автомобильным чехлом мне явно «не климатила», как говорили мы в годы нашей комсомольской юности.

В итоге я предпочёл тупо ждать появления Славика.

Когда приехали Зоя с внуком, я не слышал. Совсем не слышал. Только не потому, что спал или был близок к этому. Так тихо, незримо, они ещё ни разу не входили. Вернее, – он, наш Славик. Тут бы уже вихрь поднялся, как это обычно бывало, торнадо настоящее: что может и не может с грохотом падает на его пути; ботинки Славика вёртко летят в потолок; он с визгом хватается игрушку, по которой неистово соскучился, и несётся с ней в танце по комнате, напевая (крича!!!) свой любимый гимн мультфильмовских Фиксиков.

Славка осторожно заглянул в комнату. Голова его мелькнула чуть ли не на уровне плинтуса. То есть он это сделал то ли на корточках, то ли лёжа. Как заправский разведчик. Потом пошёл напряжённый шёпот между ним и Зоей.

Само собой, я не подавал вида. Да и как-то не было во мне позыва на проявление бурной радости. Ведь это последние минуты, секунды, когда я принадлежу самому себе...

– Нам можно войти?.. – спросила Зоя столь тихим голосом, что мне стало почему-то стыдно за себя.

Она прошла через комнату такими мелкими шажками, какими подвигается человек, если кто-то прячется за ним.

– Поздоровайся с дядей, – вздохнула Зоя.

– Не-е-е-е!!! – заорал Славик за её спиной.

Я невольно отметил, что за время нашего отсутствия в его голосе как бы несколько прибавилось взрослых ноток.

– Не могу здороваться: я умер...

Он прыгнул на диван и распластался мертвецом.

– Началось? Ты – неисправим? Так тебя отвезти обратно на Туполева?! – с надрывом вскрикнула Зоя.

– Нет... – прошептал Славик и судорожно ужался – будто на глазах ещё похудел. То есть как бы уже по весу чуть ли не в минус вышел.

Название улицы Туполева мне было знакомо. Но причём она здесь? Бывало, проезжал там на своём «французе», – это чуть ли не самое глухое место Левобережного района с нелепой путаной планировкой. Унылые края, какие обычно бывают там, где на каждом шагу склады, гаражи, мрачные заводские корпуса... Обзывается эта окраина как-то странно – ВАИ. Правильную расшифровку такой загадочной, невесть из чего возникшей аббревиатуры до сих пор никто не сделал. ВАИ ко всему ещё имеет негласную хулиганскую славу. Как некогда знаменитая столица воронежской шпаны Песчановка. Она и ВАИ были некогда нашими аналогами нищих Нью-Йоркских Бронкса и Гарлема 70-х.

Минут через пять Славик осторожно прогулялся по комнате, заложив руки за спину. Словно по новой обживался здесь.

– Есть будешь?.. – тихо проговорила Зоя.

– А что-о-о-о?! – приобернувшись, зарычало дитя.

Она мило присела рядом.

– Что пожелаешь! Щи. Пельмени. Яишенка. Сочник с молоком. А ещё мы привезли тебе из Европы польский козий сыр! Вкуснятина!

Обычно Слава в ответ на Зоины предложения еды задирает пупырышку своего носа к потолку и с нарочитым выражением мучительного напряжения начинал плямкать губами: «Чего я хочу?.. Чего я хочу?.. Ну-у-у-у... Этого... Как там его... Ничего!!!»

– Ничего не надо. Хлеба... – вдруг тихо, конкретно проговорил Слава.

Мне что-то не по себе стало.

Зоя принесла полбуханки душистого ситного и хотела нарезать его, как Славик вдруг глухо проговорил:

– Дай целый! Так жрать вкусней!

Он крепко, хватко взял хлеб, машинально, на глубоком вдохе, «нюхнул», грозно зажмурился и наискось вгрызся в спелую, взгорбленную корочку. Бровки реденькие сурово сведены, пипка носа так сморщена, что даже судорожно шевелится от напряжения. Вскраснелся. Сопит. Вдруг голову чуть наклонил, чтобы по нам быстрым опасливым взглядом зыркнуть – и снова усердно за своё азартное дело настойчиво принялся.

– Подавишься! – вздрогнула Зоенька.

– Пошла ты!.. – глухо рыкнул Славик. Машинально. Явно чьими-то чужими словами.

Мы с ней тревожно переглянулись.

Не знаю, чего было больше в её милых серо-голубых глазах: потрясения от такой вовсе не детской грубости, впервые в жизни услышанной от внука, или страха в отношении того, какой силы будет сейчас с секунды на секунду мой удар по Славкиной заднице. Момент этого явно требовал. Иного быть не могло. Миль пардон, мадам. Маленький наглец напросился. Я вынужден. Это происходит у мужика на автомате. Генетически закодированная реакция на хамство.

Славик уже съёжился, судорожно стиснув обслюнявленный хлеб и отчаянно раззявив рот. Оттуда капали крошки.

– Подавишься, чертяка! – усмехнувшись, поддержал я Зою.

Настроения ударить у меня почему-то не было. Макаренко во мне смущённо отдышал.

«Я вас тоже люблю...»

Зоя порывисто обняла меня: она так выразила свою благодарность за мою настоящую мужскую выдержку. Я поцеловал её руку. Более чем приятно позволить себе такое, особенно если это совершаешь не по протоколу.

– Так где на Туполева твой внук пропадал всё это время? Мне когда-нибудь скажут?

– Он был в детском приюте... – сказала Зоя, прижав к себе Славика. – Самом лучшем в городе. Воспитатели – воплощённая забота и нежность. Кормят отлично. Игрушек – навалом. Каждый день у них в гостях священники, чиновники, бизнесмены, артисты. Всё просто замечательно! Если бы не контингент самих детишек... Они там один к одному из династий потомственных алкоголиков и «урок».

Я искоса поглядел на строгую напряжённую физиономию Славика. Но только не в глаза. Скорее, на напёрсток его подбородка. Посмотреть в глаза Зоиному внуку я сейчас не рискнул. Словно бы то, что я мог увидеть в них, было мне сейчас не по зубам.

– Он быстро стал там популярен... – вздохнула Зоя. – За две недели на него положили глаз три семьи! На предмет усыновления. Одна так даже из Лос-Анджелеса. Какие-то два мужика... Венчаные! Бр-р-р...

Славик хихикнул и вдруг сделал на диване стойку на голове. Даже носки, разбойник, оттянул, как следует.

– Баушка, отдавай меня кому угодно! Хоть Потаповым! Но только не этим дяденькам!

Следовало дать ему по заднице за употребление таких не соответствующих его возрасту терминов. Но пока я соображал как это сделать с наименьшими страданиями для Зои, Славик успел принять горизонтальное положение и благополучно заснул. Так бывает только с крайне измученными людьми.

Первые минуты, протискиваясь в долгожданный, домашний, безопасный сон, Славик судорожно дышал. С надрывом. А достигнув цели, уютно свернулся в его отеческих объятиях калачиком и распахнул перед собой экран для просмотра милых, добрых снов.

Я нагнулся над Славиком.

– Зоя, а что у него за синяки на щеке?

Она утомлённо закрыла глаза.

– В интернате один мальчишка всех подряд рвёт, как Тузик грелку. Любитель кусаться. Некий Филька. Лет пяти. Но он там уже за «пахана». Отец Фильки второй срок за убийство сидит, мать под следствием – младшего сыночка утопила в ведре.

– Как – в ведре?

– Деталей не знаю. Я там в этот момент не присутствовала, – впервые продемонстрировала мне Зоенька свои строгие нотки.

– И что, на этого Фильку нет никакого укорота? – пожал я плечами. – Жаль, что я не научил твоего внука хоть каким-нибудь приёмам из своего афганского прошлого!

– Вот и хорошо, что не научил, герой, – вздохнула Зоя. – Зло злом не побеждают. А там мальчик у них один есть, из Украины, так вот он стал нашего Славика и вообще всех ребят от Фильки защищать.

– Миша Мамонтенко? – напрягся я.

– Да. А ты откуда знаешь про него?

– Давай поговорим об этом позже... – нахмурился я, потому что эта тема сейчас вряд ли бы прибавила нам хорошего настроения. Как вы помните, она напрямую связана с огнёмётами, испепелившими в Луганске на холме семью Миши и его детство.

После неурочного славного сна внук Зои был паинькой только пару часов. Они пролетели, как мгновение. К полночи он вновь не на шутку разыгрался. Вокруг Славика – маленького короля в бумажной короне, больше похожей на шутовской колпак – расположилась разноголосая воющая свита из любимых игрушек: болтливый робот-поучалка Шунтик, назойливый «повторюшка» Хомячок, яростно ревущая гоночная машина и какой-то согбенный велосипедист, маниакально-настырно выписывающий замысловатые петли под заунывную электронную шарманку. Дерзко молчал лишь плюшевый и с недавних пор одноглазый Степашка. При этом он сидел с такой хитрой заячьей усмешкой, что даже у меня по спине от неё пробежали мурашки. Эдакий серый кардинал Славкиного детства...

– И-и-и-и-и!!! – самоупоённо верещал король игрушек, с каждой секундой возрастая в тональности. – Мы сейчас все поедem жить на Туполева! И-и-и-и-и!!! На шелбаны играть с Филькой в подкидного!!!

Чтобы дать вам хотя бы некоторое представление о силе звуков, сейчас издаваемых Славиком, приведу только один пример. Недавно, это была середина ясного тёплого сентября, мы с ним вышли погулять «в поля», как называют у нас в Берёзовой роще делянки здешнего аграрного университета. Переливчато мерцали молодые зелена. На них вдали, похожая на перья пепла, неподвижно располагалась стая грачей, как замороженная тишиной раннего вечера. Одним словом, классическая идиллия. Пейзанское счастье.

Здесь Славка и увидел впервые летучих мышей – крылатые комочки вечерниц, стремглав чертившие в сумерках резкие, суматошные и в то же время пластичные траектории.

– У них глаза как зелёные фонарики!!! Ух, ты-ы-ы-и-и-и-и-и!!! – радостно разразился он над нежнотихими просторами полей таким азартным, голосистым визгом, что летучие мыши-слепыши потеряли всякую возможность своей ультразвуковой ориентации в этом прекраснейшем из миров. Как осколки после взрыва, они суматошно скovyрнулись во все стороны без всякой надежды когда-нибудь ещё увидеть друг друга.

– И-и-и-и-и!!! И-и-и-и-и!!! – надрывно продолжал пульсировать по моей «хрущёвке» счастливый визг вошедшего в раж Славика.

Странно, но я сейчас как не слышал эти его пронзительно верещавшие трели. Словно вновь воспользовался спасительными салфетками для замуровывания ушных слуховых проходов. Так что, несмотря ни на что, я смог сносно читать, вернее, перечитывать лекции Ключевского, будто уютно сидел в благоговейной тишине любимой с лет юношеских Никитинской библиотеке.

– Слава, прекрати! – спохватилась Зоя, с опаской посмотрев на моё непривычно безмятежное, даже умиротворённое лицо. – Не балуйся!!!

– А я не балуюсь! – задорно объявил он. – Это от удовольствия жизнью! Для души.

Я внимательно покосился на него. Так на кастинге в театральный вуз член приёмной комиссии, замученный фальшивым чтением басен и стихотворений бесталанными соискателями, вдруг машинально поднимает голову, наконец, услышав живые самобытные нотки чьих-то реальных способностей.

– Ну, ты даёшь... – одобряюще усмехнулся я. – К твоему уму ещё бы соответствующее поведение.

Славик тоненько хихикнул:

– Сейчас мой ум почистит зубы и пойдёт спать, чтобы завтра не опоздать в детский садик на утренник. Уж там моему уму работы найдётся более чем.

Нет, что-то со мной странное произошло. Просто-таки из разряда аномальных явлений. Крученный-верченный ребёнок напрочь перестал меня раздражать. Я – притерпелся? Смирился? Не похоже. Ничуть. Но как разом отрезало.

– Ты купил себе беруши?... – осторожно поинтересовалась Зоенька, тоже заметив мою эдакую неожиданную толерантность.

– Я даже толком не знаю, что это такое, – благожелательно вздохнул я.

Так что же всё-таки со мной? Или «ко всему-то подлец-человек привыкает?!»

А Славка, словно нарочно испытывая моё терпение, пружинисто скачет и скачет по квартире. Как лягушка. То на диван вспрыгнет, то на стул взлетит. Пока подаренные мне мамой к моему тридцатилетию часы с боем «Чайка» обречённо не сорвались со стены. Их медное нутро, с грохотом рассыпалось шестерёнками и пружинами по паркету, траурно проскрежетав напоследок некое явно загробное время.

В руках Зои Витальевны взвился змейкой ремень, серебристо блеснул.

– Что ты наделал... – полуобморочно выдохнула она.

Славка куда-то метнулся, уворачиваясь от бабушкиной кары. Кажется, в сторону туалета. Даже медвежий тотем на этот раз не остановил его. Вскоре оттуда раздался его плач, правда, почему-то похож на такой звук, словно он ревел в глубокую кастрюлю.

Мы бросились искать его. Дитё горько рыдало, забившись под чугунную ванну. Это было разве что возможно только при толщине Славкиного туловища, равного тени. Когда-то именно сюда в грозу, чтобы не слышать её бомбовые раскаты, пыталась трусливо протиснуться моя могучая пятипудовая Аманда, но ей удавалось лишь протиснуть морду. Не в последнюю очередь благодаря тому, что она была у неё всегда обильно слюнявой и соответственно, скользкой.

Хрустнув коленями, я сел на корточки рядом с плачущим Славиком, и для начала врачующего психотерапевтического сеанса рассказал ему в качестве «разогрева» разные забавные истории с моей Амандой. Скажем, как она любила носить мою кепку на своей голове или в панике металась по берегу Дона, если я залезал в воду. Но самое живое впечатление произвела на Славика история о том, как я отучал её писать в квартире. Хотя Аманда была тогда весёлым щенком месяцев трёх от роду, мне это удалось не сразу и с большим трудом. Наконец, я с облегчением вздохнул, перестав наткаться в квартире на ароматные лужицы. Однако уже через пару дней Аманда, как видно, не желая расставаться навсегда с привычкой писать, где вздумается, наладила брызгать оригинальным способом: перевернувшись на спину. В эту минуту она напоминала маленького китёнка, выбрасывающего при всплытии дискретную струйку. При этом она была твёрдо убеждена, что не гадит в доме: в общем, и волки сыты, и овцы целы.

Славик хихикнул. Кажется, он был полностью солидарен с милой находчивостью Аманды. Может быть, он даже взял себе на заметку такое её решение животрепещущего щенячьего вопроса.

Я же, видя явный успех этой истории в глазах Славика, проникательно решил продолжить собачью тему. Я принял в туалете позу профессионального декламатора и собрался вдохновенно прочитать знаменитое стихотворение про собаку и кусок мяса. Кстати, его авторство для меня и Интернета – сушая загадка. Зато по всенародной популярности оно до сих превосходит всех отечественных классиков пиитического жанра. Начиная со старины Тредиаковского.

– Я знаю такой стих. Меня Филька научил... – печально поморщился Славик в положении «лёжа»

под боровом-ванной: – У попа была собака, Он её любил, Она съела кусок мяса, Он её убил». Жалко пёсика...

– Ничего подобного! – усмехнулся я. – Але гоп!

У меня была собака,
Я её любил.
Она съела кусок мяса,
Я её любил.
Она писала на коврик,
Я её любил.
Она тапочки порвала,
Я её любил.
И сказал я той собаке:
«Видишь, всё терплю».
И ответила собака:
«Я тебя люблю!»

Славик вылез из-под ванной, отряхнулся и вдруг тихо сказал:

– Я вас тоже люблю...

Мне показалось, что Зоя всхлипнула. Славик рывком прижался к моей руке. Чуть ли не обвинил её, как у меня возле дачи на Дону августовский белёсо-зеленоватый хмель кусты прибрежной ракушки. Славик стоял так очень долго. У меня даже спина занемела. Зоя несколько раз прошла мимо нас на цыпочках, приложив палец к губам. Нам нельзя было мешать: кажется, наши души знакомились друг с другом.

Настоящая подружка

Назавтра утром около жутко ранних пяти часов я неуклюже прошаркал в туалет мимо Славика. Он впервые не спал в это время и как-то строго покосился на меня с дивана. Представьте мальчика-огольца пяти лет, который на излёте ночи лежит на спине в детской голубенькой маечке с розовым слонёнком на груди, заведя хилые ручонки за голову, и строго, упёрто смотрит перед собой – в никуда. Да ещё его детский лобик весь сикось-накось в ряби тонюсеньких морщинок.

Я, было, подумал, что Славик нестерпимо хочет «пи-пи», если не более того, но боится идти один мимо тотемной медвежьей шкуры. Свет, правда, в коридоре и ванной комнате у нас теперь всегда предусмотрительно горел.

– Тебя проводить в туалет?.. – прошептал я, не догадываясь, что ребёнок в приюте успел привыкнуть вставать именно в это время. И вставать быстро, быстро убирать постель, бежать в туалет, а после зарядки идти качающимся смурным шагом завтракать.

Славик по-взрослому ловил последние минуты покоя.

– Завтракать, мой золотой! – вскоре пропела Зоенька, как объявляя радостную побудку на всём земном шаре.

– Ещё темно!.. А я есть хочу не в темнице, а в светлице... – глухо вздохнул Славик, опустив с постели свои скучные, залежавшиеся ножки.

Зоенька торжественно приступила к совершению обряда утреннего кормления внука: нагрела на водяной бане (и никакой вам вредной микроволновки!!!) творожные сырки (только «Тёма» и только с яблоком!!!), а также молоко «Цельное» в его любимой коричневой кружке, которая стояла у нас всегда наготове отдельно от общей посуды. Сама процедура кормления обычно выглядит так: Зоя бдитительно, взволнованно стоит перед внуком и с аккуратностью сверхточного японского робота укладывает с золочёной ложечки в ленивый птенчиковый клювик внука порцию за порцией.

Сегодня за едой он был как никогда хмур и траурно шокировал бабушку, не позволив кормить себя с ложечки и вытирать ему губы даже любимой розовой салфеткой с оранжевыми бабочками.

Причина такого мрачного настроения объяснилась, когда Славик, уже одетый, обутый, застёгнутый и обвитый трижды шарфом, с громким вздохом мужественно сказал:

– А теперь везите меня обратно на «Туполева».

– Миленький! – закричала Зоя Витальевна. – Ты идёшь в детский садик!

– Не верю... Везите, везите. Я не трус.

Она стремительно подняла перед собой упакованного под полярника (на улице мороз в два жутких градуса!) и как бы увеличившегося вдвое Славика. Далее с её стороны последовали лихорадочные поцелуй за поцелуем и нечто бессвязное в смысле приглушённого винящегося бормотания.

А он ей в ответ хмуро:

– Я там не пропаду. Кормят на «Туполева» очень хорошо. Игрушек целый воз. Только одиноко... И Филька больно кусается. Ничего, перемогнусь...

Славик, закусив губу, внятно, усердно перекрестился на икону у двери. Бровкой повёл, заметив какую-то за собой при этом ошибку, – и ещё раз отчётливо, с доглядом наложил на себя Крестное Знамение.

– Кажется, я сейчас сойду с ума! – Зоя ткнула лбом в моё плечо. – Серёжа! Если мы сейчас повезём его в садик, он всё равно будет до последнего думать, что это дорога в приют... Как быть? У меня через двадцать минут начинается приём! И первым записан такой человек, что даже тебе я не могу назвать ни его самого, ни тем более занимаемый им пост.

– Лети, Зоенька, – сказал я. – Только не цепляйся за антенны и трубы. А Славика я пристрою в компанию к своей внучке. Пора им познакомиться. А Лизонька как раз сегодня дома посидит от греха подальше. Расчихалась, понимаешь ли.

– Так Славик от неё заразится! – панически напряглась Зоя.

– Только всем хорошим! – пропел Славик и затанцевал по комнате от переизбытка каких-то до сих пор неведомых ему чувств. В итоге его озарило: – О! Надо купить Лизе цветы! Как без них знакомиться? Белые розы, белые розы, розы белые! Там-тара-рам!!! Баушка! Лиза мне уже кажется самой прекрасной девочкой на свете! Я просто уверен: лучше её нет никого! Почему мы раньше не знали друг друга?! Эх, вы! А сколько ей лет?

– Уже – четыре! – торжественно объявил я.

Моя Лизонька встретила нас взглядом исподлобья и спрятанными за спину руками. Губки – пухлым шариком. Гузка, одним словом. Вид одного этого уже способен вызвать пьянящий восторг у бабушки, каковым я и являлся. Даже Славик рассмеялся, глядя на хмурую четырёхлетнюю девочку с личиком, украшенным замечательно вылепленными бугорками сочных щёчек и потаённо озорными, умнющими глазёнками. Однако, кроме насторожённости и недоверчивой опасливости, в Лизоньке проглядывала резвая готовность немедленно, с разбега ворваться в любую игру. Плотненькая, не по годам сильная, как налитая, она была переполнена той неистощимой детской силой, которой требовалось просто-таки пороховое применение. Так что через напускную насторожёность в Лизоньке проглядывал задорный внутренний позыв: «Хочу игра-а-а-ть!!!»

Она учащённо моргала, всё ещё не выбрав, что ей предпочесть: рычащий плач с учащённым капанием слёз или атакующую радость.

Она строго поглядела на папу Сашу и маму Галю и, как считав с выражения лиц родителей одной ей понятную важную информацию, бросилась к Славiku. Я, было, решил, что она из-за переизбытка чувств даст ему сейчас в нос. Правда, если разглядит его на Славкином миниатюрном бледном лице.

Лиза хватко сковала своей смуглой ручонкой, нежно загоревшей под солнцем Турции (и скорее всего в последний раз), незащитно тонкую шею Славки. Когда она просто-таки волокла его в зал, он крутился у неё подмышкой, как вихляющийся на ветру рекламный надувной аэромен.

– Будем играть в дочки-матери!!!

– А кем я буду в этой сладкой парочке? – по-взрослому пошутил Славик.

– Кем-кем!!! Никем!!! Будешь Бабаем! – Лиза счастливо завизжала. – Я буду тобой дочку пугать, чтобы не баловалась! А ещё ты немного будешь папой, чтобы ходить в магазин, делать мне подарки и петь колыбельные!

Она игриво топнула ножкой, требуя от взрослых уйти поскорей и не мешать им понарошку играть взаправду.

Слава тотчас поддержал Лизу:

– Уходите!!! Вы – старые!!! Вы мешаете нам чувствовать себя детьми. С вами скучно!

Вечером я не узнал квартиру сына. Поднявшийся следом Саша тоже не врубился, куда он вошёл. Более того, мы оба не узнали Галю. Ни дать, ни взять какая-то другая, измождённая женщина по-

нуро полусидела-полулежала в кресле, обронив обе руки. Я бы, простите, даже уточнил – она была как размазана по этому просторному креслу из кожи цвета кофе с молоком. Вернее, таким оно выглядело утром. А сейчас больше напоминало перевернутый холодильник, облепленный пёстрыми развивающими пазлами магнитиков на все мыслимые и немыслимые темы.

Мы с Сашей уныло оглядели разбросанную по ковру тьму-тьмущую игрушек, книг, подушек, тяжёлых гантелей и даже обуви всех размеров, но в основном далеко не детской. Казалось, мы печально стоим на краю некоего кукольного Куликова поля после кукольного побоища. А опрокинутые стулья и сброшенная с дивана постель – мелочь пузатая по сравнению с разбитым антикварным зеркалом сталинской эпохи, опрокинутым телевизором и невесть как оказавшимися здесь немьтыми сковородками.

Посреди всего этого вселенского ералаша, как последние люди на Земле, стояли Лиза и Славик, мужественно взявшись за руки. При этом они то и дело отплёвывались, чихали и кашляли.

– Как это всё называется?.. – тихо сказал я, подняв с ковра растерзанную глистоподобную импортную Барби, успевшую прорваться в Россию до начала эпохи санкций – нынешнего варианта бывшего «железного занавеса». Мне её почему-то нисколько не было жаль. Я понимал, что это не толерантно, но ничего поделать не мог. Сказалось моё «матрёшечное» воспитание.

– Нас переполняла радость жизни! – взвизгнул Славик и поперхнулся смехом.

– Нашёл время веселиться... – осторожно заметил я, вовсе не имея в виду бюджетные проблемы страны и повышение пенсионного возраста.

– Я вообще... люблю... смеяться! – кхекая, дерзко объявил он, вдохновляемый присутствием Дамы сердца. – Это важная часть моей жизни.

Лиза бодро отхлопала его ладошкой по хилому загривку.

– Полегчало, Славец?

– Да, спасибо, дорогая, – ответил он, едва устояв на ногах.

– И что же вызвало у вас эту погромную радость, вандалы вы мои милые?! – продолжал я набирать обороты на случай оправдания перед Зоей уже почти неизбежного антитолерантного рукоприкладства с моей стороны состоянием неуправляемого аффекта.

Лиза демонстративно скрестила руки на груди и залилась сочным басистым хохотком.

– Мы решили пожениться!

Славик неуклюже изобразил, что обнял её за плечи:

– Спасибо тебе. Ты – настоящая подружка... Обещаю, что ты с этого часа будешь моя единственная подружка!

– А не кажется вам, что вы явно заигрались в семью? – всем лицом улыбнулся мой Саша.

– А вот и нисколько!!! – остро вскрикнула Лиза. – Я сегодня ночью видела во сне нашу свадьбу со Славиком! Вот вам и сон в руку!

– Какой у тебя замечательный голос! – с порывистой нежностью воскликнул Славик.

– Ага! – сказала Лиза и так ткнула будущего мужа локтем, что он, задохнувшись, рухнул на колени. Но с улыбкой. При всём при том даже вполне счастливой.

– Так, господа молодожёны... – нахмурился я так, что брови у меня на лбу скрутились, словно в бараний рог. – Хорошо-с. Пусть так. Но кто вас кормить будет? Одевать?

– Вы-ы-ы-ы!!! – завизжала Лизонька, словно поймала меня на очевидной глупости. – А жить со Славиком мы хотим здесь, в зале. Только мебель надо будет переставить. Я уже продумала как. И замок на дверь навесить, чтобы вы поменьше нами командовали!

Я ошалело поглядел на сына. У меня на лице явно было выражение человека, собравшегося первый раз нырнуть в Крещенскую прорубь при хорошем морозе. И без предварительных двухсот граммов с беломраморным салом, аппетитно разлинованным тёмно-красными прожилками мясной любовчинки.

– Ну, что, сват? Впряжёмся? По рукам?

Саша осторожно засмеялся. С плотно сжатыми губами. Почти как закашлялся.

– Не понял...

– Ты даёшь! Будем играть свадьбу. И все дела. Гостей пригласим. Разные там СМИ! Наше мероприятие явно ждёт книга Гиннеса!

Славик украдкой вытер нос рукавом, перекрестился сикось-накось и строго сказал:

– Слава Богу, Вы наконец всё поняли. Теперь так не хочется умирать!
– Будем жить, и жить вечно! – обняла его Лиза с таким бодрым аффектом, что Славику вновь пришлось пасть на колени.

Кажется, она нашла для него правильное место в их будущей жизни. По крайней мере, теперь я точно знаю, что первым просыпается от сна младенчества в маленькой девочке – взрослая женщина!

Мама, которая теплее Солнца

Мы с Зоей как истинные бабушка и дедушка восторженно впали в детство и начали взаправду готовиться к свадьбе понарошку, решив исподтишка за её кулисами устроить наше с ней реальное бракосочетание.

Над меню пыхтела Лизонька, рисуя для гостей царские блюда с летающими жареными лебедями и горы тортов, похожих на многоступенчатые египетские пирамиды, облитые ароматным кремом из «варёнки». Славик вдумчиво трудился над пригласительными открытками, украшая их амурами, похожими на крылатые инфузории-туфельки, больше похожие на обувные устилки. Если рисунок не получался, он по-взрослому топал ногами и кричал, как настоящий художник в приступе мрачного творческого бессилия: «Я бездарность!»

Кстати, одну из них я отправил в детский приют на «Туполева» специально для луговчанина Миши Мамонтенко. Так душа подсказала. Точно с каким-то намёком.

А на днях утренним фирменным поездом неожиданно приехала из Москвы Тоня. Вся в эффектной блистающей ауре столичной жизни. Я, было, решил, что её материнское сердце мистически уловило приближающиеся важные перемены в жизни Славика. В любом случае это был лучший свадебный подарок.

Она с первых минут восторженно объявила, что Славик повзрослел и стал явно лучше себя вести. При этом мне тоже был подарен комплимент: «Вот что значит настоящий мужчина в доме!»

– В октябре по-весеннему птицы поют, – вновь заговорила Зоенька стихами, радуясь приезду дочери. Кажется, она и на этот раз декламировала свою поэтическую тёзку. Как я заметил, она всегда интуитивно делала это накануне судьбоносных событий. Если вспомнить нашу с ней первую встречу на даче возле моего старого, доброго друга. Его зовут Дон, уже несколько тысячелетий...

И трава зелена. А от солнца...
А от солнца особый весёлый уют.
И малыш, просыпаясь, смеётся.
И чисты облака. И листва шелестит,
с позолотою лёгкой пока ещё.
И листочек один, отрываясь, летит
в этот мир, голубой и сверкающий.

Психолог, охваченный поэтическим настроением – это нечто, скажу вам, господа.

– Я вернулась навсегда... – растроганно объявила Тоня.

– Ты моё сокровище! – вскричал Славик и вцепился в маму своими тонюсенькими ручками, как кудрявые усики молодой виноградной лозы-первогодка, для продвижения, роста, впиваются в ствол напротив – крепкий и полный сил.

– Мама, ты такая тёплая... – хихикнул он в Тонино бедро. – Теплее Солнца!

Самое время было мне вспомнить про «Остановись, мгновенье» господина Гёте... Эй, вы, там, на Олимпе!!! Есть кто-нибудь? Не все ещё свергнуты?.. Соизвольте исполнить это требование. Иначе Славик вас заменит. Неспроста японская мудрость гласит, что до пяти лет ребёнок – бог...

Или всё же чертёнок?

Всё-таки скорее последнее. Особенно если учесть, что вечером Славик уже передумал жениться на Лизе. Поматросил и бросил. А мы с таким размахом всё было затеяли...

На правах её дедушки я гневно навис над ним всей своей пугающей массой:

– С чего это ты на попятную пошёл, такой разэтакий?

Славик меланхолически потускнел.

– Не знаю...

- Другую нашёл, гуляка?
- Ага...
- И кто же эта разлучница?
- Я теперь хочу жениться на маме...

При таком раскладе событий мне оставалось разве что отправиться играть в дочки-матери. На пару с Зоенькой. Вперёд, в детство...

– А вас прошу быть моим свидетелем!.. – восторженно глядя на меня снизу вверх, возликовал Славик. – Я давно хотел вам сказать... Вы – мой кумир!!!

Честное слово, я далеко не любимчик публики, но похвалой по жизни обделён не был. Правда, чаще всего её не замечал. А эта детская оценка вдруг взволновала меня. Недоставало пустить слезу.

Ещё одно его слово...

Славик сам же спас ситуацию.

– Снег! – озарённо заверещал он и восторженно приник к стеклу.– Ура! Я первый раз в жизни вижу снег! Хочу его потрогать!!!

– А разве в прошлом году его не было? – улыбнулась Зоя.

– Мне трудно вспоминать такую давнюю старину... – весело поморщился Слава. – По-моему, стояла какая-то скучная слякоть. Во всём мире... Только всё это мне безразлично. Моя жизнь отныне разделена на две части: смеяться и любить маму!

– А человечество за окном? – усмехнулся я.

– Это уже будет в другой жизни. Во взрослой... – вздохнул Славик.

Объёмный, тяжёлый снег сочными шлепками налипал на окна, словно замуровывал нас небесной штукатуркой, чтобы втайне совершить зимний переворот в природе. Осень исчезала на глазах, как забракованная картина под яростными мазками кисти художника, взволнованного новым дерзким замыслом.

– Ничего, теперь у меня два дома... – оптимистично заметил Славик. – Это хорошо. Есть надежда, что хоть один не занесёт снегом!

Мело густо, весело, словно прочищая нечто в атмосфере планеты и отдельно взятых человеческих душ.

Нашей свадьбе с Зоей долгожданный снег тоже не помешал. Всё прошло радостно и нежно. Правда, одного очень важного для меня гостя на свадьбе не было – Миши Мамонтенко. Но по причине уважительной: его на днях забрал к себе харьковский дедушка Василь. В приюте рассказали, что тот сам приезжал в Воронеж за внуком с Харьковщины на своём бывалом «Запорожце». С ручным управлением. Ноги ему оторвало ещё под Кандагаром афганской миной.

Кстати, на обратном пути они с Мишей за Луганском дважды попали под миномётный обстрел. Но пронесло, слава Богу.

Проза

Игорь Фадеев

Фадеев Игорь Михайлович родился в 1962 году в Калуге. Окончил Ростовский государственный университет, факультет журналистики. Работал редактором на областном радио и телевидении. В настоящее время редактор отдела экономики областной газеты «Весть». Выступал соавтором в более десяти коллективных сборников поэзии, изданных в Москве и Калуге. Автор четырёх собственных поэтических сборников: «Рать святая» (Калуга, 2000 г.), «Русский странник» (2001 г.), «Донские стихи» (2002 г.) и «Русские вёрсты» (Калуга, 2015 г.) – лауреат премии «Я люблю Россию» за 2016 г. В 2015 году в калужском издательстве «Эйдос» была издана книга прозы – «Отражение», которая в 2016 году стала лауреатом литературной премии имени Л.М. Леонова

Нету лета

Деревенская повесть

1.

Радостно идёт Гриша Вырин по селу, кнут на плечо закинул, лётчицкую фуражку набекрень надел, насвистывает песенку из фильма «Высота», недавно увиденного в сельском клубе. Скотину пригнал, по домам развёл, домой направился к бабушке, знает, что там его ожидает кружка холодной кислушки и ржаные калитки – любимая еда. Окликает Гришку соседский паренёк, Колька Макаров, ученик тракториста:

– Эй, Гришка, что радуешься-то?

– Т-т-так ведь – лето. В-в-в-вот и радуюсь...

В селе Ащебутак Гришу Вырина никто не называл дураком. Потому что жалели, считали его несмышлёным, простачком... Да и без того досталось Выриным. В самом начале 1941 года, незадолго до войны, мать Марию Аркадьевну, двоих её сыновей и младшую дочь Софью выселили из только что присоединённого после Зимней войны к СССР Суоярвского района, из карело-финского посёлка Тойвола, где жили пять поколений Выриных. В первую очередь с занятых советскими войсками территорий под предлогом борьбы со шпионажем выселяли финское население. Но под этот общий молох попали и некоторые русские семьи, не принявшие новую власть. Отец Яков Георгиевич Вырин, зажиточный хуторянин, категорически отказался вступать в советский колхоз и передавать свой скот в общую артель. За этот отказ Вырина-старшего отправили в Колымские лагеря, а его семью – в Казахские степи, на самую окраину Оренбуржья (тогда – Чкаловской области), в Домбаровский район. А освободившийся дом Выриных предоставили коменданту пограничного района: власти обустроивали новую границу СССР с Финляндией... Переселенцев Выриных в Ащебутаке разместили в пустой и разобранной наполовину хате репрессированной семьи казака Грекова, который был застрелен за сопротивление продразвёрстке. А семья его отправилась в забайкальские лагеря. Теперь горе мыкать в этом доме стали другие «неблагонадёжные», с чухонских «северов»...

Привыкание к новым условиям жизни у Выриных было долгим и болезненным в прямом смысле этого слова: жаркий и сухой степной климат сказывался на здоровье северных карельских переселенцев. Но это касалось в основном матери и дочери. А сыновья Николай и Михаил ушли воевать и сгинули в той кровавой пучине. Старший – Николай, доброволец, пропал без вести на Калининском фронте в ноябре 1941 года. Младший – Михаил, призванный в 1942 году, пал смертью храбрых в боях за Сталинград. Соня, рождённая в 1928 году, хотя тайком от матери и рвалась воевать, но возраст не позволял ей взять в руки рацию или сумку санитарки... Мария Аркадьевна в ту пору работала почтальоном, разносила по домам «похоронки». Другой корреспонденции тогда почти не было. За это и прозвали её в Ащебутаке не письмонощицей, а «гореносицей». Односельчане с ужасом глядели, у какого дома остановится Мария Вырина, крестились, а потом облегчённо вздыхали, когда она проходила мимо их домов...

А дочка училась. Поначалу у Сони возникли проблемы с советской школой: не хотели засчитывать классы, оконченные ею в «буржуйской» финской гимназии. Учителя по настоянию матери устроили Соне тотальную проверку знаний. Оказалось, что за шесть классов финской гимназии знаний она получила больше, чем выпускник советской средней школы, а по знанию иностранных языков опережала даже учителей. Соня владела финским, немецким и английским языками. Причём, по-фински она говорила и писала лучше, чем по-русски. Собственно, история, русский язык и литература были для неё единственными камнями преткновения: здесь она отставала от школьной программы. Но и это отставание Соня обещала вскорости устранить. Скрепя сердце, «кулацкую дочь» директор определил в седьмой класс средней школы, к её сверстникам 1927 и 1928 годов рождения. Педсовет решил ввести за Выриной усиленный контроль. Новенькую в классе сразу же нарекли «чухонкой». Но обижать её боялись, потому что эту белолицую и голубоглазую девчонку взял под свою опеку и посадил к себе за парту Саша Попов, самый сильный и авторитетный подросток в классе...

Ащебутакский колхоз имени Молотова занимался овцеводством. В выжженной солнцем степи разводить крупный рогатый скот было невозможно. С заготовкой кормов для овец тоже было туго: благоприятный для трав сезон продолжался не более двух месяцев. А за этот срок удавалось заготовить чуть больше половины необходимых кормов, остальные завозили издалека. А в годы войны в ЦК и Чкаловском обкоме не принимали никаких отговорок насчёт бескормизы: фронту требовалось мясо, овчинные полушубки. Не можешь обеспечить планового поголовья – роди, укради, купи, делай, что хочешь, но план выполни! А не выполнивший план председатель колхоза Василий Кириянов отправился на Печору, в лагерь, где и сгинул без вести. Заменяла его Василиса Егоровна Кондратьева: мужиков-то в Ащебутаке не осталось, все воевали. О снижении плана, конечно, и речи быть не могло. Дальновидная председательница решила обновить поголовье колхозного стада: заменить крупных и капризных до кормов курдючных мериносов на более неприхотливых романовских овец. В этом ей подсобил двоюродный брат с Поволжья, директор племенного хозяйства по разведению овец романовской породы. Романовские овцы в два с лишним раза мельче курдючных, но более плодовитые: за один окот приносят не одного, а по три-четыре ягнёнка. Рекордный окот был в колхозе – шесть ягнят, причём всех их овцематка выходила. А у курдючных овец порой и один-единственный ягнёнок не выживал. По мясу (а оно у романовских овец было менее жирным) выходило немногим больше, производство шерсти и шкур удвоилось, а уж по поголовью и говорить нечего: за полтора года овечьё стадо выросло почти в пять раз! А ещё неутомимая председательница привезла из соседнего Казахстана семена какой-то особой степной травы, которая суховеев и безводья не боится. Травка эта пришлась по вкусу неприхотливым романовским овцам. А теперь и не только овцам: стали колхозники постепенно обзаводиться собственными бурёнками, которых уже было чем кормить. А красно-рыжим, приземистым и круторогим коровам калмыцкой породы тоже полюбилась эта казахская степная трава. Дела в колхозе и дальше пошли на лад... Заметили успехи Молотовского колхоза и в столице. Председательнице в Москве всесоюзный староста «Калиныч» вручил орден Ленина, а лучшему колхозному овцеводу, Дарье Макаровой – «Весёлых ребят» (Орден «Знак Почёта»). А другим овцеводам от обкомовского начальства отрезки драпа выделили. Даже и меньших помощников не забыли: им по банке сливового лендлизовского джема досталось...

Ащебутакские старшекласники, а Соня Вырина в их числе, в военные годы помогали на овцефермах: вычищали навоз, подносили корм и воду... А Соня с помощью местного «скотского доктора» Никодимыча даже выучилась принимать окоты от овцематок. За эту работу дважды в месяц ребятам выдавали по килограмму субпродуктов от забитого скота (почки, печень, сердце, лёгкие, ливер). Был ещё в их рационе чёрный, жесткий, с отрубями, хлеб, который мать получала на себя и на дочь по карточкам. Досыта никогда не ели, но как-то выживали...

Наступил победный 1945 год. Для Сони Выриной он был вдвойне победным: она оканчивала школу, причём с отличием. В мае 1945 года Совнарком учредил для выпускников-отличников золотые и серебряные медали. Соня вполне могла претендовать на золотую медаль, но «кулацкую дочь», конечно, педсовет не пропустил: искусственно занизили ей оценки по нескольким предметам. Об институте «неблагонадёжной» выпускнице и мечтать не приходилось. Спасибо Василисе Егоровне: пристроила способную девушку счетоводом в своём колхозе. А Сонин ухажёр Саша Попов, вопреки просьбам своей подруги остаться в Ащебутаке, уехал в город Энгельс, в военное авиационное

училище, учиться на «Сталинского сокола». Уехал, не простившись с Соней, а потом и писем ей не писал... А через пару лет Соня узнала от Сашиной матери, что он женился в Иркутске. Поплакала Соня, да и махнула рукой на своего «сокола». По правде сказать, соколом он так и не стал: по здоровью не прошёл на лётчика. Нашли у Сашки плоскостопие и лёгкое косоглазие. Потому из Энгельса он и поехал в Иркутск, в военное авиационно-техническое училище. И отучился на авиационного техника. Конечно, страдал Попов оттого, что не быть ему в небе, но его утешало лишь то, что служил он всё-таки в авиации, хоть и на земле...

2.

Апрель 1947 года выдался холодным и дождливым. В один воскресный вечер в Ащебутак из райцентра приехал землеустроитель Роман Гаврилов, молодой, статный мужчина. Командировка его была рассчитана на девять дней. Поэтому председательнице выпала забота о том, куда пристроить специалиста. Дома в селе в основном все были и без того переполнены, а гостиницы в колхозе не было. Не в овчарню же селить землеустроителя? Прикидывала, прикидывала Василиса Егоровна, да и отправилась к Выриным.

– Здорово живёте!

– И тебе не хворать, Василиса Егоровна! С чем пожаловала? Садись к столу! Чай будем пить.

– Чаи распивать мне, голубушка, Марья Аркадьевна, недосуг. А пришла я к вам с просьбой большой от колхозного правления. Землеустроитель к нам приехал в командировку из райцентра. Пристроить его надо бы на девять дней. А правление потом с вами рассчитается. Дом у вас просторный, места свободного много. Больше некуда.

– Какой ещё «землеустроитель»?

– А вон он у крыльца под навесом папироску курит. Выгляни в окошко! Видишь – вон он, Роман Иванович. В сером плаще.

– Да, помилуй, матушка! У меня девка на выданье. А это молодой мужчина, видный. Загубит девку!

– Да куда там! Загубит! Это грамотный человек, семейный. До войны техникум закончил. Воевал офицером в артиллерии. В райцентре у него жена, дочка. Некогда ему здесь жениться. У него работ – полон рот! А Соньке мы жениха найдём.

– Как же! Найдёте вы! Был один Сашка Попов, да и тот укатил на лётчика учиться.

– Ничего. В это лето к нам на заготовку кормов механизаторы приедут из МТС. Там все хлопцы молодые. Подберём и Соньке пару.

– Слышала я про тех механизаторов. У них в каждом селе по душегрейке. Нам таких не надо.

– Ну ладно. Так как насчёт землеустроителя?

– Ну, если он семейный, то пускай живёт...

– Эй, Роман Иванович! Заходите!

– Здравствуйте! Я Роман Гаврилов, землеустроитель.

– Вечер добрый! А я Марья Аркадьевна. А это вот дочь моя Соня, счетоводом в колхозе работает. Садитесь к столу. Чай будем пить с калитками.

– С чем?

– С калитками. Это такие карельские ржаные пирожки, наподобие ватрушек. Калитки с картошкой и с луком. На севере такие едят.

– Никогда таких не видел. А у меня вот сгущёнка и тушёнка лендлизовская. Ещё с военных поставок. И портвейн «Крымский». За знакомство. Не возражаете?

– Если понемножку, то не возражаем. Не видали мы никогда такое вино.

– Так же, как и я калиток ваших не видал...

Командировка молодого землеустроителя пролетела незаметно. А тут и засушливое лето подоспело. В обычных колодцах в Ащебутаке вода почти пересохла. А у единственной артезианской скважины с насосом всегда собиралась очередь. Да и здесь вода текла толщиной в пару спичек. Не все выдерживали на солнцепёке стоять по два часа и больше. Вот и Соня Вырина тоже не выдержала, потеряла сознание. Местный фельдшер Евгений Александрович, стоявший в этой же очереди, привёл Соню в чувство, осмотрел и о чём-то пошептался с ней. Из их шёпота бабы уловили единственное слово – «беременность». И весть эта разлетелась по Ащебутаку со скоростью звука. Пока

Соня приходила в себя, сидя на скамейке, её матери уже успели всё рассказать. Она ожидала дочь на крыльце в слезах.

– Как же так, доченька? Как же ты смогла? А всё этот гад, «землестроитель»! Соблазнил, загубил, испортил девку! Я его всё равно разыщу! Так дело не оставлю!

– Не надо мама, я сама так решила. Он ни в чём не виноват. Всё равно, жениха мне здесь не видеть. А дитё, пусть, ребёнок родится.

– А знаешь ты, каково одной дитё на ноги поставить?! Да и кому ты потом будешь нужна с приплодом? Что в деревне про тебя скажут?

– Пусть говорят, что хотят. Я сама за себя знаю. И ребёнка выращу не хуже других...

3.

Или роды у Сони были тяжёлыми, или сказалось послевоенное недоедание и авитаминоз, но Гришка Вырин появился на свет не таким, как все. Может, Бог так распорядился, что быть ему блаженным... Впрочем, это отклонение от нормы до поры никто не замечал. Да, мальчик стал ходить и разговаривать позже своих сверстников, заикался, был туговат на ухо, подолгу не мог понять, о чём его спрашивают... До пяти-шести лет на это никто не обращал особого внимания. Но, ближе к школе отставание Гриши в развитии становилось всё заметнее. С семи лет его в школу не взяли. Приходила учительница Антонина Семёновна, оставшаяся в школе и после достижения пенсионного возраста. Долго она говорила с Гришей, потом с Соней. Сказала, что ребёнку нужно учиться в спецшколе, обычную общеобразовательную программу ему не осилить. Долго бабушка и мать уговаривали учительницу взять на другой год Гришку в школу, что за этот год подготовят ребёнка не хуже других. Покачала учительница головой, но согласилась, пожалела Гришку. А сам он стоял в прихожей и улыбался.

– Горе ты моё! Что же мы теперь будем делать?

– Что д-д-делать? Кислушки хочу!

– А кислушка ещё не закисла. Молоко вчерашнее. Ещё пару деньков надо подождать. Вот посмотри картинки в книжке.

– Баба, а это к-к-кто?

– Это ёж. Он живёт в лесу.

– А ёж к-к-кусается?

– Нет. Он колется.

– Как д-дрова?

– Нет. Он колючий. Видишь, на спине у него иголки?

– Он ими шьёт?

– Нет. Ёж шить не может. Иголки ему нужны для защиты от других зверей. Ёж сворачивается в клубок, а тогда его нельзя никак взять.

– В к-клубок? Как пряжа?

– Почти, как пряжа. Только больше. Поэтому, ежу в лесу никто не страшен.

– А г-где эта леса?

– Не леса, а лес. Лес там, откуда мы с мамой приехали, на севере. А вот смотри – другая картинка. Это будёновец.

– А к-кого он будит?

– Никого. Он просто служит в конной армии под командованием Будённого.

– А т-труба почему?

– Да, а ты прав, Гриша. Он дудит в трубу и будит своих товарищей. А, может, собирает их на бой...

– На к-какой бой? Г-где?

– Ну, это гражданская война. Будёновцы – это хорошие.

– А г-горожанская война, потому что там одни г-горожане воевали?

– Не горожанская, а гражданская. А воевали там все: и горожане, и деревенские. Будёновцы воевали за счастье народа, чтобы народ не горевал, не голодал, жил в достатке.

– А вот у м-меня есть счастье? А?

– Откуда ж мне это знать, Гриша?! Человек сам про себя должен знать: счастлив он или нет.

– А я вот про себя з-знаю. У меня счастье есть. Я не горюю, не голодную. Живу в д-достатке.

– Какой же у тебя достаток, Гриша, если у тебя одни штаны, да и то рваные?! Ботинки тоже одни. Стоптались уже.

– А мне д-другие и не надо. А в рваных штанах в жару легче ходить: п-продувает...

Вздохнули бабушка с матерью: надо к будущему году Гришке какую-никакую одежонку и обувку к школе справить. Придётся на всём экономить...

А учительница Антонина Семёновна побывала в Чкалове на областном педагогическом совещании, заходила в гости к своей подруге, врачу-психиатру, привезла от неё таблетки для Гриши, рассказала, как их надо принимать...

В школе Гришку встретили без насмешек. Хоть он и был на год старше своих одноклассников, а казался даже моложе: мал был ростом, взгляд совсем, как у ребёнка. Бабушка пошила Гришке большую сумку через плечо из куска пожарного брезента, к школе купили ему брюки, вельветовую куртку, кепку, рубаху и ботинки. Так что, выглядел Гришка не хуже других первоклассников. Правда, трудновато с ним приходилось Антонине Семёновне. Оставалась она с Гришкой после уроков, изучала с ним буквы, числа... А Гришка по-прежнему многое не понимал. На уроках он постоянно задавал вопросы, порой – невпопад.

– Антонина Семёновна! А что тут в б-букваре на картинке с крыльями н-нарисовано?

– Это самолёт.

– Он сам летает?

– Нет. Им лётчик управляет. Садись, Гриша! На все твои вопросы я отвечу потом, после уроков.

Дополнительные занятия с Гришкой Антонина Семёновна проводила бескорыстно. Да и о какой корысти могла быть речь: взять с Выриных всё равно нечего. Два десятка кур, да коза Машка. Вот и всё добро. И то, с этого скудного хозяйства приносила Марья Аркадьевна пожилой учительнице то банку козьего молока, то десяток яиц. Сама Антонина Семёновна собственного хозяйства не вела: не было на то времени, да и сил...

Три класса начальной школы Гришка с грехом пополам закончил за четыре года. И то, благодаря стараниям Антонины Семёновны. Дальше ему предложили учиться исключительно в спецшколе. И Антонина Семёновна ничем не смогла помочь: к тому времени она окончательно распрощалась со школой по состоянию здоровья. Мать и бабушка категорически не хотели отдавать Гришку в Оренбургскую спецшколу. Решили оставить его дома. А чтобы двенадцатилетний подросток не скучал без дела, приставили его по одобрению селян пасти стадо коров и овец с личных крестьянских подворий. Поначалу Гришку премудростям пастушьего дела обучал старый и хромой ещё с первой мировой войны казак Ерофеич. Его-то Гришка и стал менять. Пасли они посменно...

4.

Ещё не отработал Гришка свой первый пастуший сезон, как в августе в село приехал бравый офицер Александр Попов. Весть о его отпуске разнеслась по всему Ащебуталу мгновенно. Сразу после свидания с матерью старший лейтенант Попов отправился к Выриным. Софья смотрела в окно, покрасневшая от волнения.

Попов зашёл к Выриным с большим рюкзаком, поставил его на лавку и снял фуражку.

– Здравия желаю!

– Здравствуй, Саша! Что-то по-военному ты нас приветствуешь. Тут не казарма. А где же молодка твоя?

– Прошу прощения! Привык к такому приветствию... А молодки моей уже два года, как нет.

– Как же так? А где же она?

– Отбыла со своим новым мужем, майором Сергеевым, Героем Советского Союза, в группу советских войск в Германии, к новому месту службы. Там, по слухам, и дочь у них родилась.

– Как же так, Саша, ты не уберёг свою молодую жену?

– Хватит тебе, Соня, приставать к человеку, – в разговор вступила мать, – Ему, видать, нелегко пришлось это пережить. Садись, Саша, к столу. У нас и самовар подоспел.

– Спасибо. Что было – то прошло. Теревить прошлое не хочу. Приехал в отпуск. Через неделю надо возвращаться на службу.

- А служишь-то где?
- Под Норильском, на севере.
- Д-дядя, а ты лётчик? – подключился к беседе Гришка.
- Гришка! Не смей тыкать дяде Саше!... Это сын мой! – добавила, уже обращаясь к гостю.
- Я знаю. Мне мама рассказывала. Пусть говорит, как ему удобно. Нет, Гриша. Я не лётчик. Но служу в авиации. Обслуживаю самолёты, готовлю их к полётам.
- Ты большой к-командир?
- Куда там! Но всё-таки офицер, старший техник эскадрильи. Старший лейтенант.
- А фуражку лётчицкую мне п-подаришь?
- Эту не могу. А старую подарю. Завтра принесу.

Все сели к столу, а Александр стал выкладывать подарки из рюкзака: Марии Аркадьевне – шерстяной платок, Софье – шёлковый шарф, Гришке – набор для выпиливания лобзиком. Кроме того офицер высыпал в чашку кулёк карамели «Москвичка», выставил банку шпрот, пять вяленых рыбин, кусок сала, «коляску» «краковской» колбасы и бутылку сухого вина. За столом Александр рассказывал о своей северной службе, слушал в ответ рассказы о житье-бытье Выриных. Больше часа они сидели за столом, а потом молодые отправились погулять по селу. Вернулась Софья за полночь. Было так и все последующие дни. А за день до отъезда Александр пришёл к Выриным в парадной форме, с букетом скромных, но ароматных полевых цветов.

– Значит так, Марья Аркадьевна, не буду я ходить вокруг да около. Люблю я Вашу дочь и прошу Вашего согласия на наш брак. Благословения, так сказать...

- Ну, парень, ты и впрямь огорошил меня! А сама-то Соня согласна?
- Да, мама. Я все эти годы любила его, дурака.
- А как же Вы теперь жить-то мыслите?
- Уедем к месту моей службы, на север. Там и распишемся. В офицерском общежитии комната у меня пока маленькая. Вас и Гришку приглашать к себе некуда. Да и как вы климат наш перенесёте, тоже неизвестно. Обзаведёмся просторным жильём – заберём вас к себе. А пока навещать будем. Деньгами, конечно, помогать буду.

- Да... Всё вы уже порешили. А нам с Гришкой здесь вдвоём куковать? Его-то спросили?
- Гриша, сынок! Ну как, отпустишь ты меня с дядей Сашей?
- Н-нет! Не отпущу! Если только дядя Саша меня на самолёте п-прокатит!
- Прокачу, обязательно прокачу. Но не на военном, а на гражданском. Вот следующим летом мы приедем, вместе полетим в Оренбург, ходим в музей, в кино, в парк, на лодках покатаемся...

Но следующим летом Александр и Софья Поповы не приехали. Соня в июне родила двойню: Анечку и Машеньку. Молодожёнам выделили двухкомнатную квартиру на окраине Норильска, в военном городке. Александр и Софья в каждом письме звали Гришку с бабушкой в Норильск. Но та не решалась. У бабушки было её хозяйство, дом, наполненный памятью о муже и сыновьях. А у Гришки были его коровы и овцы...

5.

За два года своей пастушьей службы Гришка ловко научился управлять небольшим крестьянским стадом коров и овец. Свой скот, особенно коров, в Ащебутате держали далеко не все: дорого обходилась бурёнка и много сил требовала на заготовке кормов в степном районе. Но орденоносца, обладательница «Весёлых ребят», хозяйственная и пробивная Дарья Макарова в райцентре написала для себя племенную бурёнку сычёвской, мясо-молочной породы. Корова эта была крупнее других, бело-рыжей масти, стельная... Остальные коровы с личных подворий были, в основном, степной, калмыцкой породы. Держали этих круторогих и коричневых «калмыков» больше из-за мяса: молока они давали немного...

В один из последних дней августа пригнал Гришка стадо в село, а Зорьки (та самая сычёвская корова) в нём не было. Выскочила Дарья Макарова за ограду своего дома, кричит:

- Где моя корова?
- Отелилась она в к-кустах, возле овражка. Н-не хочет идти от т-телёнка, облизывает его.
- В каких кустах? Загубил корову, проклятый!
- Да не кричи, мама, – подключился Колька Макаров, – я же говорил утром, что не надо было

Зорьку выгонять в поле. Телиться ей пора. А ты говоришь, что ещё два-три дня. Гришка не виноват. Айда за коровой и телёнком!

Через час Колька уже въезжал в село на трофейном мотоцикле «BMW» с теленком в коляске. А Зорька семенила позади и мычала... Тёлочка была хороша! Продала её потом Макарова в соседний колхоз по выгодной цене, чтобы там создать племенное стадо. Но с тех пор Дарья Макарова невзлюбила Гришку, поглядывала на него искоса, не здоровалась. Сам Гришка по простоте душевной не замечал этой перемены в Дарье-орденоноснице, для него все сельчане были равны, ко всем он относился с одинаковым почтением. Да и среди скотины у него не было любимчиков, никого не выделял и никого не обделял заботой. Поровну дарил свою любовь людям и животным. Он считал, что плохих людей на свете вовсе нет. Или, по крайней мере, в Ащebutаке их нет. Впрочем, весь белый свет для Гришки и ограничивался одним Ащebutаком, из которого он никогда и никуда не выезжал. А Москва и Ленинград, виденные им на картинках в книгах и журналах, казались ему несуществующими сказочными королевствами.

6.

Прошли-пролетели ещё три года. В октябре 1964-го в стране тихо и бескровно произошёл государственный переворот. Но никаких перемен за этим не последовало, за исключением замены немногих партаппаратчиков в Москве и на местах. Да и кукурузы на полях необъятной страны поубавилось. А в село Ащebutак хлеб по-прежнему привозили дважды в неделю. Кроме соли в местном сельпо из продуктов постоянно продавались только серые макароны, плиточный грузинский чай и кофейный напиток «Ячменный колос» в пачках, похожих на кирпичи. А по праздникам в сельпо завозили слипшуюся карамель-подушечки, прозванную «Дунькиной радостью». Местные трактористы скупали эти «конфеты» и бодяжили из них брагу. Больше в сельском магазине ничего не было. Даже привычные при Хрущёве кукурузные хлопья исчезли к огорчению ребятишек...

Гришкиным сверстникам подошёл срок проходить медицинскую комиссию и вставать на воинский учёт. Хотя Грише Вырину и не прислали повестку, но он, скрыв это от бабушки, залез в колхозный грузовик и поехал в Домбаровский райвоенкомат вместе с ащebutакскими допризывниками.

В военкомате допризывников вызывали по спискам. Гришку, конечно, никто не приглашал. Но он зашёл сам в кабинет, где заседала комиссия.

– Кто такой? Почему без вызова и доклада? – спросил его грозный майор.

– Я н-на лётчика хочу... Д-д-д...

– Товарищ майор, это Гриша Вырин, наш односельчанин. Ему повестку не принесли. Вот он сам и приехал. – Вступил в разговор Колька Макаров, видя, как разволновавшийся Гришка не может совладать с заиканием.

– Так. А где документы этого Вырина? Сколько классов ты закончил?

– Т-т-три...

– Три класса и в лётчики собрался?! Лихо! Это почему только три? Ты что: лентяй или дурак?

– Н-нет, я пастух. В л-лётчики хочу.

– Ладно. Пусть этот пастушок проходит медкомиссию вместе со всеми. Потом примем решение. Может, в стройбат и сгодится. Призывников не хватает...

Но обход врачей у Гриши застопорился на психиатре, как этого и следовало ожидать. Возбуждённый врач вбежал в комнату заседания комиссии:

– Этот Вырин: у него же психиатрические патологии. И он даже не стоит на учёте! А Вы его на призывную комиссию допускаете!

– Успокойтесь! Никто его не допускал. И повестки у него нет. Были сомнения на его счёт. Вот и решили проверить с Вашей помощью. Если серьёзно болен – пишите направление. Отправим в психиатричку, в Оренбург.

Майор вытер платком красную лысину, снял трубку и куда-то позвонил. Гришка стоял в дверях и ничего не понимал.

– Н-ну что, меня б-берут?

– Берут, берут. Сейчас приедет машина, отвезём тебя, сокола, прямо на аэродром в Оренбург! Фуражка лётная, смотри, у тебя уже есть. Будешь лётчиком!

Безропотного Гришку посадили в санитарную машину и в сопровождении фельдшера и военкоматовского караульного отправили в Оренбургскую областную психиатрическую больницу. На обследовании Гришка находился больше недели. Теперь его поставили на учёт, назначили лекарства и направили на ВТЭК, чтобы оформить инвалидность. Так Гришка стал семнадцатилетним пенсионером.

7.

Следующей осенью, в середине ноября в Ащебутаке провожали в армию троих призывников. Проводы были скромные, даже тихие. Не на что было тогда шиковать оренбургским колхозникам. Гришка Вырин с конца сентября до середины мая сидел без дела: крестьянский скот находился в стойлах, пастбищный сезон в степях короток. А потому он и любил ходить туда, где летом пас стадо. Сидел на валуне, с грустью смотрел в серое небо. Подошли ребята, которым завтра идти на службу. Колька Макаров впереди, на гитаре что-то бренчит.

– Здорово, Гришка! Что сидишь один, мерзнешь? Давай выпей с нами! Согреешься, веселее будет.

– Н-не. Я не пью. Совсем н-никогда.

– Да, ладно! В жизни всё попробовать надо! У нас и закуска есть: огурцы, помидоры, сало, хлеб горячий, только из печки.

– Сало? У н-нас сало дома только по п-праздникам.

– Так сегодня и есть праздник. Мы же завтра в армию уходим. Ну, давай! Первачок знатный: Ерофеич делал.

Гришка с некоторым испугом посмотрел на протянутый ему стакан, а потом махнул рукой и выпил его мелкими глотками. Вытер губы рукавом.

– Ну и как она пошла, Гриша?

– Жжёт, силы н-нет!

– А ты закуси помидорчиком. Полегчает. О, да ты, прослезился! Неужели так сильно забирает?

– Н-нет. Скучно м-мне. Дела н-нету...

– Ну и хорошо. Отдыхай до весны!...

Отдыхать Гришке и было скучно. Ему не хватало зелёных лугов, мычания коров и блеяния овец, щебетания степных птиц, весёлого лая Каштана, пса Ерофеича, охранявшего вместе с ними стадо... От всех этих прелестей Гришка был отстранён больше, чем на полгода. И этот срок был для него тяжким испытанием.

8.

В ту пору счетоводом в колхозе служила Зоя Артюхова, женщина лет тридцати пяти, разведённая, приехавшая в Ащебутак, в опустевший дом своей скоропостижно скончавшейся тётки. Вступила в наследство, жила и работала. Как-то после рабочего дня она пришла к Выриным.

– Здравствуйте! Вот мне к вам посоветовали обратиться.

– Вечер добрый! А что за нужда?

– Врачи мне посоветовали козье молоко пить. В селе коз только трое содержат, но молоком не торгуют, сами потребляют. Семьи большие. А вас двое, может, будете мне по баночке поллитровой продавать?

– Да как же, милая моя? Мы тоже молоко выпиваем. Что-то на простоквашу Гришке идёт, иногда творожок делаем. Ничего не остаётся.

– А на творог я буду вам коровье молоко приносить. Не откажите, больше некому помочь!

– Ну, ладно. Уважим. Да что же ты будешь ходить к нам на другой конец села?! Гришка тебе и будет молоко приносить.

На том и порешили. Гришка стал носить Зое Артюховой молоко. Она не раз пыталась усадить его за стол, но Гришка отказывался, ссылаясь на дела по дому. Но в очередной раз, когда он принёс молоко, Зоя всё-таки усадила его за стол, в центре которого красовался невиданный ранее Гришкой бисквитный торт с розочками из сладкого крема.

– Это я сегодня в райцентр документы возила. Там и купила. Давай чай пить. А ещё у меня и наливочка вишнёвая есть. У тебя глаза такие голубые!

– Это у м-мамы такие же...

Зоя усадила Гришку на оттоманку, сама под села рядом с двумя рюмками. Они выпили. Зоя взяла его руку, положила к себе на крепкую, стянутую тугим лифчиком, грудь...

В два часа ночи их разбудил настойчивый стук в окно.

– Лежи, не вставай! Посмотрю, кого это принесло. Хотя, догадываюсь! Кто там?

– Зоя! Это я. Гришка пропал. Понёс тебе молоко и не вернулся. Не знаешь где он?

– Не знаю. Принёс молоко и ушёл.

– Б-бабушка! Я здесь! Я с-сейчас!

Гришка стал натягивать штаны и рубашку, которые Зоя пыталась у него выдернуть.

– Куда ты собрался, чудик?! Я же человека из тебя хотела сделать! Чтобы был нормальным, как все!

– К-как все я не хочу...

Гришка ушёл и больше сюда никогда не возвращался...

9.

А ещё через год с коровой Дарья Макаровой случилась роковая для Гришки история. Утром, как только он пригнал стадо на поле, остановился возле него грузовик с брезентовым верхом. Из кабины вышел незнакомый крупный мужчина лет сорока пяти в чёрном пиджаке, помахал перед Гришкиным носом какой-то бумагой с печатью.

– Почему распоряжение Василисы Егоровны не выполняешь?

– К-какое распоряжение? Я н-ничего не знаю.

– А вот оно: читай!

– М-мелко больно. Н-не пойму я.

– Эх, молодёжь! И чему вас только в школе учат?! Вот: выделить корову Зорьку сычёвской породы для осеменения в племхоз имени Калинина товарищу Серову, то есть мне. Теперь ясно?

– Ясно. А т-тётя Даша М-макарова знает?

– Конечно, знает. Давай, загоняй корову по настилу в машину!

Загнали, уехали. И больше племенную корову Зорьку в Ащебутате никто не видел. Вечером в дом к Выриным прибежала орденоносица Дарья Макарова, притащившая за собой участкового Смурова.

– Он продал мою коровушку, я знаю! Дурачком прикидывается, чтоб с рук сошло. Но я это дело так не оставлю. Сельчане порешили отстранить тебя с пастухов. Самого тебя в дурдом направят. А за коровку мою всё равно рассчитаться придётся.

– Да погодите Вы, Дарья Фёдоровна! Тут во всё разобрать надо. Протокол составить...

Участковый достал из планшета пару листов и химический карандаш. Но для протокола Гришка толком ничего не мог рассказать: лица мошенников он запомнил плохо, на номер машины вообще не смотрел, да и свидетелей у него никаких не было. Выходило всё против него.

Участковый вытер пот со лба.

– Ну ладно, бабушка, собирай внука!

– Куда это собирать? Я его куда не пущу! Он больной же!

– Вот в больницу я его и повезу. Сначала в районную. А оттуда завтра его заберут в Оренбург, в областную психиатрическую. Приказ у меня такой от моего районного начальства. А послушаетесь, то завтра санитары приедут. У них разговор короткий: скрутят по рукам и ногам и погрузят в машину, как чурку. Поторопитесь, а то дождь нагоняет...

Участковый Смуров глядел, как собирается Гришка.

– Постой-ка, постой, парень! Это что это у тебя на фуфайке за значки? Комсомольский, ГТО, Сталин, Ленин, Гагарин, «Воин-спортсмен», «Отличник Советской армии»... А ну, снимай!

– П-почему? Это же к-красиво...

– Снимай, тебе говорят! Если я тебя с такими значками в больницу привезу, меня самого в психушку засадят. И фуражку лётную тоже снимай! Кепка есть? Вот её и одень! Да и поесть с собой возьми в дорогу! Аркадьевна, собери ему что-нибудь! Готов? Ну, пошли, сядешь в коляску!...

10.

Через неделю проведать Гришку приехала бабушка. Оба они сидели на скамейке, неподалёку от главного входа в больницу. От внешнего мира больничную территорию ограждал серый трёхметровый забор с колючей проволокой по верху. Вокруг не было ни одного деревца, только пеньки торчали из земли.

– Гриша, а почему же здесь все деревья-то спилили?

– Г-говорят, что в п-прошлом году здесь один больной залез на д-дерево, упал и убится. П-потом и спилили.

– Ты кушай! Смотри, сколько я тебе привезла: тут и твои любимые калитки с картошкой, кислушка, сало. А вот мама с севера посылку прислала. Здесь рыба вяленая, варенье из морошки... Как тебя здесь кормят? Хватает ли тебе?

– К-кормят хорошо. К-каши разные. Сегодня п-пшённую д-давали. А вчера д-даже рыбный суп б-был из к-консервы. Вкусно! Жалко, что т-твои гостинцы все жевать н-надо.

– А почему? Разве зубы-то у тебя не на месте?

– Я н-не про себя. Со мной рядом П-пашка лежит. У н-него совсем нет зубов. Он н-не говорит н-ничего, только тихо п-песни поёт про Бога. Н-никто не слышит, а я слышу, п-потому что н-наши к-койки рядом.

– Так, наверно, не песни это, а молитвы?

– Н-наверно, м-молитвы...

– А какое лечение у тебя тут?

– Уколы, т-таблетки всякие. Старый врач вопросы з-задаёт...

– Ты кушай, кушай. Часто приезжать-то мне не получится. Но я матери написала. Может она или муж её приедут, помогут тебя отсюда поскорее выволить. Я писала везде насчёт тебя, но всё пока без толку... А что это у тебя глаза на мокром месте? Не плачь! Всё будет хорошо! Вот увидишь!

– Т-так лета н-нету. Скучно мне.

– Нету лета? Как же!?! Август на дворе. Сегодня Яблочный Спас. Я вот тут тебе и яблочек привезла, осветила их в храме здесь, в Оренбурге...

Марья Аркадьевна выложила яблоки на газету и огляделась вокруг: а, ведь и правда – нет лета. Трава на территории больницы пожухлая, вытопанная, деревьев нет, птиц не слышно... Лишь шум проходящих за забором машин... И ей тоже стало скучно. А каково же Гришке, который находится здесь постоянно?! Марья Аркадьевна украдкой вытерла глаза кончиком платка...

Гришка сидел у зарешёченного больничного окна, глядел вслед уходящей бабушке, прижимал к щеке прохладное антоновское яблоко и шептал, превозмогая нахлынувшие слёзы:

– Нету лета, нету лета...

Калининградские берега

Ада Бабич

Моя жизнь началась за 9 месяцев до Великой Отечественной Войны. Ходить научилась в эвакуации, в телячьем вагоне. Отца, тылового военнослужащего, часто переводили с места на место.

Окончив Калининградский политехникум, работала в строящемся Братском лесопромышленном комплексе инженером-экономистом.

Заочно получила высшее экономическое образование. Сочиняю, пишу и рисую с детства. Издана книга «Окошки детства».

Самое дорогое

С этими милыми стариками я познакомилась случайно, не сумев пройти мимо растерянной четы. Старичок в чём-то оправдывался, а его супруга, утирая слёзы, причитала:

– Всё ты, всё по-своему...

Стоят с чемоданчиком у телефонной будки, дело к ночи.

Извинилась, спросила:

– Не могу чем-нибудь помочь?

Старичок был искренне рад, что хоть кто-то обратил на них внимание. Торопливо изложил, что приехал с женой в санаторий «Зеленоградск», но, так как путёвка на него одного, то жену в санаторий не пускают и путёвку для неё не продают.

– Говорила я тебе, говорила... всё бестолку, – причитала старушка.

Всё бы ничего, но транспорта до завтра не будет, и дочке позвонить они не смогут, потому что второпях он оставил дома записную книжку, а памяти уже нет...

Я постаралась их успокоить, предложив жене остаться ночевать у меня, а ему идти оформляться в санаторий. Утром видно будет, с чего начать.

Раненько Иван Степанович прихромал к своей Машеньке. Слышу – смеются, разговор бодрый.

Так они и прожили двадцать один день: он – в санатории, она – у нас на квартире. Старички оказались не по годам и болячкам весёлые. Напевали, шутили, рассказывали, как они после войны оказались в Калининградской области.

Иван с Машей партизанили в Белоруссии. Их деревню в Белоруссии полностью спалили, родственников расстреляли немцы. После освобождения Белоруссии Красной Армией Иван с войсками дошёл до Кёнигсберга, где и завершил свой воинский путь, вызвав к себе жену.

Комнатку им выделили в немецком доме, на втором этаже, где на кухне, кроме них, было ещё три хозяина.

Однажды за чаем Иван Степанович попросил свою Машеньку:

– Расскажи-ка про самое дорогое, пусть дети послушают.

Машенька, не торопясь, начала свой рассказ:

– Иван с войны пришёл весь израненный, врачи сказали, ему нужно тепло. Моряки сейчас стали завозить всякие вещи из-за границы. Вот я и купила, хоть и дорого, несколько мотков мохера ему на свитер. Вяжу, радуюсь. В это же время мы удосужились в кредит купить телевизор «Темп». Почти уж расплатились.

Соседи наши по общей кухне очень «весёлые» были, что одни, что другие. Приходилось каждый раз за ними проверять, перекрыт ли газовый баллон на кухне. Однажды, ну прямо чёрт попутал, уснули раньше, чем они пришли. «Нужда» подняла моего Ивана. Чтобы виднее было, решил включить в туалете свет. Выключатель, как и у вас, был на кухне. Не успел Иван, войдя в кухню, щёлкнуть выключателем, как его взрывной волной опрокинуло в коридор. Подхватывается мой партизан, со сна ничего понять не может, кричит:

– Вооздух! Все в бомбоубежище!
Сам в одних исподних и в валенках – меня выталкивает:
– Беги, беги скорее, самое дорогое, что успею, в окно выкину!
Кухня горит, трещит – страх божий. Схватила я халатик, да попыталась Ивана на улицу утащить, так ведь белорус упёртый...
Стою по колена в снегу, слышу, Иван кричит:
– Что выбрасывать?
– Сумку с документами в шкафу, ой, да мохер же на столе ...
Выбросил, вижу, как на фоне огня сам мечется по комнатке.
Подъехали пожарники. Двор не освещён, шланги разбрасывают, в моём мохере путаются, вязание по всему двору таскается. Ругаются, не поймут: что же им бегать мешает?
Степанович мой, чую, скоро совсем сгорит. Ору дурным голосом:
– С п а с а й с я!
Зову его. А он:
– Мы же ещё за телевизор не выплатили...
И хватъ, со второго-то этажа, ещё самое дорогое – хрясь!
Пожарники сумели снять тлеющего Ивана. Обняла его в обгоревших кальсонах:
– Дураки, войну прошли, дороже жизни ничего же нет...
Как начали мы смеяться! «Самое дорогое» ненужными осколками и рваными грязными нитками валялось на снегу.

Вальс Бостон

Изящные туфельки! К вам двигаются грубые солдатские сапоги!
Странные эти туфельки, они очень долго простояли у стены. Среди девчонок портового города, избалованных вниманием военных матросов и гражданских моряков – солдаты не котируются.
Оркестр заиграл медленный вальс. Танец с широким шагом, придуманный американцами.
Подружки шепчут:
– Тебя идёт приглашать солдат...
Для неё ничего не значит это предупреждение.
Видно, парень почувствовал, что если и на этот раз её никто не пригласит, она сама, забыв всякие условности, одна будет танцевать любимый вальс.
НО, сапоги? Разве возможно в тяжёлой обуви?
Рука на широком плече стройного, хорошо сложенного, очень высокого солдата. Русые волосы, громадные, добрые голубые глаза.
Первый широкий шаг по паркетному полу. Туфельки слегка приподнимаются «на цыпочки», рука парня едва касается тоненькой талии миловидной девушки с густыми каштановыми волосами.
Плавные, уверенные шаги, повороты влево, вправо, «па» вокруг партнёра ... Мелькают туфельки и исчезают сапоги, волны мелодии обнимают, отрывают от земли, закружив их истосковавшие по движению молодые, стройные тела.
Всё забыто, только восторг парения и мелодия.
Не успел затихнуть оркестр, как зал взорвался громом аплодисментов.
Только сейчас они заметили, что никто не сдвинулся со своих мест, только они исполняли Вальс Бостон.

В летний день

Берег Балтийского моря, дюна, легкие волны набегают на чистый тёплый песок...

Волны моря
Волны музыки
Волны памяти ...

Летним днём, в обеденный перерыв, выхожу из конторы и погружаюсь в тёплый, густой сосновый воздух. Лучи солнца рассеиваются и мягко ложатся на лесную тропинку.

Настроение лирическое. Машинистка накануне прочитала своё четверостишие.

Медленно шагаю, наступая на солнечные зайчики, повторяя услышанное:

Я солнечный лучик на память возьму,
Сосновую шишку в лесу подниму,
А дома, лишь только закрою глаза,
Появится Куршская наша коса ...

Дорожка огибает стоящие очень близко к ней две сосны. Меня внезапно останавливает идущая сверху чья-то молчаливая нестерпимая боль. Она не позволяет двигаться дальше. Непонятное новое ощущение заставляет искать источник чьей-то беды. Не сразу догадалась посмотреть вверх на стволы сосен. Подняв глаза – я оторопела.

Дико кричала, плакала стоящая напротив меня сосна. Кто-то безобразно надругался над шоколадно-солнечным стволом восхитительно стройного дерева. Среди висящей клочьями коры белело голое тело красавицы. Оно покрывалось слезами неудержимо текущей живицы. Рваная рана казалась смертельной.

Бессильная оказать помощь, я не сумела справиться с охватившими меня чувствами. Благодушное, спокойно-радостное настроение вмиг испарилось.

Обняв изуродованную, теплую, ещё живую, заливаясь навзрыд горькими слезами, от всего сердца негодуя, жалела чудо природы...

Бести

Планёрка началась с жёсткой критики деятельности завхоза.

За чистоту на турбазе Ивану Ивановичу достаётся часто. Вроде бы всё продумано до мелочей: ёмкостей под мусор более чем достаточно. Они, окрашенные в яркий оранжевый цвет, стоят в самых неожиданных местах. Не промахнёшься.

Осенью отдыхающих мало, так что и мусора почти нет. Что же опять «не слава Богу»?

Управляющий требовал объяснить:

– Каким образом деревья вокруг площади украсились драными пакетами и мусорными мешками? Ведь заранее предупредил, что придёт комиссия с проверкой, ведь вчера проверили санитарное состояние турбазы! Утром привожу проверяющих и... что? Иван Иванович, ты, что ли, ночью эту пакость устроил?

Ближе к обеду гляжу – сидит, взявшись за голову и горестно покачиваясь из стороны в сторону, Иван Иванович. Проходя мимо, слышу:

– Сволочи! Нет, какие сволочи!

– В чем дело? Никого же рядом нет.

– А, ты. Сядь. Да сядь же, тебя прошу.

Пришлось присесть на старенькую деревянную длинную резную лавку, рядом с завхозом. Ветер покачивает макушки сосен.

Опять возглас:

– Нет, ты только посмотри, какие они сволочи!

– Ничего не понимаю.

– Мусорную бочку видишь? Туда и смотри!

На противоположной стороне площади стоит оранжевая бочка. Вверху галдит воронья стая, что-то там по-своему обсуждая. По краю «мусорки» перемещаются две вороны. К ним спускается третья. Они синхронно двигаются, подпрыгивают, взмахивают крыльями. Найдя неустойчивое положение ёмкости, давят на край и... бочка с грохотом падает.

Весь вороний базар кидается вниз. Друг за другом стая топает вглубь бочки. Очень быстро содержимое мусорного бака оказывается на ветках близ стоящих сосен. Птицы расклёвывают, придерживая лапами, мешки, пакеты с мусором.

Действительно, бестии. Могут довести пожилого человека до инфаркта.

Выход был один: чтобы не портить внешний вид турбазы, бочки упрятали подальше. А на площади поставили дежурного. Следить за порядком.

Кузька

Автобусные остановки. Сколько времени мы теряем впустую в ожидании транспорта! В больших городах большинство людей на остановках молчат. В небольших поселках, городках, можно услышать разное – все друг друга знают.

Поведение наших российских людей сходно по всей необъятной.

Мужчины курят, не замечая никого. Плюются, слегка отвернувшись от близ стоящих. Подходит автобус, недокуренные папиросы, сигареты резко бросаются под ноги.

Простое дело – такт, но не всем доступен. С этим живём. Привыкли, не замечаем.

Это я так, вспоминая последний весенний эпизод на остановке турбазы «Дюны», обдумывая экологические проблемы Куршской косы и вспоминая лисёнка, прозимовавшего у нас на турбазе, а потом куда-то пропавшего.

На нашей остановке люди часто делятся увиденным с окружающими.

Пожилая женщина, ни к кому конкретно не обращаясь, рассказывает:

– Иду я вдоль моря, душой отдыхаю. Солнце припекает. Вхожу в соснячок. Слышу, не одна я иду. Оглянулась, а за мной по дорожке бежит хорошенькая лиса! Ближе трёх метров не подбегает, но и не отстаёт. Что-то, видать, хочет. Припасов у меня немного. Да и будет ли зверёк колбасу кушать? Я остановилась, развернула бутерброд. Положила немножко колбаски и кусочек хлеба, чуть отошла. Подбегает плутовка, хлеб носиком откинула, а колбаску съела. Снова за мной идет. Так я ей весь свой ужин скормила. Она не отходит, провожает меня. Перешли шоссе. Я направилась к заливу. Дюны подымаются... Красота... – не передать. Лисонька решила и дальше меня сопровождать. Уже и не смотрю на неё, не оглядываюсь. Что ж она делает? Вперед забежала, головку склонила, на меня уставилась. У меня остался термос с кофе. Угостить её кофе? Нужна ёмкость.

В двух шагах от себя нашла пластиковую мисочку, налила совсем немножко. Будет ли кушать? Оббежала меня лиса и давай лакать – понравилось. Налив кофе в миску доверху, я пошла дальше. Чтобы попасть к заливу, надо перейти дюну. Огненная красавица меня обгоняет, вбегает на макушку дюны, клубочком сворачивается, чёрненькие кончики ушек и чёрненький кончик хвоста соприкасаются, и давай скатываться с горки. Скатится, и бегом назад на горку опять. Минут пятнадцать этот трюк исполняла. Замучилась уже лиса. Язык трепыхается. Тяжело дышит. Никого и ничего знать не хочет. Господи, что с ней сотворилось?

А она брякнулась под куст, ноги откинула, отдышаться не может и глаза закрыла. Только грудка часто, часто дышит. Куда мне идти? Смотрю, чем дело кончится. Забылась лисонька. Ещё немножечко полежала, да как подхватится – вверх на дюну – только я её и видела... Чуть ведь лису не угробила.

Всю зиму лис провёл на турбазе. Ночевал под верандой одного из домиков. Собак к себе приучил. Когда совсем холодно было, забирался в будку к Дэзьке. Утром требовал кушать – тявкал. А с наступлением весны исчез. Мы, сотрудники турбазы, думали, что-то случилось. Оказывается – нет. Жив Кузька! Такой нахал не пропадёт!

Свидание

Заводские комсомольцы организовали встречу Нового года в пустом – дети разъехались на каникулы – здании интерната.

Сашу и ещё нескольких работников инструментального цеха назначили дежурными.

Никаких иллюзий насчет своей внешности у неё не было. Главный недостаток – узенькая полоска из мелких веснушек на щеках под глазами.

Вечер уже приближался к концу, когда, наконец, Сашу стали приглашать танцевать.

Она с горькой иронией подумала:

– Вот, вот, нет некрасивых, а есть мало выпитого. Видно уже достаточно набрались хлопцы...

Володя, слесарь механического цеха, первым пригласил её на танго. Голосом, не терпящим возражения, объявил:

– Второго встречаемся. Говори, куда прийти?

Тон возмутил. Чуть-чуть подумав, ответила:

– Не так сразу, надо подумать.

Высокий солдатик пригласил следом. В вальсе кружился он мастерски. Провожая на место, спросил:

– Может быть, второго встретимся, в кино сходим?

В девушке проснулся чертёнок.

– Почему бы и нет? Встретимся. Под часами у Главпочты в 14-00.

Светловолосый матрос пригласил на танго. Не сомневаясь в своем очаровании, предложил встретиться. Дотанцевав фокстрот, девушка обозначила второе января, четырнадцать часов у Главпочты под часами:

– Давай без опозданий.

Подошёл не очень твердо держащийся на ногах, Володя, спросил:

– Ну?

– Да, второго в четырнадцать у почты, под часами.

– Хорошо, буду!

Не дожидаясь окончания праздника, Саша покинула зал.

Второго января Саша пришла к своей подружке телефонистке, дежурившей в этот день на Главпочтамте. Посидели, поговорили. Людмила не одобрила Сашину выходку, но ключи от актового зала, под окнами которого находились большие уличные часы, дала.

До четырнадцати оставалось тридцать минут. В полной уверенности, что ребята посмеялись над ней, веснушчатой и рыжей, Саша присела у окна.

Забегала Людмила:

– Ну, пришли? Ой, Сашка, доозоруешься, оторвут тебе голову.

– Смотри, матрос подходит. Важный какой.

Минутки через три объявился солдат. Оба сверили свои часы с уличными. Мимо шли люди. Каждую появлявшуюся девчонку оба провожали глазами. На противоположной стороне улицы стоял слесарь – Володя.

Время пошло.

– Не всё вам девчат дурить и насмехаться...

Часто прибегавшая подружка начала жалеть замерзающих парней. Первым закурил матрос. Солдат подошел к нему, прикурил. Они присели на выступ низенького забора. Шагавший туда-сюда Владимир перешёл на их сторону. Поглядывая на часы, все трое осматривали прохожих.

Саше не было слышно, но по их мимике было очень понятно, когда ребята стали рассказывать о своих «красавицах». Надо же, в одно время им свидание назначили!

Владимир стал показывать на своё лицо и спрашивать, а не девчонка ли с веснушками такое устроила?

Раздался дружный смех, а солдат громко сказал:

– Ну, рыженькая, молодец!

У каждого из молодых людей в кармане лежали теперь не нужные билеты в кино.

Саша, немного подождя, пока ребята разойдутся, вышла, напевая:

– Не плачь девчонка, пройдут дожди

Солдат вернётся, ты только жди...

Тот, кто ей очень нравился, второй год служил в Белоруссии.

Новогодний бал

Сидя за кульманом, девочка восемнадцати лет мечтательно смотрит на падающие лопастые снежинки. Сквозь густую пелену падающего снега просматривается вращающаяся локационная установка.

Почему капитан к пригласительному билету в Дом офицеров дал всего лишь один входной билет? Зачем ей нужен один билет?

Первый раз – не школьный Новогодний бал, а по-настоящему праздник среди взрослых людей...

До встречи Нового, 1959 года, остается пять дней. Одной быть совсем не хочется.

Авантюрный огонек заискрился в глазах. Возникло по-детски дерзкое решение.

За стойку, где находится рабочее место, заходить никому не положено. Из документов, полученных в «секретке» от майора Бурмистрова, на матерчатую кальку переносятся схемы, по которым обучаются курсанты. Срочная работа подошла к концу. В запасе ещё много времени. Положив рядом скальпель, несколько ластиков, рейсфедер, изъев из сумки машинистки Жени одну небольшую картофелину, стала переносить буквы со входного билета на бумагу.

Дальше – и просто, и ответственно. Необходимо, чтобы вырезанные из ластика буквы, собранные в штамп, соответствовали размером и цветом подлиннику. В столе давно валяется неиспользованный старый входной «однорублевый» билет. Вырезать из картошки ноль труда не составило. Через два дня на фальшивом входном билете красовался штамп «НОВОГОДНИЙ БАЛ» с ценой... десять рублей.

В кинотеатре «Колос», перед просмотром кинофильма: «Чалпон-утренняя звезда», смущаясь, спросила:

– Может, Новый год встретим не в кругу родственников?

– А что!? Давай в парке! Съедем с трамплина с бенгальскими огнями в руках!

– Да, романтично! Понимаешь, в части капитан выдал пригласительный билет и ... два входных билета на Новогодний бал в Дом офицеров на 31 декабря.

– Слушай, так это интересно! Там три зала и один спортивный.

– Тогда держи.

В девять вечера он – с беззаботным видом, она, с бледным лицом, от страха быть пойманной, со сжавшимся сердцем, входили в широкие двери нарядного здания.

Он протянул пригласительный и нормальный входной билеты, быстро оказался на красной дорожке коридора.

Билет в руке девушки замирает. Она мешает входящим. Контролерша поторопила: « Не задерживай, доченька!» Фальшивка не смущает бабушку.

От пережитого волнения едва держась на ногах, медленно последовала за Анатолькой в гардеробную. На нем тёмно-коричневый костюм, белоснежная рубашка... галстук.

Во всей своей красе, неожиданно повзрослевший, предстал друг детства.

Помог сдать пальто и пакет с обувью в гардероб.

Приведя перед зеркалом себя в порядок, пробравшись сквозь толпу, подошла к Анатолию.

Она в тёмно-зелёном платье, из тонкой с искоркой китайской шерсти. Это выпускная работа мамы. Мама перед Новым годом окончила курсы кройки и шитья.

Платье изумительно облегло точёную фигурку девушки. Чулки цвета загара, с тёмным швом, чехословацкие «шпильки» подчёркивали стройные ноги. Густые, каштановые волосы свободной волной спадали ниже плеч.

Привыкший видеть на стадионе девочку в спортивной форме, не смог удержать изумления:

– Не узнать! Откуда волосы взялись?

– Из кос.

– Сроду такой не видел...

Две встречные женщины откровенно стали разглядывать девушку, пошли следом. Затем, извинившись, попросили пройти в грим-уборную. Юная пара опешила, но, не видя ничего крамольного, девушка пошла за женщинами. Войдя в комнатку, нисколько не церемонясь, женщины попросили её снять платье, чтобы посмотреть, как можно сшить такое платье, какие сделаны подрезы и как обработаны.

Удовлетворив свое любопытство, продолжая какой-то спор, ушли.

Освободившись от «любопытных», стали знакомиться с аттракционами. Купили беспроигрышные лотерейные билеты. В руках оказались смешные маски. Народ срезал, с завязанными глазами, сувениры. Кругом гвалт, приподнятое настроение. Они смотрели, как взрослые на глазах становились беззаботными, весёлыми, юными. Праздничная обстановка во всём. По фойе, пытаюсь обогнать друг друга, с ногами в мешках, неуклюже передвигалось несколько женщин. Смотреть было смешно. В Голубом зале в полумраке играл джаз. Сверкали ёлочные украшения. В Малом зале показывали мультфильмы и цветные документальные фильмы о дальних странах, городах, о Венеции. В спортивном зале гремел гарнизонный духовой оркестр. В театральном зале было темно. Московские артисты исполняли оперетту «Баядерка».

Поднялись на балкон.

Одни... Рука юноши обняла плечи девушки.

Пусть темно, но ведь это стыдно. Рука жжёт, и все же не хочется, чтобы её убрали...

Оперетта шла своим чередом, запомнилось много.

До встречи Нового, 1959 года, оставалось совсем чуть-чуть.

Неестественно волнуясь, Анатолий спросил:

– В Новом году иду служить. Будешь меня ждать? Ведь три года...

– Буду!

– А на письма отвечать?

– О чём ты спрашиваешь?

– Так я буду писать каждый день!

– Замечательно!

Едва успели влететь в буфет, как раздался бой курантов, зазвенели бокалы. Посыпались поздравления, пожелания...

Весёлые пузырьки шампанского сделали своё доброе дело.

Под звуки Новогоднего вальса кружились счастливые пары.

Пришел Новый 1959 год!!!

И всем было совершенно неважно, по какому билету попал в сказку.

Юность поёт

1. ШКОЛЬНЫЙ ХОР

1957 год. Школа, девятый класс. Идёт подготовка ко Дню Победы. Ежедневно после уроков нас заставляют посещать школьный хор. Хором руководит преподаватель музыки младших классов. Разучиваем замечательные песни. Алла Максимовна замучила всех, пытаюсь услышать только ей понятное звучание. Исполняем по сто раз одно и то же.

Надоело, хотим домой. И тут... Аллу Максимовну кто-то попросил выйти в коридор, что она и сделала. В это время самая озорная ученица, Алька Резинкина, от которой можно ожидать чего угодно, предлагает в одном из куплетов изменить одно только слово.

Одна из её выходов: урок физкультуры, в самом углу спортзала – два шеста для лазания по ним. Мальчики легко освоили этот спортивный снаряд. Девочки боятся. Преподаватель велит девочкам лезть вверх по этим скользким шестам. Вдруг Алька спокойно обхватывает руками шест, а ногами идёт по крашеной стене до самого потолка. Наш физрук Марьяна возмущённо кричит:

– Резинкина! Немедленно слазь!

Та, уцепившись за штангу, отвечает:

– Ставьте пятёрку, я добралась!

В ответ:

– Хулиганка, двойка тебе, двойка!

Алька послушалась и стала спускаться, но так же, как поднялась – с помощью ног. Оставляя на стене чёткие меловые следы спускающегося с потолка человека. Разве не смешно?

Мы все оживились в предчувствии развлечения.

Алла Максимовна вошла со словами:

– Ну, ребятки, давайте всё повторим сначала...

Обладая великолепным сопрано, она и пела и дирижировала одновременно. Весь наш большой коллектив в этот раз старался изо всех сил, а когда дошли до слов:

– летите голуби (надо вторично петь: «летите»), прозвучало мощное:

– собаки, для вас нигде преграды нет. Несите голуби, несите, народам мира наш привет...

Преподаватель музыки чуть не упала. Останавливает нас, требуя прекратить пение, но мы допели песню до конца. Когда замолчали, она с ужасом тихо произнесла:

– Так! Наконец всё получилось, но эти с о б а к и и ... Быстро! По домам!

2. ХОР КАЛИНИНГРАДСКОГО ПОЛИТЕХНИКУМА

1961 год. Впервые калининградцев пригласили в Таллин на очередной фестиваль хоровой песни прибалтийских республик среди учебных заведений. Наградой за первое место служил янтарный кубок.

Преподаватель сопромата, Александр Шеинблид, оказался очень талантливым музыкантом. Он сумел быстро, всего за два месяца отобрать и подготовить тех, кто действительно имел слух и голос. Надо сказать, желающих было очень много. Ещё бы! Посередине учебного года такое неожиданное путешествие.

Среди студентов Политехникума нашлись четверо, превосходно владеющих баяном. Собрали группу танцоров и собственный маленький джаз. Всего поехало около восьмидесяти человек.

Судьи из Прибалтики оценивали выступления литовского, латышского, эстонского (таллиннского) и нашего, калининградского, хоров.

За день до выступления преподаватель попросил хористов, чтобы с вечера и на следующий день, до самого выхода на сцену, ничего не кушали, для лучшей чистоты звучания голосов. На репетиции, чувствуя громадную ответственность, хорошо распелись.

Выступление пошло, как по маслу. Исполняем заключительную песню: «Бухенвальдский набат». Переволнованный Шеинблид вдруг вместо второго куплета отчаянно дирижирует последний ... Наш замечательный, строгий, очень требовательный дирижёр вдруг сбился! Хор не повинуется и поёт правильно.

Я стою в первом ряду и вижу, как его волшебные руки застыли. По лицу прямо со лба полился поток «воды». Даже рубашка под «бабочкой» намочла. Мгновенно взяв себя в руки, он продолжил дирижировать. Его губы шептали: «спасибо, спасибо, спасибо».

Почти профессиональное исполнение нашего репертуара исключило всякие сомнения у судей.

Зал стоя аплодировал исполнителям. Мы прекрасно понимали, что труд преподавателя сопромата не пропал даром. Не зря требовал он от нас четкого исполнения своих указаний. Он знал, с какими большими ценителями хорового пения встретимся.

Все хоры были самодеятельными. Калининградский, восьмиголосый, звучал идеально. Подкупило наших соседей ещё и то, что мы пели не только русские, но и латышские, литовские народные песни.

Вернулись в Калининград с янтарным кубком. На перроне нас встречал духовой оркестр Балтийского военного округа.

Что мы пели: «Край мой, ширь-простор». Две Латышские песни: «Вей ветерок», «Петушок». Песню хора девушек из оперы «Демон». В заключение, и в наше время – ой, как актуальную, песню: «Бухенвальдский набат».

Дружбе верны

Телефонный разговор двух школьных подруг:

- Как? Лерка Савина была на Дне рождения Альки Резниченко?
 - Поверить не могу!
 - Что, сама пригласила?
 - Быть не может!
 - Вспомни, вспомни, Алька же мечтала специально купить машину, только для того, чтобы мимо Лерки промчаться, показать ей язык и обрызгать водой из грязной лужи ...
 - Круто!
 - Алька память потеряла, что ли? Мы из солидарности с Леркой не разговаривали. А она здрасьте!
 - Нет, не потеряла. Знаешь, а Лерка такая хорошая девчонка оказалась! Ну, теперь, конечно – женщина замечательная, такая сердечная.
 - Послушай, сколько времени-то прошло?
 - Ну, как сколько? Тогда нам было по восемнадцать. Сейчас... стало по шестьдесят девять. Да-а, пятьдесят один год.
 - Что с Алькиным инсультом?
 - Левая сторона парализована, рука согнулась, не разгибается, но молодец – весёлая. Хорошо посидели. Лерка рассказала, что её отцу девяносто, брату за семьдесят. Они у неё в поход собираются. Каждое утро до Чкаловска бегают, ведут здоровый образ жизни.
 - Ничего себе, это же до десяти километров будет?!
 - Представляешь – пешком до Берлина с лозунгами. Лерка просится с ними, а брат категорически отказывает. В поход берут только тех, кому за семьдесят и старше!
 - Оказалась славная семейка у Лерки! Мы пятьдесят один год с Алькой солидарничали... Ты помнишь, хоть за что же она её водой-то...?
 - Понятия не имею!
 - Выходит, Алька давно про «грязную воду из лужи» забыла.
 - Лерка же и не знала про неё. У них давно всё в порядке. А, мы?... «Дружбе» верны...
 - Обидно, чаще встречаться надо было... годы... расстояния.
- Привет им обоим. Узнай телефон Лерки!

Первая детско-взрослая тайна

Сколько себя помню, в свободное время больше всего носилась с мальчишками. Меня интересовали новые друзья, их увлечения, игры: лапта, казаки-разбойники, чижик, штандер, шашки, волейбол.

В соседнем доме появился мальчик на три года старше меня. Я – пятиклассница. Для меня он уж очень взрослый человек.

Дети, пережившие войну, в большинстве своём потерявшие отцов, были серьёзными и не по годам рассудительными, ответственными за своих младших и мам.

К нам во двор привезли строительный песок. Я с братишками играла на песчаном холмике. Обратила внимание на часто проходящего мимо, грустного нового мальчика, который никогда не задерживался во дворе. Одет он был, как большинство ребят в то время, в не по росту драную, засаленную фуфайку, на голове было надето что-то непонятное, на ногах – разбитые, большие дырявые кирзовые сапоги.

Моя бабушка рассказала, что мальчика привёз его родной дядька к своей маме – бабушке этого мальчика. Оказалось, что у Володи родители погибли на фронте. Хромой дядька, имея большую семью, был просто не в состоянии прокормить племянника, дать ему образование. Поэтому Володю определили в Железнодорожное училище (ФЗУ) в нашем пристанционном городке. Парень получит специальность, будет одет, обут, а главное, накормлен.

Когда я утром шла в школу, он всегда быстрым шагом обгонял меня и первым здоровался. Мне казалось, что это от того, что он видел, с какой жалостью в глазах я глядела на него.

Однажды мы с братишками играли в нашем песке. Соорудили домики, башни и даже паровоз слепили. Володя в отличном настроении возвращался к своей бабушке, уже не в старой рваной фу-файке не по росту, а в новенькой форменной шинели с ремнём, в шапке и ботинках с блестящими клёпками.

Такой стал взрослый! Проходя мимо, запел, очень даже красивым голосом:

«Ах, Адесса моя ненаглядная,
Без тебя бы не смог вероятно я...»

Я его поправила: «Одесса.»

Он же упрямо в ответ:

«Нет, Адесса! Это тебе!»

Помню то странное воздушное ощущение, от которого запылали мои щёки, с ниточкой мелких веснушек. Для меня пел взрослый мальчик!

Это была моя детско-взрослая тайна.

Только потом я старалась не попадаться Володе на глаза.

Очень скоро за нами приехал папа и увёз в закрытый, разбитый немецкий город Кёнигсберг – Калининград.

Калининградские берега

Анатолий Мартынов

Анатолий Мартынов родился в городе Советске Калининградской области. Имеет высшее филологическое образование. Долгое время работал в Калининградском «Художественно-промышленном техникуме мастером-ювелиром. В настоящее время трудится в частной ювелирной фирме. Пишет стихи, прозу. Печатался во многих российских и зарубежных журналах. Им изданы четыре поэтических сборника и два сборника повестей, рассказов и пьес. Возглавляет два литературных объединения «Эклога» и «Балтийские зори».

АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ

Венок строф (анапест)¹

Я анютины глазки срываю.
Их поставлю... ну, скажем, в стакан.
Там, в окне, – грациозный твой стан,
И тетрадки на столике с краю.
Я анютины глазки срываю.
Их поставлю... ну, скажем, в стакан.
Ты проверишь диктанты, вздохнёшь отчего-то.
Оттого ли, что сделал четыре ошибки Кротов?
А цветы, как магнит, уже тянет строка.
Их поставлю... ну, скажем, в стакан.
Там, в окне, – грациозный твой стан.
О, мой Бог, как же трепетен он!
Явь ли это, мираж или сон
То, что вижу давно я сам?
Там, в окне, – грациозный твой стан
И тетрадки на столике с краю,
Грусть твоя кареоякая, кроткая
И ошибки смешливого Кротова.
Я, как ласку твою, всё и вся принимаю –
И тетрадки на столике с краю.
Я анютины глазки срываю.
Ты их ставишь с улыбкой в устах,
И слезой родника наполняешь хрусталь.
Я жалею цветы. Для тебя ж, дорогая,
Я анютины глазки срываю.

УТРО ВЕЧЕРА МУДРЕНЕЕ

Ночь ослепило утро,
Что мудренее вечера.
Росой умыла кудри
Чета берёз у реченьки.
И ожил ветер майский,
И солнца луч нечаянно,
Как дон Кихот Ламанчский,
Герой из давних дней,
Копьём пронзил отчаянно
Цветной витраж в окне.

¹ Ранее в России в этом жанре и размере написано всего одно стихотворение поэтом С. Есениным «Шаганэ ты моя, Шаганэ».

ТОТ ЦВЕТОК Я ПРИВЕЧАЮ

Зверя я не бил, не бью.
Зверя я любил, люблю.
Он красив мой зверь лохматый,
Не пернатый, не рогатый,
А растущий на лугу.
Без него я не могу.
Собираю и для чая,
И от самой нудной боли
Тот цветок я привечаю...
Нынче я ищу покоя
В жёлтых звёздах зверобоя.

А В ЧЁМ НЕ ПОВЕЗЛО?

То везёт, то не везёт мне адски.
В чём повезло? Живу в Зеленоградске.
В пятнадцати шагах от дома ропщет море,
Быть может, потому, что берег непокорен.
Люблю ходить к посёлку Куликово,
Ловить янтарь азартно и рисковно.
А, завершив свой труд, устало уместиться
Вдвоём с товарищем, как две большие птицы,
В излучине сосны, умершей стоя.
Товарищ мой, ещё вчерашний воин,
Молчун несносный, курит без конца.
Ему бы к табаку да доброго винца!
А я слагаю вирши, этим болен с детства,
Как милой женщиной, живущей по соседству.
Чуть отдохнули, и в дорогу снова.
Прощай, сосна. Прощай, и Куликово.
А в чём не повезло, о том я ни полслова.

МАРТ

По небу перья белых птиц.
И синий свет из-под ресниц.
Сады беременны весной,
А волосы ты красишь хной.
И суета, и визг петард,
И воздух псом большим искусан...
На одной трети всходит март
Восточной бывшей Пруссии.

Калининградские берега

Михаил Гребенщиков

Родился в городе Чебоксары в 1940 году. Окончив Чебоксарский электро-механический техникум по специальности холодная обработка металлов, работал фрезеровщиком 5 разряда. Автор поэтического сборника «Если б я умел рисовать»

* * *

Я рождён у лета на макушке,
У меня обычная судьба.
Глуховато-звонкий счёт кукушки
Где-нибудь у леса на опушке
Дарит мне неспетые года...
Я люблю закат над водной гладью
И глаза внимательные звёзд,
Облаков запутанные пряди,
Ручеёк с негромким водопадом,
Хоровод задумчивых берёз.
Это то, чем я с рожденья полон,
Чем я дорожу и чем дышу...
Не нужны мне ни Париж, ни Лондон –
Русский я и мне Россия домом!
Лишь о ней пою я и пишу...

* * *

В этом бою победителей не было,
Не было даже кому ликовать:
Небо на землю обрушило ненависть,
Чтоб уничтожить, а не создавать!
Молний ветвистых разряды беззвучные,
Молоты грома по грешной земле...
Боги надеялись, что-то получится,
Если появится разум во мгле!
Разум родился слепой и беспомощный,
Гольй, глухой, только жадность да боль!!
Ахнули боги, увидев побоище,
Но совладать не сумели с собой...

НОЧНАЯ СКАЗКА

Город ночной пустынен,
Звуки шагов не слышны
Только в сугробах стынет
Призрачный свет луны...
Спят фонари горбаты,
Окна домов темны,
Лунные пятна-заплаты

В парке ночном видны.
Снег на аллеях парка
Скатерти белой белей,
Ветви деревьев – аркой,
Как во дворцах королей!
Лыжных следов полоски
В тёмной аллее бегут
Мимо застывшей берёзки,
Мимо скамеек в снегу...
Дремлют дома и деревья,
Город в объятиях снов...
Ходят по тёмным аллеям
Шорохи наших шагов...

ОФИЦЕРСКАЯ

Сон стоит в карауле,
Смерть на время уснула,
Спят солдаты и пули,
Спит усталый трубач,
Звёзды – дырами в тучах.
Вы расслабьтесь, поручик,
Что за мода, голубчик,
Стоном сдерживать плач!
Тянет сыростью с клёнов,
Бьёт священник поклоны,
Со всего батальона
Мы остались вдвоём!
Пахнет порохом дуло,
Жизнь, как свечку, задуло,
Два стакана на стуле
С недопитым вином.
Ночь навесила шторы,
В плавнях слышится шорох,
Рвётся нить разговора,
Перестаньте ж молчать!
Жизнь – всего только случай!
Вы поплачьте, поручик, –
Это, все-таки, лучше,
Чем в бурьяне лежать!
Струи ливня косые...
Где ж ты, новый Мессия?

А прожить без России
Нам, увы, не дано!
За страницами писем
Запоздалые мысли,
Жизнь проходит без смысла
Довоенным кино...

* * *

Мела без удержу позёмка,
Как будто, где-то в небесах,
Внезапно лопнула котомка
С запасом снега. На полях,
Метровой толщею укрытых
От зимней стужи, смутный след
Полозьев санных да копытный,
Упрямо продолжавший бег.
Ямская станция по окна
Лихой пургой заметена
И снега белые полотна
Сквозь тучи серебрят луна.
В избе тепло и даже душно
И пахло высушенной травой,
Ямщик сопел в углу, к подушке
Прильнув лохматой головой.
Дымился пунш в большом стакане,
Мороз ветвился на окне,
А за стеной поручик пьяный,
Ругаясь, требовал коней...

БАЛЛАДА

И всего-то переплыть лужицу, не море,
А ни лодки, ни весла, ни, хотя б, бревна...
Глянешь под ноги – обрыв да зарево на взгорье,
Да погоня на рысях, ноги в стремена.

Ни меча, ни топора нету под рукою –
Лук тугой, десяток стрел, нож под кушаком!
Вот и мне пришла пора честным быть с собою,
Эх, досадно, не успел защитить свой дом!

Что ж, попробую отдать жизнь свою дорожке,
Пусть не радуется враг, видя одного –
Воин в поле и один, ярость мне поможет,
Налетайте, поглядим, гады, кто кого!..

Ох, коротким вышел бой, смерть полынью
пахнет,

Стрелы иглами ежа из спины торчат...
Мне доверено судьбой умирать без страха!
Улетай, моя душа, в свой небесный сад...
Улетай, моя душа, в свой волшебный сад...

* * *

Белый свет занавешен туманом,
В двух шагах не увидишь огня,
На коне вороном аль буланом
Не дожждётся красotka меня!
Заплутал я, видать, ненароком,
На свою понадеясь звезду,
Замело, запуржило дорогу,
Словно кто напророчил беду!
Бес ли водит меня по болотам,
Заметая дорогу домой,
Иль луна из-за туч беззаботно
Колдовскою слепит желтизной?
Не за лесом ли дальним зарницей
Полыхнёт мне кровавая рвань,
Не меня ли былинной жар-птицей
Унесёт в бурелом-глухомань?!
Эх ты, жизнь, в никуда ниоткуда,
Неизвестно, что ждёт впереди,
Только жар непонятного зуда
От огня авантюры в груди!
Ну, гони веселей вороного
Напролом, без дорог, наугад!
Конь хозяина сыщёт другого,
Да ему не вернуться назад...

* * *

Если б я умел рисовать,
Я бы лес рисовал и дорогу,
Что крадётся сквозь лес в тревоге,
Не умея свой шаг прервать...
Если б я умел рисовать,
Рисовал бы рассвет над морем,
Облаков кучевые горы,
Даль, которую не объять...
Если б я рисовать умел,
Взял бы лучшие кисти и краски,
Не войну рисовал бы, сказку,
Жизнь, которую спеть не успел...
Если б я умел рисовать,
Я бы жизнь рисовал, как вижу,
Всё, чем счастлив и что ненавижу,
Рисовал бы опять и опять...
Если б я умел рисовать...
Только я рисовать не умею...

* * *

Не сотвори себе кумира
И не завидуй никому!..
Не потому ль проходим мимо,
Предпочитая лесьть уму?

И от бессонницы терзаясь,
 В полубреду – «Ах, не моё!»,
 К другим испытываем зависть
 За их «приличное» житьё?
 И тем завидуем, и этим,
 И за границей, и внутри,
 Как будто всё на этом свете
 Лишь зависть, чёрт меня дери!
 «Не сотвори себе кумира!» –
 Нас учит заповедь любви,
 А я готов пройти полмира,
 Чтоб сердца треснутая лира
 Шептала: «Милая, живи!»
 Не сотвори себе кумира,
 Чтоб после в прах не повергать...
 Темна душа в потёмках мира,
 В них лик пресветлый не видать.

ОСЕННЯЯ МОКРАЯ ПЕСЕНКА

Опадают мои тополя,
 Облетают последние листья,
 В ожидании снега земля,
 И бредут невесёлые мысли.
 А зима за окном мне кричит: «Помолчи!
 Я ещё ничего не решила!»
 И ветрами звеня, хулиганит в ночи,
 И грешит, словно век не грешила.
 Я уже никуда не спешу,
 Я душою сливаюсь с природой,
 Прелым запахом листьев дышу,
 Наслаждаясь осенней погодой.
 А зима за окном никуда не спешит,
 Не торопится ветром и снегом,
 Что-то хочет решить и никак не решит
 И пугает нахмуренным небом.

Вот и первых морозов привет,
 Вот уж светлые льдинки на лужах,
 По утрам бледно-жёлтый рассвет.
 И снежинки несмелые кружат.
 Я взываю к зиме, я кричу: «Приходи!
 Мы с тобой друг без друга не можем!»
 А за мокрыми окнами злые дожди
 Бьют по лужам и лицам прохожих.

БАЛЛАДА О ПОЭТЕ

В. Высоцкому

Ему твердили: «Ты поэт от чёрта, не от бога!
 Ты будешь проклят на века, гореть тебе в огне!»
 А он кричал, что «Бога нет, а есть одна дорога,
 И пусть не признан я пока – плевать на это мне!»
 Его безбожником в глаза и за глаза прозвали!
 Во всех немислимых грехах корили, как могли!
 А он орал, что жить нельзя с тоскою и в печали,
 Что церковь – старая труха на темени Земли!
 Ещё кричал он, что уйдут учения и боги,
 Свободным будет человек от косности грехов!
 Не будет тюрем и оков, ни страха, ни тревоги,
 Но будут в памяти людской предания волхвов!
 «Мы рождены не для того – хрипел он,

надрываясь –

Чтоб набивать себе мошну да тешить естество!
 Не укради и не убий – вот заповедь святая,
 А мы забыли про неё, и в этом наше зло!»
 Он ненавидел, как любил, неистово и страстно
 И боль чужую, как свою, всегда переживал!
 И потому, наверно, жил на свете не напрасно
 И умер, словно пал в бою, шагнув со сцены

в зал...

ПАУТИНКА

Тоненькая сетка паутинки меж стволов дрожит, переливаясь,
 Лист багряный падает неслышно, чтоб повиснуть на прозрачной нити.
 Паучок её давно покинул – он в свой путь отправился далёкий
 На другой, такой же тонкой, нити, а зачем и самому не ясно.
 Может, крик услышав журавлиный, он решил лететь в края иные
 Показать себя, других увидеть, опытом житейским поделиться!..
 А быть может, от порыва ветра нить его случайно оборвалась,
 А ему своей работы жалко – как-никак, она его творенье!
 Впрочем, это всё мои догадки – что я смыслю в жизни паучиной,
 Мне в своей-то сложно разобраться, сам себя давно уже запутал!
 Так или иначе, паутинка меж стволами блещет сиротливо,
 Ожидая путника шального или зверя, или просто ветра...
 Сканы её прозрачного узора отливают серебром на солнце!
 Я гляжу, и странная тревога мне передаётся паутинкой...

Берега Сибири

Маргарита Чекунова

Родилась 22.07.1993. Детство прошло в Ялutorовске. Окончила Тюменский государственный университет по специальности «Журналистика» (2011–2015 гг.), параллельно училась на направлении «Филология» (2012–2017). Публиковалась в литературном альманахе «Врата Сибири» (№ 3/2012, Тюмень), в журнале «Наши Современники», (№ 6/2014), в альманахе современной прозы и поэзии «Дорога жизни» г. Санкт-Петербург, (№ 3/2014), в общественно-политическом еженедельнике «Литературная газета» г. Москва (№ 41/2015), в журнале «День поэзии – XXI век. 2015–2016» № 10. Автор поэтического сборника «Воздушный змей» (г. Тюмень, 2014).

* * *

Сказки – фрески. Идеалы – фрески.
В них палят из слов, как из ружья.
Отойдя, закрою занавески:
Мир совсем не думает, как я.

Отчего в искусственно-пьянящем,
Конструктивном, сером, неживом,
Я боюсь кричать о настоящем
И молчу в предчувствии его?

«Вы прелестны, девушка, ну что вы,
Это только вылощенный бред.
Кто сказал, что больше нет основы,
Кто сказал, что счастья больше нет?»

Только счастье выгнали в соц. сети,
Тот замок с двойным теперь ключом,
Ключ теперь на форуме в беседе,
Ключ в беседе. Мы тут ни при чём.

Нет священных, нравственных законов,
Всё осталось в прошлом за плечом.
Хлеб – реклама, деньги нам – икона.
Так ведь в жизни. Мы тут ни при чём».

Начинаю (знаю, что не надо):
«Всё обман, притворство и обман.
Вам звезда с иною звездопада
Упадёт в развёрнутый карман.

Шоу рифм, прожекторов палитры,
Можешь в них купаться до зари,
Но оставь нам скачки и молитвы,
Шёпот звезд и том « Экзюпери».

– Что такое... что вы мне твердите...
Кто как может... ишь, одна, как перст...
Вы идите, вы в себя придите.
Путь в себя: обрывы, щебень, лес,

Контур улиц вычурный и мелкий.
У домов печальные глаза.
Отчего в словесной перестрелке
Вы опять сорвали голоса?

Били в лоб бессмысленно и резко,
Золотое, хрупкое громя,
Били в сказки, целились по фрескам,
И конечно, ранили меня.

В схватке слов не встретишь виноватых.
Это глупость, детская игра.
Грубых споров грубые набаты
Ускользнут в симфонии утра.

Край небес, дома и перелески,
Можно ли, чтоб здесь, кругом – война?
Грёзы – фрески. Идеалы – фрески.
В поле бой. Я воин. Я одна.

ВСЕМ,
КТО СУДИТ НАС НА КОНКУРСАХ
И ЗНАЕТ, КАК НАДО ПИСАТЬ

Как странно – предавшись поискам,
Очнуться над мегаполисом
И маленьким смелым отблеском
Лавировать меж громад.
Вы скажите, не нашедшая,
По рейтингу не прошедшая,
А попросту – сумасшедшая,
А попросту, «не формат».
Любители сложных вывертов,
И лавров, и слётов-вылетов,
Как выскажешь вам, что вылиты
В скрижали твоей, скажи?

А то, что в ней было вылитое,
Совсем не «продукт для выхода»,
А часть неразумных выходов
Бесстрашной твоей души.
Все эти стихи и колкости
Приходят совсем не в гордости,
А где-то на грани пропасти:
Ни спрыгнуть, ни отразить.
Ошибки твои и подлости
Все высветятся на плоскости.
Играй с ними в дерзкой броскости,
Что с чем-то святым в связи!
Пойми, что в тебе есть множество,
Прими его, подытожь его,
И выплачь своё ничтожество
В том образе, что создашь.
И пусть твоё сердце кается,
И разум пусть откликнется,
Как только он испугается,
Что делает карандаш.
Вы скажете: «Ну, откройся нам,
Оставь всё своё геройство снам,
Пиши с фонарём, укройся там
И выплеснись до глубин.
Стань песней, стихией, космосом,
Стань первым рассветным возгласом,
Стань трепетно-чистым голосом,
Не станешь – не подходи».
– Смотрите, он кувыркается,
В слезах изгибаясь, кается,
Надеется, спотыкается
И сходит с прямой стези.
Прощается, превращается,
К прошедшему возвращается,
Ему ничего не прощается,
Руби же знаток, грози!
Вы меряетесь верлибрами,
Гремите своими рифмами,
Встречаетесь на квартирниках,
И чтобы «не как у всех».
А то, что достигло бумаги, я
Считаю, почти как магия,
И кто-нибудь вздрогнет в панике,
Ведь магия – это грех.
Вы, мудрые инквизиторы,
(Теперь в пиджаках и свитерах)
Пожалуйста, не грозите нам,
Что исповеди не те.
Ошибки свои и горести
Мы выпишем в смелой повести,
Молясь на тропинке к пропасти
В неузнанной чистоте.

ДЕКАБРИСТСКИЙ ВЕЧЕР
В ЯЛУТОВСКОМ МУЗЕЕ

поэту Михаилу Кукулевичу

Вот дом музейный, маленькая лесенка,
Скрипящий пол и фортепиано в комнате.
Вы начали про Шиллера и Лессинга,
А я вам про Вольтера, долго, помните?

Вы дали знать: из истинных мыслителей,
Как правило, не встретишь атеистов.
А с ветхих стен, печально-ослепительны,
Смотрели в зал портреты декабристов.

Прошло два века – разве это разница?
Два века – как мгновения для вечности.
А за стеной музейная охранница
Встревожено шептала: «Сколько свеч нести?»

Кричала на пришедших «тише, глупые,
Там человек приехал, из столицы».
Мелькали звёзды, блеск ночного купала,
Сибирский тракт, столетия и лица.

Зажглась свеча, чужих времён посланница.
Я не забуду вашу речь о Пушкине.
И замер зал. Музейная охранница,
И та пришла послушать вас и слушала.

А эти песни... что сравнится с песнями!
Вам хлопают восторженно и гулко,
Я рвусь всей отрешенностью, что есть во мне,
К величественным залам Петербурга.

Потом прошло два дня, и вы уехали.
И стало грустно в опустевшей комнате.
Висят портреты Шиллера и Гегеля.
Их, может, из приезжих ещё вспомнит кто.

И ждёт меня Тюмень – Москвы племянница.
«Ялуторовск...» доносится в эфире.
И «в строгом свете звёзд» поёт охранница
В заброшенной якушкинской квартире.

(25.12.2015)

В ГОРОДСКОМ ПАРКЕ

Ялуторовск.
звук саксофона.
старинный, сияющий марш.
А в парке гудят микрофоны,
оркестра столичного шарж –
команда мальчишек. Игривый

дурман из мелодий вязать
им всем по плечу. Журналистам
едва ли возможно сказать
о чуде, забравшемся в сердце
(про сердце и чудо – смешно).
И смех воплощается в скерцо,
разобранном прошлой весной.
Мелодия бродит по крышам,
по аркам счастливых дворов,
и звук этот будет услышан
гонцами небесных ветров.
И рыжий, застенчивый мальчик,
прижавший валторну к губам,
услышит, как чист, необманчив
в сирени качнувшийся гам.
Смотри, как не чинно и просто
танцуют старушки в кругу! –
Из стен городского помоста,
изящен, как граф Калиостро,
умно, величаво и остро
марш вырастет в стройном шагу
литых мелодических фраз,
как в первый, единственный раз.
Стих праздник. Разносятся свисты
двух флейт, и мальчишка сложил
валторну. Стоят журналисты
и просят его: расскажи понятно легко и толково...
Святые видения! – сжать
в ладонь их –
не скажешь такого
на камеру.
лучше – бежать.

СНИМАЕМ ФИЛЬМ О ДЕКАБРИСТАХ

Беспристрастно, как пристав в осенних листьях
возвышаемся с камерой выверенный штатив.
Мы снимаем с тобой «Декабристов» в потёмках мгlistых,
за ладошку историю судорожно схватив.
В павильонах музейных, в избушках, почти бедняцких,
Забредает в окошко небесная киноварь.
Мы придумаем снег на сошедшей с ума Сенатской,
Рудники и дороги, Ялуторовск, ночь, январь.
Есть герои, но в списках их нет, нет в списках, -
Всем им фраки изменников сшиты, изволь, накинь.
Вольнодумцев своих, декабристов, в потёмках мгlistых
Мы рисуем сквозь крик: «поколение, верь таким».
Пусть расскажут наутро все глянцы, все СМИ и глянцы:
«Сняли фильм о прошедшем». Им новость всегда товар.
Офицеры, заступники, рыцари, вольтерьянцы,
Неотступно, я с вами.
Ялуторовск. Ночь. Январь.

Берега Сибири

Наталья Бородкина

Бородкина Наталья Михайловна родилась на Кубани, в казачьей станице. С 19 лет живёт в Сибири. Два диплома о высшем образовании. Стихи и сказки были опубликованы в литературно-художественном журнале «Смена» (г.Москва), сборнике современной поэзии «Краски жизни» (г.Москва), литературно-художественном альманахе «Врата Сибири» (г.Тюмень), историко-краеведческом альманахе «Ялутур-городок» (г.Ялуторовск), областных газетах. Автор трёх поэтических сборников: «Миру с любовью», «На тонкой грани двух миров» и «Живое слово». Руководитель литературного объединения «Ялуторовская лира» города Ялуторовска Тюменской области (города декабристов).

ИЕРУСАЛИМ

А, в общем, я нигде и не была...
Всё как-то мимо, мимо, мимо, мимо.
Расправить бы два белые крыла
И полететь к стенам Иерусалима.
Бродить по древним улочкам кривым,
И чувствовать пронзительно, всей кожей,
Каким Он был – не сказочным – живым,
И потому ещё, ещё дороже.
Вбирать ступнёй тяжёлый жар камней,
Что помнят ног Его прикосновенье,
И чувствовать, чем дальше, тем сильнее
Безжалостной Голгофы приближенье.
За шагом шаг и – сердце на разрыв,
И мечется душа в безмолвном крике,
Как будто слышу горестный призыв,
Как будто вижу свет в печальном лике.
Стенания и выкрики толпы
Забывать мечтают каменные стены,
Но нет спасенья, глухи и слепы
Невольные свидетели измены.
Его священной кровью прожжена
Земля насквозь у страшного распятия,
И в море слёз нет берега и дна,
И в месиве толпы – враги и братья.
Провалы искажённых злобой ртов
В чудовищной, безликой круговерти,
И смешан с диким запахом цветов
Безумный, тошнотворный запах смерти.
Наполнен воздух гибельным метаньем
Слепой толпы, ревущей словно зверь,
Известным лишь Ему предначертаньем
Свершился день – он в Вечности теперь.
Я рухну, разбивая в кровь колени,
О, как же эта истина проста!
Мы – люди, совершая преступленья,

Вновь распинаем нашего Христа!
И наши торопливые молитвы,
И весь красивый наш самообман –
Ничто на бесконечном поле битвы
Добра со злом – иллюзия, туман.
А нам пора бы крикнуть, что есть мочи,
Неистово и страшно голосить,
Пока душа ещё спасенья хочет:
«Спаси нас, Боже! Господи, спаси!
Спаси от бедствий, нами сотворённых,
От мести мёртвых, подлости живых,
От дней без цели и без смысла проведённых,
А, главное, спаси... от нас самих...»

ГОНЧАР

Скажи, какую мыслью влеком,
В сосуд ты превращаешь глины ком?
Вдыхая жизнь в безжизненную плоть,
Как это делал некогда Господь?
Вращаешь круг гончарный не спеша
И вот уже затеплилась душа
В твоём сосуде дивной красоты
Великий Труд не терпит суеты.
Тебе чужды пустые разговоры.
Труд и молитва. «Ora at laboga»¹
Тебе ещё не ведомо пока –
Творенья мастера живут века.
Уйдут за поколеньем поколенья,
Твоих шедевров не коснётся тленья.
Их бережно потомки извлекут,
Благословляя твой бессмертный труд.

¹ «Ora at laboga» – молись и трудись (лат.) – девиз святого Бенедикта Нурсийского, который в 529 г. основал монашеский орден бенедиктинцев.

И восхищённый трепет их сердец –
Творениям твоим – живой венец.
Нет в Вечности начала и конца,
И Истина живёт... в руках Творца.

НАС НЕТ С ТОБОЙ НИГДЕ

Так тихо потому, что улетели птицы.
Так грустно потому, что не сбылись мечты.
Чуть теплится любовь, и по ночам не спится.
И самым дорогим мне стал, увы, не ты.
И в дымном сентябре, где жгут сухие травы,
И в сумрачном саду забытая скамья,
Нет смысла вспоминать, как были мы неправы,
Ведь в этом сентябре с тобой, увы, не я.
И там, где запах волн пронзительный и едкий
Слит с запахами роз и зреющей айвы,
Где тучные плоды к земле склоняют ветки,
И там не мы с тобой. Не мы с тобой, увы.
И где заросший пруд свои кувшинки прячет,
Скрывая омуты в таинственной воде,
И ива, наклонясь, уже привычно плачет,
И там – не мы с тобой. Нас нет с тобой. Нигде...

НОЧЬ НА ДАЧЕ

Луна мерцает между тучами,
И в колдовской ночной тиши
Парит неслышно мышь летучая,
Бросая тень на камыши.
Туман лохмотьями слоистыми
Трясёт – неспешен и суров,
И озерцо с глазами чистыми –
Как зеркало меж двух миров.
Такой манящий и таинственный
Мир горний смотрит с высоты,
Как соловей поёт неистовый,
Как нежно к травам льнут цветы,
Как брезжит из окна полночного
Настольной лампы робкий свет,
Как пленник часа неурочного
Над рифмой трудится поэт.
И невдомёк ему – беспечному
Что здесь, средь звона комаров,
Как никогда он близок к Вечному
На тонкой грани двух миров.

ВОКЗАЛЬНЫЙ БОМЖ

Вокзальный бомж помятый и небритый
На стульях в уголке прикорнул.
Настороже. Глаза полуоткрыты.
И не поймёшь – хитрит или уснул.
Охранник подойдёт неумолимый

Заставит встать, ему же всё равно.
А поезда мелькают мимо, мимо,
Как кадры надоевшего кино.
Покорно встанет – спорить бесполезно.
И, взяв свою котомочку, уйдёт.
И захохочет скрежетом железным
Вокзал, где он уж столько лет живёт.
Давно он здесь... У старого вокзала
От старого бомжа секретов нет.
Вон там вахтёрша знаком показала –
Бесплатно пустит в платный туалет.
Буфетчица вокзального буфета
Подсунет пару чёрствых пирожков.
Кивком «Спасибо» скажет ей за это,
Попьёт чайку, вздохнёт, и – был таков.
Он что-то в жизни изменить не в силах.
Вот и живёт, как может, без затей.
Ах, матушка жестокая, Россия,
Что ж так не любишь ты своих детей?

ДИОГЕН ¹ И АРИСТИПП ²

Чудак, мудрец, философ, маргинал
Решил однажды в бочке поселиться.
Из бочки глиняной порою вылезал,
Чтоб мудростью с народом поделиться.
Был славный Диоген большой аскет
Неприхотлив и беден был к тому же
Похлёбка с чечевицей на обед,
Да чёрствый хлеб – вот всё, что было нужно.
Свет мудрости его звездой сиял,
В народе почитаем без сомненья,
Но оды он царям не сочинял,
И не стяжал богатого имения.
Совсем другое дело – Аристипп...
Награды получал и был обласкан
В искусстве лести он вершин достиг –
Хвалебных од непревзойдённый мастер.
Богатый дом, подаренный царём,
Был полон слуг покорных, раболепных
И повар иноземный был при нём –
Творец умелый блюд великолепных.
И как-то, мимо бочки проезжая,
Где Диоген готовил чечевицу,
Тот Аристипп, собрата уважая,
Решил своим секретом поделиться:
«Я дам тебе совет, мой дорогой,
Не буду платы за него просить,
Не жить чтоб чечевицею одной,
Ты научись царя перевозить!»

¹ Диоген – древнегреческий философ, основатель школы киников 412 век до н.э.

² Аристипп – ученик и друг Сократа.

На что ответил Диоген, смеясь:
«А ты сумей похлёбкой сытым быть.
Свободным быть и бедным не боясь,
Не нужно и царя превозносить!»
Мораль проста: хоть и века промчались,
Мы, люди, всё такими же остались
Не хочешь лишь похлёбкою питаться,
Так будь готов пониже прогибаться!

ТАМ, ГДЕ ЛЕГКО И СВЕТЛО...

Растворяется ночь в синеве ясноглазого утра,
И у теней ночных нет ни шанса – их время ушло.
Этой ночью во сне я была удивительно мудрой,
И летала душа в тех мирах, где легко и светло.
Где Вселенная спит на руках милосердного Бога,
Где у каждой души есть свой вечный единственный дом,
И куда мы уйдём отдохнуть перед новой дорогой,
И куда мы вернёмся... обратно... когда-то... потом...

СТАРИК

По лужам искристым малыш босоногий скакал – так приятно смотреть,
А в парке сидел на скамье одноногий старик и хотел умереть.
Из глаз его тусклых смотрела печально усталость от прожитых лет,
А плечи дрожали и будто кричали: «Нет счастья и радости нет!»
А солнце? А лето? А дождик весёлый? А струи, текущие с крыш?
А пары в обнимку? А визг возле школы? А этот счастливый малыш?
А крик воробьиный? А цвет изумрудный до блеска промытой листвы?
А чистое небо, бездонней, чем море, в святом торжестве синевы?
Неужто не может согбенная старость почувствовать счастье других?
Неужто ей только одно и осталось – сидеть на руинах своих?
Неужто брюзжанье и взгляд исподлобья прибавит здоровья и сил?
Ведь был же он счастлив, ведь был же он молод, ведь был он любим и любил.
Он многое видел – всего и не вспомнишь за долгую-долгую жизнь.
Судьба его била нещадно, наотмашь, безжалостно, только держись,
Под этой своей неподъёмною ношей он сгорбился, сжался и сник.
Хоть ты ничего в этой жизни не понял, храни тебя Боже, старик!

Берега Сибири

Роман Поплавский

Роман Поплавский родился в 1986 году в Тюмени. Поэт, переводчик. Публикации в поэтических сборниках, интернет-альманахе «45-я параллель», газете «Тюменская область сегодня», приложении к альманаху «ЛИК», литературно-художественном и историко-краеведческом альманахе «Врата Сибири». Победитель II Областного конкурса молодых авторов «Лёгкое перо» на лучшее произведение в номинации «Поэзия» (2015), финалист конкурса «45 калибр – 2015»: «45: русской рифмы победный калибр», победитель и призёр Международного музыкально-поэтического конкурса «Прикасаюсь сердцем к небу» (2015), финалист и лауреат литературной премии «В поисках правды и справедливости» в номинации «Молодая поэзия России» (2015), дипломант Шестнадцатого Санкт-Петербургского конкурса молодых переводчиков «Sensum de Sensu» в номинации «Художественный перевод поэзии с испанского языка на русский язык» (2016).

Живёт в Тюмени.

* * *

На языке, как на ветке
Слово повисло:
Наливается смыслом,
Падает метко
Яблоком спелым –
Становится делом.

* * *

Времена меняются не к лучшему –
Поворачивают на обочину.
Солнце прячется за снежной тучею,
Все надежды на весну просрочены.
Все надежды на весну проиграны,
Видно, зря мы на неё поставили...
Но снега, пока ещё не стаяли,
Изошли следами, словно титрами, –
Возвращаются с зимовки стаи.

* * *

Земля в снегу, а снег в следах от лапок –
Что те морщинки под дугой бровей.
Мне нравится твоя смешная шапка,
Точнее, то, как выглядишь ты в ней;
И наблюдать, старательно скрывая
Улыбку – пусть не очень хорошо, –
Как сердиться на ветер и, ругаясь,
Пушистый надеваешь капюшон,
И поправляешь шарф движеньем ловким,

И ускоряешь шаг, раздражена;
И провожать тебя до остановки –
Конечно, если ты идёшь одна.

* * *

Осень поиграть решила в прятки:
Где прошла, а где и не была,
Кое-где на лиственных телах
Поцелуев жёлтых отпечатки.
Ветер их роняет, как перчатки, –
Всё почти раздето догола.

Осень вновь со школой нас свела,
Лист судьбы нам новый подала
В чистой, незапачканной тетрадке.

* * *

Стою над течением речки,
В догадках тону:
Какой же фальшивомонетчик
На дне отчеканил луну?

* * *

Вы были здесь задолго до меня,
Но при желании
Я мог бы отыскать следы,
Которые не тронула волна;
И ваши отпечатки пальцев на стакане
С остатками вина;

Следы помады от Ив сен Лорана
 На зеркале –
 Когда-то в форме ваших губ;
 И запах вашего шампуня в ванной;
 И вновь следы, следы на берегу,
 Где вы бродили на закате,
 И наслаждались шумом волн,
 И хохотали, поднимая платье,
 Спасая от воды подол.
 Я мог бы даже времени перечить
 И ждать, закрыв глаза,
 Пока мне не послышатся
 В течение горной речки
 Ваш звонкий смех и ваши голоса.

Я мог бы, только время не умеет
 Хранить моменты.
 И научится едва ль –
 В его объятьях неизбежно тлеют
 Следы и запахи, движенья и слова –
 Всё, даже то, что не имеет оболочки,
 Подряд.
 Их сохранят
 Лишь на бумаге бьющиеся строчки.

ТЮМЕНИ

Ты старше меня на четыреста лет.
 На те же четыре столетья мудрей.
 Я здесь появился случайно на свет.
 И знать не могу – и желания нет! –
 Где буду в последний из прожитых дней.

Но где бы моя ни ступала нога,
 Однажды бессчётных блужданий поток

Меня занесёт на Туры берега,
 И я, наконец-то, усвою урок
 И больше не стану пускаться в бега.

* * *

Симпатичный пономарь
 Даше душу поломал.

Лишь посмотрит на неё –
 Сердце бьётся! Ё-моё,

Как он бьёт в колокола! –
 Вся с округи детвора,

Соберётся у ворот
 Поглазеть, разинув рот.

Даша машет, ну, а он –
 Знай, трезвон да перезвон.

На Февронью и Петра
 Даша с самого утра

Собралась пономарю,
 Наконец, сказать «люблю».

А его и след простыл –
 Он подался в монастырь.

* * *

Отданы приказы – и вечерней стынью
 Закатилось разом солнце за Катыню.
 Неустанно будет ветер дуть с востока,
 Девушку разбудит где-то в Белостоке,
 Девушку разбудит где-то в Закопане
 И прошепчет каждой: «До свиданья, пани».

* * *

После дождя церковь в Калемегдане
 Упёрлась крестом в асфальт, отразившись в луже.
 За руки вдоль Дуная двое влюблённых гуляли:
 Так горело внутри, что было видно снаружи.
 Так горело внутри, что отблески танцевали...
 Или то был фонарь, скорым закатом разбужен?

Впрочем, влюблённым свойственно (вы ли не знали?)
 Видеть чуть шире там, где кажется уже;
 Слышать чуть звонче там, где кажется глухо –
 Сердцем ли или каким-то особым слухом;
 Помнить всё то, что из памяти, кажется, стёрто;
 Жизнь находить в каждом мазке натюрморта.

Берега памяти

Валентин Баюканский

Родился в 1959 году в Липецке в писательской семье, насчитывающей пять поколений литераторов. Прозаик, член Союза российских писателей, лауреат премии им. Е. И. Замятина, действительный член Петровской академии наук и искусств. Автор восьми книг. Его фантастические рассказы и повести печатались в журнале «Юность» и «Петровский мост». Возглавляет областной союз писателей «Воинское содружество».

«Общая память – общая гордость. Липецк – Калининград» –

так называлась совместная общественно значимая акция, которую провели члены союза писателей «Воинское содружество» и главный редактор калининградского журнала «Берега» Лидия Владимировна Довыденко. Липецкие литераторы: прозаик Валентин Баюканский, поэты Александр Андреев, Александр Кулик и Павел Кузовлев посетили города Гурьевск, Балтийск и Калининград, где почтили память героев-земляков, погибших во время Великой Отечественной войны, и встретились с калининградскими литераторами.

* * *

Наши области как субъекты Российской Федерации возникли недавно: Липецкая – в 1954 году, Калининградская – в 1946-м. Но нити, связывающие наши земли, тянутся с давних времен. Это и Петр I, который после завершения Великого посольства приказал основать в Липецке железоделательные заводы для производства вооружения российской армии и флота. Это и липчане, воевавшие на территории Восточной Пруссии во время Великой Отечественной войны. Наши земляки Гурьев, Гусев и Нестеров были удостоены звания Героя Советского Союза. Их именами названы города Калининградской области. В тех местах воевали и мой отец, Анатолий Баюканский, и дед Александра Кулика Семен Савельевич, которые были награжденные медалью «За взятие Кенигсберга».

День первый.

Гурьевск – город героя-земляка

Любовь к Родине прививается с детства

Мы прилетели в калининградский аэропорт Храброво ранним утром. «Уголок нашей земли», – удовлетворенно подумал я, обратив внимание на развевающийся над стеклянным куполом здания российский флаг. Оказавшись в зале прилета, мы увидели приветливо машущих нам коллег: главного редактора журнала «Берега» Лидию Довыденко и липецкого поэта-песенника Александра Кулика, который уже прилетел в Калининград другим рейсом. Когда Лидия Владимировна обнялась со всеми нами, было видно, что с ее стороны это не просто учтивый жест приветствия, а искреннее выражение радости от встречи с единомышленниками, для которых служение общему делу – не пустой звук.

– Мы приготовили для вас сюрприз, немного изменив план мероприятий, – загадочно улыбаясь, сказала Довыденко. – Мы едем в детский сад.

Не прошло и полчаса после того, как наша делегация оказалась на калининградской земле, а нас уже радушно встречали в дошкольном учреждении «Березка». Заведующая Наталья Унгефухт с гордостью показывала гостям из Липецка свои владения: прекрасные современные спальни, игровые и развивающие комнаты, спортзал.

– Мы уделяем большое внимание патриотическому воспитанию детей, – начала рассказ заведующая и, пригласив нас в просторный музыкальный зал, продолжила: – Проводим военно-спортивную игру «Победа», праздник «Россия – родина моя!». В этом году в нашем саду впервые прошел Парад Победы. Каждая группа представляла отдельный род войск. Парад получился зрелищный и всем понравился. – Наталья Унгефухт улыбнулась и показала на стоящих в зале детей. – А сейчас, дорогие гости, перед вами выступают наши юные воспитанники.

Одни девочки и мальчики изображали санитаров и сестер милосердия. Они были в белых халатах и шапочках с красными крестами. Другие, в голубых пилотках, были летчиками, а те, кто в тельняшках и голубых беретах, – десантниками. Под звуки бравурного марша в зал вошли дошколята в форме солдат Великой Отечественной войны. Впереди мальчик нес знамя отряда. Дети четко отчеканили девиз: «Всегда идем только вперед, ведь мы – команда «Юный патриот». Ребята спели несколько песен, посвященных Родине и Российской Армии, прочитали стихи о Великой Отечественной войне и завершили свое выступление исполнением гимна Гурьевска.

С ответным словом выступил член нашей делегации полковник Александр Кулик. Поблагодарив ребят и сотрудников детсада, он заметил:

– Мы видим, что на Калининградской земле любовь к Родине прививается с раннего детства, и это, на наш взгляд, очень правильно.

Свою речь Кулик закончил вручением диска со своими стихами для детей и прочёл четверостишие:

Говорят, что патриотом
Нынче быть не модно.
Думаю, наоборот:
Это звучит гордо!

Никто не забыт и ничто не забыто

Прежде чем отправиться к Мемориалу воинской славы, где должен был пройти митинг, посвященный Дню памяти и скорби, мы возложили цветы у памятника нашему земляку, в честь которого в 1946 году и был назван город Гурьевск.

На гранитном пьедестале – бронзовый бюст, внизу – лаконичная табличка: «Герой Советского Союза гвардии генерал-майор Гурьев Степан Савельевич». Бронзовое лицо героя выражает спокойствие, уверенный, мужественный взгляд подчеркивает его твердый характер и большую целеустремленность. Именно таким и был генерал, получивший звание Героя Советского Союза за умелое командование стрелковым корпусом и личную храбрость, проявленные при взятии Кенигсберга. Погиб же Гурьев в самом конце войны – 22 апреля 1945 года в бою на Земландском полуострове в районе военно-морской базы Пиллау.

Возлагая цветы, я подумал, что нынешнему руководству Липецка все-таки необходимо восстановить историческую справедливость. Дело в том, что в селе Ленино, откуда Гурьев родом, его именем названа улица, как и в Волгограде, в Раменском и в Ровно.

В 1946 году в Липецке тоже появилась улица Гурьева. Однако сейчас ее можно считать исчезнувшей: в 80-х годах прошлого века находящиеся там дома были снесены при строительстве гаражей и включении территории улицы в санитарно-защитную зону коксохимического и азотно-тукового производств НЛМК.

* * *

Главный специалист управления по культуре, туризму и спорту администрации Гурьевского городского округа Ирина Попова рассказала нам о том, какие ожесточенные бои шли на территории Гурьевска (тогда он назывался Нойхаузен), расположенного в семи километрах к северо-востоку от Калининграда. В городском округе захоронено более одиннадцати тысяч советских воинов, а в мемориале, куда мы приехали, покоятся около восьмисот человек.

Во время митинга, на котором присутствовали ветераны войны и труда, учащиеся кадетских классов, нашу делегацию сердечно приветствовали местные власти: глава Гурьевского городского

округа Алексей Курилов, глава администрации округа Сергей Подольский, вице-премьер правительства Калининградской области Максим Федосеев, председатель окружного Совета ветеранов войны Виктор Орлов. Руководители округа поблагодарили писателей «Воинского содружества» за проявленную инициативу и выразили уверенность, что подобные акции позволят лучше узнать друг друга и помогут подрастающему поколению сохранять память о героизме советских воинов, проявленном во время Великой Отечественной войны.

В этот день наша делегация посетила и мемориальный комплекс «Курган Славы» в поселке Медведка. Побывали мы и в Музее боевой и трудовой славы Орловской общеобразовательной школы. Благодаря самозабвенной работе директора Светланы Мациевской и учителя истории Дарьи Колбиной поселковый музей может смело конкурировать с музеями столичных школ. Созданные педагогами-энтузиастами экспозиции позволяют почувствовать школьникам эпоху военных и трудовых подвигов односельчан, вызывают интерес к истории родного края.

Как живете, друзья-литераторы?

Одной из задач нашей акции было не только сохранить память о липецких героях, но и наладить общение с калининградскими литераторами. Директор Гурьевской централизованной библиотечной системы Наталья Бакина привезла нас в Васильковскую библиотеку на встречу с местными литераторами. Я рассказал гурьевчанам о «Воинском содружестве», о том, как плодотворно сотрудничают между собой липецкие писательские организации, для наглядности показав книгу «Писатели липецкого края», в которой представлено творчество более ста авторов. Эта информация произвела на местных литераторов большое впечатление, так как, по их словам, ситуация с объединением калининградских писателей противоположная.

Александр Андреев, проживший в Калининградской области сорок лет, Павел Кузовлев из Льва Толстого и поэт-песенник Александр Кулик познакомили присутствующих со своими произведениями. С ответным словом выступили представители гурьевского литературно-поэтического объединения «Вдохновение». Расставаясь, мы подарили библиотеке книги липецких писателей.

День второй.

Самая западная точка России

Друзья Лидии Довыденко, ставшие на время нашего визита заботливыми гидами: капитан третьего ранга Юрий Шевченко и кавалер ордена Мужества подполковник Иван Привалов, сделали все, чтобы Балтийск понравился липецким гостям. Первым делом они привезли нас к морю. Белый «поющий» песок, издающий под ногами характерный скрипящий звук, хмурое небо и безбрежная серая морская гладь, уходящая к горизонту, темнеющие на рейде силуэты военных и пограничных кораблей, местные ловцы янтаря, бредущие по берегу с большими сачками, – все это указывало на то, что мы на Балтике, а точнее, в самой западной точке России. И здесь не обошлось без сюрприза. Юрий Шевченко высыпал на мокрый песок из большого пакета янтарь и весело произнес:

– Скорей собирайте, пока волны не унесли его обратно в море! Потом скажете, что янтарь здесь на каждом шагу. Пусть все к нам сюда приезжают.

Следуя его совету, мы стали активно собирать разноцветные кусочки доисторической смолы и в хорошем расположении духа отправились в город. В Балтийске (до 1946 года – Пиллау) все напоминает о том, что это город моряков. Здесь не только крупнейшая военно-морская база Балтийского флота и 32-метровый маяк, но даже морские герб, собор и музей.

С большим интересом мы осмотрели экспозиции Музея Балтийского флота, находящегося в здании, где до 1945 года располагались судебные органы города Пиллау. Наше внимание привлекли модели кораблей, образцы вооружений, морской формы, предметы, принадлежавшие прославленным адмиралам М.П. Лазареву, И.Р. Крузенштерну и С.О. Макарову.

Мы осмотрели Елизаветинский форт с 32-метровым конным памятником императрице Елизавете Петровне, во время правления которой Восточная Пруссия несколько лет была одной из провинций Российской империи. Посетили кафедральный Свято-Георгиевский морской собор, где находит-

ся рака с частицами мощей Святого Праведника Федора Ушакова, выполненная в виде корабля-ковчега. Интересно, что даже в деревянных элементах алтаря смоленские резчики использовали изображения морских звезд и коньков. Собор был открыт в 1991 году в здании старой немецкой кирхи.

Но наиболее яркие впечатления остались у нас от посещения флагмана Балтийского флота эскадренного миноносца «Настойчивый». На этом корабле служат и наши земляки – два офицера и семь матросов из Липецка. Один из старших офицеров корабля (он родом из Воронежа) показал нам корабль. Мы передали экипажу миноносца книги писателей «Воинского содружества», посвященные липчанам, достойно несшим службу на кораблях Военно-морского флота СССР. Покидая гостеприимный Балтийск, мы уже знали, что в самом западном городе нашей страны живут настоящие патриоты Отечества, для которых бывшая прусская земля стала теперь родным уголком России.

И как сказал Павел Кузовлев, когда он попал в Балтийск, то почувствовал, что снова, как в юности, оказался в Советском Союзе, где все были братья и любили друг друга.

День третий. **Калининград**

Было бы странным, если бы мы, находясь в Калининграде, не посетили Музей янтаря. И дело не только в том, что он – единственный в России. Многотысячное собрание солнечного минерала дополняет яркие впечатления о янтарном крае, его истории и культуре. Всевозможные образцы янтаря, среди которых самый крупный в России, имеет вес более четырех килограммов, великолепные художественные изделия, предметы культа и быта, фрагменты знаменитой Янтарной комнаты впечатляют. Мозаичный портрет Льва Толстого, панно «Русь» позволяют воочию увидеть, насколько богата цветовая палитра солнечного камня.

Получив хороший эстетический заряд, мы направились в Калининградскую областную научную библиотеку, где рассказали о проходящей акции и о нашем «Воинском содружестве». Подарив книги липецких авторов, мы предложили сотрудникам библиотеки провести с липецкими коллегами видеомост.

Завершающим мероприятием стала встреча в клубе «Катарсис», где собираются поэты, писатели, заядлые книгочеи, знатоки изящной словесности. По всему было видно, что Лидия Владимировна там – частый гость: большую часть присутствующих она знает лично, хотя на встречу с липецкими литераторами пришли не только калининградцы, но и жители других городов. Она поделилась впечатлениями от общения с писателями Донбасса и Беларуси, об участии в международном проекте «Поэзия без границ», медиа-мосте Калининград – Тель-Авив (Израиль) – Александрия (Греция). Вдохновенно рассказала о проведении акции «Общая гордость и общая память. Липецк – Калининград». Мы познакомили присутствующих с нашим творчеством. Павел Кузовлев вдохновенно прочитал несколько стихотворений, посвященных Льву Толстому, в том числе и станции Астапово, где великий писатель провел свои последние дни. Александр Андреенко, выступая, признался: «Я сорок лет прожил в Калининграде. Пять лет назад переехал в Липецк и сразу же увидел, как много общего между двумя городами. И мне долгое время не давала покоя мысль, как бы познакомить липчан и с общими корнями, и с тем новым, что есть сейчас на калининградской земле».

В завершение встречи выступили калининградские молодые авторы и мастера слова: Александр Гахов, Анатолий Мартынов, Владимир Вахрамеев, Елена Канеева, Евгений Журавли, Елена Грузская.

Вместо эпилога. **Сохранить историческую правду**

Со дня окончания Великой Отечественной войны прошло уже более семидесяти лет. К сожалению, с каждым днем участников боевых сражений становится все меньше и меньше. Ведь даже самому молодому из них сейчас уже более девяноста лет. Неимоверные тяготы и лишения той страшной поры забываются, и порой молодому поколению война представляется лихим победным

маршем. Словно и не было семидесяти тысяч разрушенных городов и деревень, огромного числа погибших и искалеченных солдат и мирных жителей. Вернувшиеся домой фронтовики еще долгие годы говорили: «Лишь бы не повторилось эта страшная беда – война, лишь бы не видеть нашим детям того, что повидали мы в свое время». Действительно, чтобы одолеть «коричневую чуму» двадцатого века, бойцы Красной Армии, как и весь советский народ, 1418 дней и ночей прилагали максимум душевных и физических сил, не щадили своих жизней, свято веря, что их дело правое. Поэтому одной из главных задач нашей писательской организации является сохранение исторической правды о Великой Отечественной войне.

Сейчас, к сожалению, стали появляться произведения, в которых полностью отсутствует дух того истинного патриотизма и самопожертвования, без которого мы бы не одолели грозного врага покорившего пол-Европы. «Воинское содружество» готово сотрудничать со всеми, для кого история нашего Отечества не пустой звук. И я рад, что Лидия Довыденко активно поддержала нашу акцию, выразив уверенность, что та придаст новый импульс взаимопониманию и доверию между писательскими организациями российских регионов.

Выступая перед калининградскими писателями, Лидия Владимировна отметила:

– Встреча писателей двух городов показала, что акция «Общая память – общая гордость» может приобрести всероссийский масштаб. Мы будем и в дальнейшем укреплять наше литературное братство и заниматься патриотическим воспитанием молодого поколения.

Мы договорились, что встречи с писателями «Воинского содружества» и авторами литературно-художественного и общественно-политического журнала «Берега» будут продолжаться. Визит калининградских авторов в Липецк планируется на 2018 год, и мы надеемся, что о его итогах расскажут и липецкий литературный журнал «Петровский мост», и калининградские «Берега».

Переводы

Михаил Поздняков

Родился в 1951 году в д. Забродье Быховского района Могилевской области. Окончил Белорусский государственный университет. Работал учителем в школе, научным сотрудником Института языкознания Академии наук Беларуси, директором литературного музея Максима Богдановича, главным редактором издательства «Юнацтва», главным редактором журналов «Вожык», «Нёман». Теперь – председатель Минского городского отделения Союза писателей Беларуси. Поэт, прозаик, переводчик, критик, языковед, публицист. Почетный член Союза писателей Беларуси, член Правления Союза писателей Беларуси, член Правления Союза писателей Союзного государства. Автор более 80 книг. На его стихи написано более 200 песен. Отдельные произведения переведены на 22 языка народов мира. Лауреат тринадцати литературных премий. Член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств. Директор Минского городского театра поэзии.

Главный редактор книжных серий «Библиотека Минского городского отделения Союза писателей Беларуси» и «Минские молодые голоса». Имеет государственные награды. Живет в Минске.

ОТЦОВСКИЙ САД

Стихи. Перевод Анатолия Аврутина

ОТЦОВСКИЙ САД

Сад отцовский... Как тихо
По две яблоньки в ряд...
Но молчит воробьяха,
И деревья молчат.

Приунывшие груши
Без гостинцев своих.
А бывало – за уши
Не оттянешь от них.

Сливы высохли, вишни...
Сад крапивой зарос.
Почему же так вышло? --
Всем вопросам вопрос.

Поспешаем куда-то,
Ищем новых путей.
Нет осеннего злата
Ничего золотей!..

И когда полпланеты
Облететь ты успел.
Просто вспомни, что где-то
Отчий сад опустел...

БЕЛАРУСЬ И РОССИЯ

Есть названия извечно святые,
В каждой букровке – искры любви...
Две сестры – Беларусь и Россия,
Две сестры по судьбе и крови.

Обе искренни и синеглазы,
Над обеими – лёт журавлей,
Отражаются ивы и вязы
В чистых водах, что неба синей.

В душах – вольницы вечной стихия,
И от пращуров в них – непокой.
Две сестры – Беларусь и Россия,
Не отделишь одну от другой.

Наступали години лихие...
У пучины на самом краю
Две сестры – Беларусь и Россия
Шли на битву в едином строю.

Мир иной... Но кого ни спроси я,
Эти чувства всё так же остры.
Две страны -- Беларусь и Россия,
Две руки...
Две любви...
Две сестры...

ПОЮТ КОЛОСЬЯ...

Поют колосья... Робкий ветер юный
Парит над полем, призрачен и чист,
Перебирая стебли, будто струны
Перебирает ухарь-гитарист.

Прислушайтесь... В негромком пенье жита
Сокрыта вековечная печаль
По юности, что кончилась, фенита,
По журавлю, стремящемуся вдаль.

Поют колосья... К ним прижмись душою
И, может быть, получится понять
Всю ширь небес над сумрачной рекою
И озерца раздумчивую гладь.

И в этой песне, стройной, вековечной,
Уже гудят грядущие века,
И Млечный Путь над полем – самый
«Млечный»,
Он к истине ведёт наверняка.

Поют колосья... Пролетают годы...
Маршрут судьбы таинственен и крут.
И не страшны печали и невзгоды,
Пока колосья во поле поют...

ТРИ СЕСТРЫ

Беларусь, Украина, Россия –
Величаво звучат имена.
Три сестры перед Богом родные,
Три славянки на все времена.

Неужели вас кто-то разлучит,
Посмеётся над вашим родством?
Сладким пряником тайно подкупит,
На колени поставит кнутом?

Неужели позволите снова
Оказаться под страшной ордой?
Заросло, может быть, Куликово
Поле сорной, глухой лебедой?

Не простят тем ни деды, ни внуки,
Кто родство вековое предаст,
Кто на долгие, горькие муки
Миллионы безвинных отдаст.

Беларусь, Украина, Россия!
Дорогие навек имена.
Вы единством и дружбой красивы
И могучи на все времена!

НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЕ

Ночь на заставе брестской. Мне не спится...
И пуца Беловежская не спит...
Ах, знали б вы, что на душе творится –
Со мною наша Память говорит.

Встают бойцы, погибшие когда-то,
Проходят молча предо мной в строю...
Они в бою не дрогнули и свято
Любили мир и Родину свою.

Мне боль потерь окутывает сердце,
И гордости тесно в груди моей...
И понимаю я, что нет на свете смерти...
И ничего Отчизны нет родней...

Я благодарно всматриваюсь в лица:
Фомин вот, Кижеватов, Сивачев...
Как подобает встретила граница
В том сорок первом огненном врагов.

Идут, идут бессмертные солдаты,
В глазах – отвага, радость, жажда жить...
Да, не имеем права мы, ребята,
О подвиге их праведном забыть.

Да, не имеем права поступиться
Любовью беззаветной их к стране,
И потому сегодня на границе
Не спится этой тихой ночью мне.

* * *

Колышут могучие клёны
Высоких небес синеву.
Сюда, в уголочек зелёный,
Всё тянет меня наяву.

Кружат говорливые гуси,
Поёт васильковый простор...
Ну, как не любить Беларуси,
Что Бог меж лесов распростер?!
Сюда, вдохновленный красою,
Лечу с окрылённой душой.
Отчизна! Как сладко с тобою! -
Я сын зачарованный твой!

Парю по-над пашней, летаю
Меж юных рябин и берёз.
О, как ты прекрасен, мой краю!-
До песни... До муки... До слез...

* * *

Память... Ну, как с тобой сладить?
Снится порою ночной:
Мама готовит оладьи,
Возится папа с косой.

Свищет коса над росой
В папиных дюжих руках.
Драниками, сыродоем
Утренний воздух пропах.

Мама за стенкой, живая,
В хате мы с нею вдвоём,--
Что-то под нос напеваает,
Шепчет о чём-то своём.

Знаю, мне чудится это...
В детство я сном унесён.
Пусть бы и после рассвета
Дивный не кончился сон!

Чтоб, отшвырнув одеяло,
Вспомнить – я шустрый юнец.
Только бы мать напевала...
Только косил бы отец...

ТРИПТИХ

1

Самые добрые глаза – мамины.
Самые щедрые руки – мамины.
Самое чуткое сердце – мамино.
Самая чистая песня – мамина.

Самая светлая радость – мамина.
Самая тяжкая усталость – мамина.
Самая острая скорбь – мамина.
Самые горькие слёзы – мамины.
Самое бесприютное время – без неё.

2

Самый сладостный сон,
Самый весёлый день,
Самая лёгкая память,
Самая ясная грусть –
Дома, у мамы.
Самый тревожный сон,
Самый печальный день,
Самая тёмная грусть –
Дома, без мамы.

3

Целуйте руки милых матерей,
Пропахшие работою и солнцем.
С душой, открытою до донца,
Целуйте руки милых матерей.
Не забывайте,
время щедро льётся,
Не только на закате дней
Целуйте руки милых матерей,
Пропахшие работою и солнцем.

* * *

Родная хата... Ветер воет...
Упали ставни на траву.
Никто мне двери не откроет...
Кого, кого я здесь зову?

Всё пусто... Тут и по соседству,
Где был весёлый тарарам.
Я в дом вхожу, как будто в детство,
И сам себя встречаю там.

Мальчишка той поры далёкой
Глядит, рубаху теребя,
Не понимая — ненароком
Он встретил взрослого себя.

И всё гляжу довольным взглядом
На непослушные вихры.
Мне хорошо с мальчишкой рядом,
Мы оба — юны и быстры.

И лишь боюсь ему признаться,
Что после пройденных дорог
Вихры, увы, не сохраняются...
И маму я не уберег.

СКРИПАЧКА

В ПОДЗЕМНОМ ПЕРЕХОДЕ

Скрипел мороз... И ветер прыткий
Толкал в подземный переход,
А там тревожный голос скрипки
Всё ждал от публики щедрот.

Купюры мелкие... Подачки...
Смешки... Футляр... И, Боже мой! --
Девчушка, юная скрипачка,
У этой стенки ледяной.

Студил колючий холод руки,
Но голос скрипки не слабел.
Рвались торжественные звуки
Под своды, белые, как мел.

Зачем сюда талант загнала
Судьба?.. Здесь «мать и перемать»...
Ей околдовывать бы залы,
Букеты гордо принимать...

Как мне стоять под этим взором,
Где тайна высшая небес?..
Спешу уйти... А вслед, с укором!--
Звучит Огинский... Полонез...

МУРАВЬИ

Домок под ёлкой... Вдоль поляны
Спешат – мураш на мураше.
Гляжу на труд их непрестанный
И чуть светлеет на душе.

Ведь где-то очумели люди,
Война, стрельба который год.
Но время, время их осудит
За путь, что к бездне приведёт!

Неужто вы – не человеки? --
На щит вы подняли вражду.
И вот бредут, бредут калеки
И в эту сторону, и в ту...

Идет войною брат на брата,
И гонят истину вашей.
Неужто людям поздно вато
Учиться жить у мурашей?..

ВОЛЧИЦА

Её случайно обложили —
Собаки вынюхали путь,
Когда измученная, «в мыле»,
Она пыталась прошмыгнуть...

Три дня голодные волчата
Скулили близко от села.
И вот, отчаяньем объята,
Она к сараю подошла.

Сарай закрыт... Замок висячий...
Беги... Судьбе не прекословь.
Но визг и запах поросычий
Бунтуют голову и кровь.

Туда... Пролететь. Там воздух пряный.
Загрызть... Тащить через овраг.
Полшага... Шаг... Но выстрел грянул
И свора спущена собак.

С ней расправлялись зло и споро —
На шум сбежалось полсела.
Она лежала у забора
И огрызнуться не могла.

Лишь, кровью лежбище пометив,
В грядущий обращалась прах...
И мёртвый крик: «Ох, дети, дети!..»
Стыл в стекленеющих зрачках.

* * *

Звуки вальса Шопена...
С поволокою взгляд.
«Всё, что было — нетленно!»
Мне глаза говорят.

Этот жест звонкоукий —
В целом мире один.
И вливаются звуки
Прямо в гемоглобин.

Будто вновь за плечами
Молодое крыло.
То, что было меж нами —
Неужели прошло?

Звуки вальса Шопена
В такт сомнениям душ...
Почему ж все мгновенно?
Почему ж? Почему ж?

Звуки вальса прощают
Всех обманов вино...
Нам Шопен возвращает
То, что было давно.

Будто всё — неизменно,
Будто всё — на века.
Звуки вальса Шопена...
И любимой рука...

* * *

Я сто дорог, я сто путей прошёл,
Остановился... И на сердце горько.
Сквозь шум дождей,
что рушатся на дол,
Мне слышится, что зорька ты,
что зорька...

Явилась ты, улыбкою звеня,
И будто сон, меня очаровала –
Кудесница, спасавшая меня
В любой беде...
Спасала ты, спасала...

Но зависть появилась на пути
У нашей неги, впившись прямо в тело.
И горестно, как будто в забыты,
На этот мир смотрела ты,
смотрела...

Злой шепоток в житейской суете
Нас обвинял...
Толпе все мало, мало...
И ревностью, как будто на кресте,
Любовь мою распяла ты, распяла...

Была весна короткою, как миг...
И все печали разом постигая,
Я мучился, но так и не постиг,
Любовь моя, чужая ль ты, чужая?

ПОМНИШЬ, ДАЛЁКАЯ?

Помнишь ли угол укромный, далёкая?
Дом материнский под сенью дерев,
Лето душистое, жито высокое,
Луг, где костёр наш горит, не сгорев?..

Помнишь ли выси над тихою чащею,
Той, где медовой малины разлив?
Счастье, как звёздочка с неба летящая,
Счастье, как яблоко «белый налив»...

Помнишь ли светлые травы шелковые,
Сизый туман, золотую росу,
Синие в жите глаза васильковые?
Я и сегодня их в сердце несусь.

Ими, родными, дорога нелёгкая
Озарена на полях бытия.
Кланяюсь низко тебе я, далёкая:
Здравствуй, неспетая песня моя!

ПОЛОНЕЗ

На старой улочке Варшавы,
Когда спускалась ночь с небес,
С аккордеоном вышел парень
И заиграл вдруг полонез.

И я, проделав путь неблизкий,
От потрясения застыл:
Как будто сквозь года Огинский
Со мною здесь заговорил.

И боль его была такою,
Что я, как пламя, трепетал,
Сливался с музыкой ночною
И восторгался, и страдал.

И, сокровенное озвучив,
До слёз он душу бережил,
Пытал мелодиею жгучей
И невозвратное будил.

А люди шли толпою мимо,
И мне почудилось в тот миг,
Что где-то рядом ты незримо
Возникла, нежная, среди них.

Мелькнула гостьею небесной,
Моя медовая печаль,
И снова с музыкой чудесной
Уплыла в сумрачную даль,
Чтоб никогда не появиться,
Лишь озаряя и маня,
Неуловимую жар-птицей
Казнить и миловать меня.

Переводы

Вагиф Султанлы

Романы, повести и рассказы известного азербайджанского писателя Вагифа Султанлы собраны в книгах «Потухшие звезды» (1988), «Человеческое море» (1992), «Невольничий рынок» (1999), «Сон забвения» (2002), «Долина пустоты» (2010), «Пустыня битвы» (2015) и др.

Является профессором кафедры современной азербайджанской литературы Бакинского государственного университета.

Литературные и научные труды автора переведены на различные языки, изданы в США, Англии, Дании, Турции, Египте, Иране и в других странах.

За литературную деятельность удостоин турецкой награды «Служение тюркскому миру» (2003).

Обратный поток

Перевод Натаван Халиловой

Рассказ

Утром, проснувшись и выйдя и на веранду, он не поверил своим глазам – весь двор и сад были заставлены памятниками.

Вдруг он осознал, что за страх мучил его уже столько времени, держа в напряжении и снедая его изнутри.

Скульптуры цвета меди переливались под мягкими лучами восходящего солнца. Развернувшаяся перед ним необычная картина окончательно разогнала остатки сна, снося всё, что осело в памяти за долгие годы.

Новизна и свежесть утра исчезли. От памятников, окрасивших весь сад рыжими переливами, разносился запах обожжённой меди. Воздух становился удушливым и вызывал одышку.

Лёгкий ветерок уносил прошедшие годы, теперь уже не имеющие никакого значения, куда-то далеко, где они таяли за недосыгаемым горизонтом. И вдруг сейчас, когда все цвета его жизни клоунились к закату, при виде этих красок, ощутив их силу в своих жилах, захотелось вернуться в тот прожитый, теперь уже такой далёкий мир, где царил гармония.

Но это было нелегко, воспоминания усохли.

Он не понимал тайну, по которой мир для него начинался в этой деревне и здесь же, в этой же деревне, заканчивался. Ему казалось, что он доживает свои последние дни, и думал, что деревня умрёт вместе с ним, и от этого ему становилось страшно...

Всё в саду казалось ему странным и чужим. Среди ночи он просыпался от странного шёпота над ухом. Он вставал, выходил на веранду, вслушиваясь в ночную тишину, пытаясь понять, откуда исходит этот шёпот. Но как только он выходил на веранду, шёпот прекращался, и ночная тишина вступала в свои права.

По ночам, когда он не решался спуститься в сад, он вслушивался в окружающую тишину с веранды. Его пугала тайна ночи, он опасался, что демоны и черти устроили в саду вертеп. Но стоило ему вернуться и лечь в постель, как шёпот возобновлялся.

Он не мог разобрать слов, разгоняющих его сон, и всё же хотел узнать тайну и причину этих звуков.

Днём, спускаясь в сад, он внимательно и терпеливо осматривал весь сад, ночью же, чтобы найти источник загадочного шёпота, который не давал ему уснуть, до боли всматривался в темень.

Старик наблюдал не только за домом, двором, садом. От его внимательного взгляда не уходили ни камни, ни земля, ни вода. Он всматривался даже в небо, которое было застлано облаками, приоб-

ретшими какие-то странные, совершенно чужие цвета. Гомон птиц, заполнявший с рассветом сад, сейчас не был слышен. Но под вечер, когда наступали сумерки, внезапно слеталась стая ворон, и, каркая, кружила над домом. И это кружение продолжалось до самой ночи. С наступлением ночи они улетали, а на следующий день, в то же самое время появлялись вновь. Проходили дни, а эта картина повторялось изо дня в день.

Ему казалось, что когда вороны кружили в воздухе, памятники как будто оживали, между ними и птицами начиналось общение на каком-то только им ведомом языке, будто статуи пытались что-то объяснить птицам. От этого старику становилось жутко, и страх ещё больше сковывал его изнутри. В какой-то момент, нарушая ночную тишину, шёпот памятников смешивался в один гул, и тогда, чтобы расслышать этот шёпот, вороны кружа, опускались пониже.

Старик и днём различал на небе круги, оставленные воронами. Ему казалось, что после того, как вороны разлетаются, след от их крыльев не стирается с неба, а с каждым днём новый контур накладывается на предыдущий след.

У деревьев и цветов в саду, изменивших свой величественный вид, исчезло благоухание. Теперь оттуда доносился запах смерти. К корням деревьев и цветов, откуда-то каплями стекала кровь. Он не мог понять, появилась ли эта кровь из самой земли или она капала с самих деревьев и цветов.

Не только двор и сад, но и земля, по которой он ходил, выглядела ему странной. Казалось, земля билась в агонии, то раскрывалась, то закрывалась, а то просто была безжизненной. Он боялся ступить в сад, ему казалось, что он наступает на труп.

...Теперь он внезапно понял причину беспокойства, которое годами держала его в тисках, не позволяя заходить в глубину сада, где стояли памятники.

Ему захотелось зрительно восстановить прежний вид сада, вспомнить, где, когда посадил каждое дерево, куст, цветок, но это ему не удавалось, прошлое просто развалилось, и восстановить его уже было невозможно. Словно он родился не на этой земле и не здесь прожил всю свою жизнь.

Он замер на месте от того, что не знал, как спастись от этих выросших из-под земли, покрытых зелёной патиной памятников. Похожие друг на друга скульптуры, как сорняки, захватили весь сад, заслоняя собой всё.

Ему хотелось очистить сад от пробивающихся новых памятников, но не успевал он очистить одну часть сада, как в другой части появлялись другие. К тому же, разрастались они с такой скоростью, что он просто не успевал пропалывать их.

Когда он обходил свой сад, заросший памятниками, ему становилось не по себе. Он чувствовал, как напряжение, исходящее от них, расходится с кровью по его жилам. Он останавливался перед каким-нибудь памятником, вспоминал время, когда тот был деревом, душа его сжималась от тоски и печали, и острая боль пронзала его сердце.

Всю свою сознательную жизнь он занимался садоводством; у него был большой сад, где он выращивал различные фруктовые деревья и семена редких растений. Но теперь он с удивлением наблюдал, как посаженные им деревья, пустившие корни саженцы, с побегами на ветвях, превращались в памятники. По всему саду, везде, где он посеял семена, пробивались и всходили зелёные памятники. По мере того, как они вырастали, сад терял свою красоту, буйство красок, богатство видов растений и становился одноцветным и безликим.

Старик собрал все статуи в одной части сада, чтобы сжечь, но как он ни старался, огонь не загорался. Растущие с каждым днем и не поддающиеся огню памятники складывались в огромную кучу.

Все, кто мог держаться на ногах, давно покинули деревню. Пустынные улицы, облупленные ворота, уже давно потерявшие свой цвет, на которых висели ржавые замки, свидетельствовали о том, что жизнь покинула эти места. При виде очагов, брошенных людьми, с которыми он много лет проживал единую судьбу, его сердце наполнялось тоской и болью.

Раньше бывали дни, когда он собирался с двумя-тремя товарищами в деревне и вёл душевные беседы. Это были калеки, доживавшие свои последние дни: кто без рук, кто без ног. С каждым разом домов, в которых горел свет, становилось всё меньше, он впадал в уныние; наступит время, когда село покинет последний житель, эта страшная мысль повергала его в ужас.

Планета вращалась против часовой стрелки. В его разрушенном мире воспоминаний всё было поставлено с ног на голову, от этого и глаза его всё видели верх тормашками. Ему казалось, что во-

роны, которые летали кругами в вечернем небе и переговаривались шёпотом со статуями, летают как-то неправильно. Иногда он думал, что и сам он с самого начала прожил жизнь не так, не так растратил выпавшие на его долю годы.

Даже вечер и утро протекали в обратном направлении. Как будто в привычном для нас ходе времени произошла путаница, и чтобы раскрутить её, колесо должно было крутиться в обратном направлении.

* * *

Был ещё полдень, до вечера ещё далеко. С наступлением сумерек, в окнах зажжётся свет, и тогда он сможет примерно определить, сколько людей ещё осталось в деревне.

Не в силах дожидаться наступления темноты, он осторожно открыл дверь и вышел на улицу.

Старик не поверил своим глазам: вдоль дороги, по краям канавы и оврагов стояли зелёные памятники. Он осторожно направился к околице мимо выросших из-под земли зеленовато-рыжих, с патиной памятников.

Впереди было место для выгона скота. Начиная с весны и вплоть до поздней осени весь деревенский скот пасся на этом пастбище. Но сейчас узнать эти места было невозможно. Когда-то зелёное пастбище, на котором росли сочные травы, превратилось в непроходимые заросли из памятников.

Старик всматривался в этот лес из памятников, которые тянулись вдоль реки, вплоть до горизонта.

Леса, заросшие памятниками, изменились до неузнаваемости, места, по которым он гулял в детстве и в ранней юности, теперь потеряли всю свою прелесть, свежесть и цвет. Теперь с удивлением оглядывая этот лес памятников, стирающий его прошлое, его память его душа, как путник, сбившийся с дороги, билась в омуте безысходности.

Оглядываясь по сторонам, старик старался отыскать какие-то знаки и следы рассыпавшихся воспоминаний, но знакомо выглядело только солнце, которое светило в небе, всё остальное потеряло свои краски и аромат.

По мере того, как солнце стало клониться к закату, тоска охватывала его ещё больше, среди этих статуй, его сердце стало сдавливаться, и он почувствовал, что ему трудно дышать.

Закат окрасил статуи в золотой цвет.

Старик начал потихоньку возвращаться назад. Уже стемнело, когда он входил в свой двор.

Поднявшись на веранду, он стал всматриваться в деревенские дома, выстроившиеся вдоль склона горы.

Ни в одном из них не горел свет.

Деревня опустела.

Вскоре она полностью погрузилась во мрак, и старик почувствовал себя чужестранцем. Впервые за много лет жизни в этой родной для него деревне ему предстояло в одиночестве провести всю ночь. Именно этого он боялся больше всего. Если бы он не знал, что деревня опустела, было бы не так страшно пережить эту ночь. Всё равно, он уже несколько лет жил совершенно один.

Но теперь....

Оставаться в доме было невыносимо, ему казалось, что стены надвигаются на него. Когда он вновь вышел на веранду, в небе уже светила луна. Молочные лучи, освещая рыжие памятники, создавали невиданную ночную иллюминацию. От этой картины ему на миг показалось, что деревня вовсе не опустела, наоборот, всё, как раньше, просто ночь тихо и бесшумно опустилась на деревню.

Постепенно внутренняя тревога старика начала нарастать. Если ему удастся пережить эту ночь, то с рассветом он навсегда покинет эту деревню. Он не сможет жить в безлюдной деревне, среди этих памятников, которые вырастают, как грибы после дождя.

Перед тем как лечь спать, он провёл приготовления к завтрашнему переезду. Он не знал, куда пойдёт, у кого найдёт приют и что ему нужно взять с собой в дорогу. У него ничего не было, кроме сменного белья и денег, которые он всю жизнь откладывал себе на саван.

Он лег в постель, но всю ночь ворочался, так и не сомкнув глаз. Всё его тело корчило и ныло от боли.

Так и пролежал до утра, листая в своей памяти прожитые годы.

* * *

Он встал на рассвете, аккуратно оделся, накинул на плечо сумку, которую собрал с вечера, вышел на веранду, спустился по тяжёлым деревянным ступенькам и направился в центр двора, вымощенного речным камнем. Отсюда отчётливо виднелся и дом, и сад.

Перед тем как покинуть навсегда родной кров, он в последний раз окинул взглядом построенный его руками дом, в котором он прожил много лет, двор, сад. Ничего не осталось из того, что он построил, всё, абсолютно всё было чужим.

Он открыл калитку, вышел на улицу и не поверил своим глазам. Вся дорога в деревне, которая была вымощена камнями, поросла зелёными памятниками.

Он с трудом начал пробираться между плотно проросшими статуями. Когда идти становилось совсем трудно, старался отыскивать менее заросшие места, чтобы продолжать путь.

Вдруг во всем теле: в руках, в ногах, в своих движениях, он почувствовал какую-то странность. Словно руки, ноги, колени, щиколотки, все мышцы онемели.

Он ускорил шаги, желая, как можно скорее покинуть эти места. Но ноги отяжелели и перестали слушаться, словно стали чужими и перестали подчиняться его воле.

Пытался взять себя в руки, но как ни старался, ему это не удавалось.

Содрогнулся от ужасных мыслей, пронёсшихся в голове.

Он превращался в памятник.

Молодые берега

Екатерина Федорова

Екатерина Сергеевна Фёдорова – доктор культурологии, кандидат филологических наук, профессор МГУ, научный куратор ГБОУ ДМШ имени С.И. Танеева.

Ранняя зрелость Дмитрия Астафьева

1 марта 2017 открылась выставка скульптора Дмитрия Астафьева «Осязание реальности или непосредственной близости» в исторических и живых стенах мемориального музея «Мастерская Коненкова». И смотрелись работы в помещении, насыщенном могучей экспрессивностью Коненкова, вполне органично. Скульптор не просто молод, он юн. Ему 22 года. Однако интерес к нему интервьюеров на первой же выставке закономерен.

Нам показалось важным в его работах умение «вытащить» добрые стороны из характера модели; парящий легкий лаконизм форм; способность, избрав прием, скупое и выразительно его использовать. Язык пластики ему подвластен. Но оказалось, что скульптор находит и слова, чтобы сказать о творчестве, было что ответить и корреспонденту.

Никита Дмитриевич отличается весьма оригинальным характером, как Вам с ним работалось?

Меня позвал Леонид Михайлович Баранов. «Хочешь, говорит, полепить с нами князя Лобанова-Ростовского?» Он лепил свой образ, я свой, и вместе с нами его дочь — Наташа Баранова. Это была абсолютная случайность. Я Никиту Дмитриевича до того не видел ни разу. И вот я его вижу впервые. Бросилась в глаза элегантность облика, безупречность одежды, этот вечный платочек, выглядывающий из кармана пиджака. И то, что он всегда носит с собой чай, мне понравилось. Меня удивило, как долго он позировал стоя. Ведь мужчина он в возрасте. Лобанову было 82 года. Однако стоял честно и долго, сколько было нужно. И почти не отвлекался. А нужно было немало времени. Мы встречались раз пять.

Вы сразу почувствовали контакт с ним?

Сразу. Он прекрасно шутит. Вот я прислал ему приглашение на эту выставку, он ответил, что будет в Москве только после окончания выставки. А в конце письма: «Вот компромат на меня». Имелась в виду статья о нём. И в конце каждого его письма я замечал какую-нибудь приятную шутку. Может быть, чтобы запомнили его какими-нибудь добрыми воспоминаниями. Ему понравился бюст, который я слепил. И я так обрадовался. Для меня это было одним из первых больших дел. В бронзе! Портрет! Да ещё и в Лондон! О-о-о... Это же мечта...

Рядом с Вами стояли Леонид Михайлович, Наташа, каждый ставил перед собой свою задачу...

Леонид Михайлович — папа моей однокурсницы, так и познакомились... Задачу? Как, какую? Люблю я просто очень — лепить портреты.

У каждого же Никита Дмитриевич разный получился, каким они его увидели, каким Вы, по Вашему мнению, какие черты заострили?

У них очень хорошие бюсты получились.

Я не про оценку спрашиваю.

Я особо судить не могу. У Леонида Михайловича сложился свой стиль. И он свои работы закономерно стилизует, это его почерк. Для меня нужна похожесть портрета, выявленность его черт. Для меня этот бюст — как письмо, как какое-то воспоминание. Вот он стоит у меня в мастерской, на полочке, я взгляну иногда на него: О! Никита Дмитриевич. И сразу какие-то воспоминания. Свои.

Понятно. У Ваших коллег стилизация в сторону своего «я», у Вас желание запечатлеть живой момент и оставить героя в тогдашней полноте момента. У каждого пути плодотворные результаты, как мы знаем. А по настроению каков герой получился?

У Наташи — точно — он веселый получился. Впрочем, бюст Наташи скорее даже не веселый, а удивленный. У Леонида Михайловича — преобладает серьезный деловой мужчина.

У Вас?

Не знаю даже... О портретном сходстве сказали. Сложнее всего мне было лепить его глаза. И мне кажется, они получились: в этих глазах всё и есть. Печаль о чём-то, хотя внешне он бодрый, подтянутый и весёлый, но внутри есть у него печаль.

Мы начали с Вами с очень яркого творческого события – портрета Н.Д. Лобанова-Ростовского. В некотором смысле эта работа стала для Вас демонстрацией результатов Вашей многолетней учёбы, набивания руки и глаза, значительным моментом в настоящей экспозиции. А теперь свернём к Вашим истокам. Как и в каком возрасте Вы осознали свое притяжение к лепке?

С детства лепил сам себе всякие разные игрушки, совсем с раннего детства, лет с 3-х. А что-то осознанное начал лепить с того возраста, когда я стал ходить на подготовительные курсы в Московский академический художественный лицей при Российской академии художеств, что на Октябрьской. Это бывшая Московская средняя художественная школа, она считается базовой школой МГАХИ им И.И. Сурикова. И тогда уже преподаватели начали направлять меня. Но ведь мой папа — живописец Андрей Астафьев, и его дядя, Михаил Салмин, был живописцем. У нас дома сохранились некоторые пейзажи Салмина. Дома я рос в этой атмосфере, помню, что папа всё время писал. Сейчас он уже пишет гораздо меньше. Но в детстве я всё время смотрел, как приходят люди, смотрят, радуются, какие-то картины покупали. Папа и мэру Лужкову, помню, подарил одну работу. Папа много чем занимался помимо живописи; и журналистикой, и был одним из организаторов подготовки празднования 850-летия Москвы... С пятого класса, думаю, лет с 10-11, я стал лепить осознанно.

У Вас была тяга исключительно к лепке или, например, к рисованию тоже?

Рисование пришло в школе, но я не относился к нему с такой исключительной любовью, как к лепке. А лепил я беспрестанно. Мне кажется, лет в пять-шесть слепил балерину, прикрепив к зубочистке, которую я крутил — а балерина танцевала. Я её подарил маме. Слепил из детского пластилина, смешав разные цвета, чтобы добиться одного ровного оттенка.

Сохранилась?

Да, где-то у мамы... А вот уже курсе на третьем, мне было лет 19, слепил настоящую балерину с натуры. Мне позировала Таня Кравцова – балерина Большого театра. Сейчас этот этюд в бронзе стоит дома, в мастерской.

Почему Вы не выставили её на этой выставке?

Таково было её жанровое условие, это выставка портретов, демонстрируются только бюсты.

Согласны ли Вы с замечанием Никиты Дмитриевича, что для большей пропорциональности хорошо бы добавить плечи в его бюсте?

Если ему так нравится. Думаю, что можно это сделать. Он указывает, что голова кажется непропорционально большой по отношению к торсу, что такого не бывает. Мне же нравится первоначальный вариант, и видится пропорциональным в пространстве.

Мне думается, что торс как бы растворяется в воздухе, невесомо парит в нём, и в целом нет ощущения диспропорций.

Мне тоже так кажется. Такое видение возникло, наверное, из-за того, что Леонид Михайлович Баранов слепил бюст с большим торсом. Да, я мог бы добавить плечи, но только не увеличивать торс в моём замысле. Хоть с плечами, хоть без них, эффект будет одинаков.

А внушительный торс Никите Дмитриевичу, видимо, важен как пловцу.

А может быть. Я видел его фотографии чемпиона Болгарии по плаванию...

Кто из учителей на Вас повлиял в детстве?

Мое любимое дело – это портрет, и любовь к нему мне привил Владимир Анатольевич Иванов, преподававший нам рисунок в лицее. По четвергам после уроков, а иногда и прогуливая общеобразовательные предметы, мы рисовали портреты и наброски. Рисовали того, кого удалось пригласить позировать – преподавателя, студента, девочку, мальчика, старика. Рисовали, рисовали, рисовали карандашом. А Иванов писал модель в это время, карандашом он рисовал тоже. Но как он это делал! Мы смотрели с открытыми ртами. Он ставил музыку, чаще классическую, но бывало, и рок, очень качественный, старый хороший американский рок. Нас в классе было пять человек – двое мальчиков и три девочки. Девочкам мало что было интересно, чего не скажешь о мужской части класса. Мы всё время соревновались, кто больше, кто лучше. Это было интересно, хотя мне само по себе соревнование не по душе.

Почему?

Не знаю. Это «я лучше, я лучше...» не по душе.

Я-то с Вами согласна, но со времен Античности считается, что соревнование — лучший двигатель в совершенствовании.

Наверное. Может быть, это соревнование в какой-то степени мне и помогло. Вечерние занятия продолжались несколько лет, с 8 по 11 класс. Бывали быстрые наброски. Когда как. Бывало занятие по три часа, бывала работа и на несколько дней. По четыре дня кто-то позировал. И я позировал. И Владимир Анатольевич позировал. Это в определенный период моей жизни происходило постоянно, мне было очень интересно, а позже перетекло в скульптуру. А до этого я лепил ученически — просто лепил, как копировал античную голову. А после этих занятий я понял, что важно быстро «поймать» человека, какой он есть, запечатлеть его, глаза его, все черты его. Чтобы, в конце концов, преподаватель сказал: «Да, это ты можешь выставить на просмотр». Занятия очень помогли сформировать любовь к портрету. Сейчас я уже почти не рисую. Как-то не приходится. В детстве же, когда ездил на электричке и метро из дома на учебу, рисовал-рисовал-рисовал, наброски-портреты-наброски.

А кто Вас этому научил? Это замечательный способ во всех областях искусства. Мы, например, ученики музыкальной школы, ездили всегда с камертоном: свиснешь ноту «ля» — и пишешь себе из памяти мелодии нотами.

Здорово. Научил не терять время в транспорте тоже Владимир Анатольевич.

Художественные впечатления в детстве?

Постоянно я помню себя на выставках, в музеях и театрах, постоянно. К этому меня приучала мама. И мама меня даже хотела в театральную школу Табакова отдать, а потом по пути на выставку в Центральный Дом Художника случайно увидела объявление о наборе учеников в художественный лицей — так я туда и попал. Из музеев были любимые места — Третьяковская галерея, Музей имени Пушкина. В «Пушкинском», конечно, слепки с римских копий греков. Позже мы с мамой стали ездить по городам России. А вместе со школой я побывал в Париже, Берлине, Мейсене, Дрездене. Были экскурсионные планы, но я от них отрывался и бегал один. Чтобы успеть-успеть всюду, всё посмотреть. Не выспаться. Встать. Опять побежать. Это было в классе в восьмом-девятом.

Бывают же такие дети!.. А что самое любимое в детстве в Третьяковке?

Паоло Трубецкой, бесспорно, сразу.

Антокольский?

Антокольский хорош, но для меня он был всегда немного суховат. Всё очень точно, до мелкого крестика в мраморе и камушка-рубинчика в нём, много деталей. Но всё же трудно для восприятия. А на Трубецкого взглянешь — и сразу всё есть для полного впечатления. Сразу схватывается образ, сразу всё можно понять об этом человеке, которого он изобразил. Вот у него есть гипсовая работа — портрет его детей «в фас», там двое соприкоснулись головами. Потрясающее впечатление детской непосредственной пластики. Кстати, когда я учился на втором курсе, Михаил, один из четырёх братьев Трубецких — потомков Паоло (он им двоюродный прадедушка) — заказал мне скульптурный портрет своего брата Петра к его 50-летию юбилею, на коне, в образе дедушки Владимира — «синего кирасира», то есть служившего в лейб-гвардии кирасирском полку, где мундиры украшал синий воротник и синие обшлага. Дед был — два метра ростом, стройный, утончённый. А Пётр Трубецкой такой плотненький, не слишком высокий. Как это связать, показать и сходство, и различие? Но вроде бы получилась каминная скульптура около 30 сантиметров высотой.

Трубецкие мне в благодарность подарили итальянскую книгу о Паоло, очень высокого полиграфического качества. Все мои товарищи-студенты эту книгу для себя сканировали, потому что для скульптора она чрезвычайно познавательна. Замечу, что общение с Трубецкими оказалось для меня очень приятным. Вот, например, когда Михаил впервые пришёл со мной познакомиться, узнать, что я делаю, вошёл, увидел иконку в углу, перекрестился и только потом со мной поздоровался. Братья все занимаются разными вещами: Михаил — книгами, издательским делом, ещё один брат работает в крупной компании по транспортировке нефти, но они связаны большой культурой своей семьи. Для меня это был интересный опыт.

Помимо Трубецкого в Третьяковке — личность или направление — что для Вас было значимо и формировало?

С детства и сразу — Серов. Репин. Восхищался способом передачи пластики у Иванова, его портретами. А сейчас любимые, как бы это не показалось странным, Чашник, Татлин, Суетин, Родченко, Малевич, можно продолжить список до конца, в общем, авангард 20-30 годов XX столетия.

Вам в этой атмосфере уютно, там Ваши мысли и чувства, эстетические предпочтения?

Да. Нравится и всё. Это моё-моё.

Были ли в Вашем творческом детстве истории каких-то сложностей, борьбы и преодолений?

Борьба с безграмотностью в рисунке и лепке у меня была всегда. Боролся и работал, потому что-то и получилось.

На это Вас направляли учителя?

Вы знаете, если сам человек этого не хочет, направляй-не направляй, результата не будет. Прежде всего, совершенствование нужно нам самим. И этот принцип явственно проступает в манере художественного обучения. Хочешь — покажи работу, не хочешь — не показывай. Настойчивого напора учителей или мамы не было никогда. Я сам стремился.

Вы готовы были поступить в театральную студию? Вы принимали участие в спектаклях?

Было дело. Ставили домашние спектакли в честь дней рождений одноклассников в МАХЛ, фильмы делали сами.

Кто же Вас приучил к этому?

Я учился до лицея 1 год в Вальфдорфской школе, где у нас был немецкий, английский, мы рисовали, лепили, вязали, участвовали в оригинальных Олимпиадах, например, кидали копья на дальность. И ставили спектакли. Читали «Илиаду» Гомера, а потом инсценировали фрагмент и даже пели по-гречески.

Как же это можно было поставить в детском возрасте, чтобы участникам было интересно?

Вот такие были преподаватели.

Какие книги Вы любите читать?

В детстве мама постоянно читала вслух, долгие годы читала. Вечером перед сном приходила в «детскую» и читала нам с братом. Ей было и самой интересно. Я мало читающий человек. Но читаю. Недавно мне понравился Замятин. Из современных читаю Пелевина. Это проблема современного человека — мало читать. Я смотрю фильмы. Хорошее старое итальянское кино. Антониони, Феллини, Бертолуччи. Тем более, что это легко осуществимо, если есть соответствующий телефон, и можно не терять времени в транспорте.

Вы, наверное, любите итальянское кино за его пластичность?

Это для меня вообще взрыв. Это для меня движущиеся произведения искусства. Но смотрю и современное кино. Мои друзья из ВГИКа в студенческие времена стали приглашать меня на просмотры, фестивали. Смотрю и старые фильмы. Часто хожу в «Иллюзион», «Мир искусства», «Факел». Смотрю и немое кино, например, «Аэлиту» с декорациями Экстер.

Музыку?

Современную и не современную электронную музыку, зарубежную и нашу. Слушаю и классическую. Я люблю Баха. Слушаю и Чайковского, и Моцарта, Свиридова.

Бах выстраивает внутренний мир перед работой. Мой прадед, архитектор В.Н. Покровский, каждый день, перед тем, как встать за мольберт, утром 2 часа играл Баха.

Слушать классическую музыку нас приучил Владимир Анатольевич Иванов. Когда мы писали портреты, он всегда ставил виниловые пластинки. У него были прекрасные колонки. И звук был чистым, раскатистым, на всю аудиторию. Я ведь ещё с пяти лет занимался музыкой, играл на пианино. Продолжалось это недолго, в 10 лет я перестал и перешёл на гитару. Ну а потом времени совсем не стало хватать, когда в лицей поступил. До сих пор иногда жалею, что забросил музыку. В консерваторию, бывает, хожу. И, кстати, меня попросили сделать памятный знак для международной премии «Камертон», вручение которой в области журналистики происходит ежегодно с 2014 года. Тогда вручили этот памятный знак родственникам погибших под Донбассом журналистов Андрея Ракелии и Андрея Миронова. Премия имени Анны Политковской. Вручение премии происходит в консерватории. Звучат Бах, Бетховен, Чайковский.

Какая личность сильно повлияла на Вас эстетически?

В первую очередь, это, конечно, мои родители.

В лицее был очень сильный преподавательский состав. Владимира Анатольевича Иванова я уже упоминал, ещё назову Зинаиду Николаевну Короткову — она у нас даже не преподавала, но общение с ней повлияло на эстетическую составляющую.

В институте впечатление произвел Александр Иулианович Рукавишников. Это мой педагог и руководитель мастерской. Он влияет прежде всего своей необыкновенной огромной творческой

энергией. Он успевает осуществить множество проектов. Вот, например, на молодёжную выставку в ЦДХ привозят кто одну, кто несколько работ. А он в студенческие годы привозил — целый «КАМАЗ»! Конечно, многое в работе скульптора зависит и от материальной обеспеченности. Ведь чтобы работать в бронзе, надо её иметь в достаточном количестве... Конечно, у него была база, мастерская, материалы, поддержка отца, скульптора Иулиана Рукавишникова.

А был ли в годы становления у Вас какой-либо «виртуальный учитель», через времена и расстояния?

Это прежде всего тот самый Паоло Трубецкой. Конечно, всё детство восхищал Роден. Когда мы в лицее ездили в Париж, я в его музее снимков 500, наверное, сделал, все работы старался снять, да в разных ракурсах. Сейчас только я немножко «поутих», появились и другие предметы восхищения. Кстати, Голубкина, в общем, работала в этом же роденовском направлении. Однако мне не близка, потому что мне режет глаз, что у неё портреты очень схожи друг с другом. Какой-то глубинный образ у неё когда-то сложился, и она всюду его использовала. Я не видел в её скульптурах человека, которого она изображала. В институтской библиотеке часто смотрел книжки с иллюстрациями работ М.Г Манизера, он очень точный мастер. Сейчас появилось много современных скульпторов, европейских, американских, с работами которых я знакомлюсь в интернете. Например, очень сильный скульптор Энтони Гормли (Antony Gormley). А ещё мне очень были по душе майоликовые работы Врубеля.

Из людей, чьё мнение для меня очень важно, — преподаватель Дмитрий Никитович Тугаринов. И поговорить есть о чём, и спросить есть что. И он мне очень нравится как скульптор. Он мне помог отлить в бронзе конную скульптуру Трубецкого, объяснил, как делаются (не отливаются, а выпиливаются) уздечки, сбруя. Он периодически мне помогает в моём основном деле. Хотя официально он значится «преподавателем по реставрации». Прошлым летом мы с ним ездили в Калининград на Симпозиум скульпторов. И я слепил два портрета немецкого скульптора Вильгельма Лембрука из шамота, там же и обжёг, как мне показал Тугаринов. Я там грамотному обжигу и научился. Так же, кстати, можно сделать и глиняную версию бюста Н.Д. Лобанова-Ростовского. Просто слепить новый. Потому что, если мы будем забивать глину в старую форму, она ещё раз усядет, и произойдет деформация, потому что усадка — бешеная. Надо рассчитывать усадку примерно на четверть от задуманного размера при отливке формы... Поставлю рядом гипсовый портрет Никиты Дмитриевича и слеплю новый, поглядывая ещё и на фотографии и видеозаписи. Конечно, он получится немножко другой.

Сколько часов в день Вы работаете?

Когда учился в школе и институте, шесть часов в день обязательно. Ну, и я постоянно прогуливал какие-то предметы, которые, я решил, слушать не буду, если лекции шли по определённому учебнику или книге. Тогда я предпочитал сам прочитать, а это время тоже посвящал работе. Прогуливал и лепил портреты. Натуру ловил прямо в метро. «Здравствуйте, а можно Ваш портрет слепить?» Кто-то приходил, кто-то нет. Однажды негр с очень выразительной внешностью перед метро раздавал рекламные листовки. Я подошёл и попросил позировать. Он пришел, я собрал ребят, мы его рисовали углём и скинулись, чтобы заплатить ему. Он ведь работающий человек. А в основном мои модели — это друзья, которых я давно знаю и внешность которых мне интересна. Вот просто подошёл и попросил позировать Дашу, портрет которой теперь есть на выставке.

Как сложилась выставка и что означает её название?

Придумала название Ксения Горбатюк, куратор выставки, искусствовед, она училась со мной на одном курсе. Она занимается очень разнообразными проектами, и костюмы реставрирует, и в музее игровых автоматов работает. Мы сошлись на том ещё, что любим авангард. Название придумала Ксения, и оно мне сразу понравилось. Идею поддержала и директор музея Светлана Боброва.

На выставке представлено 10 бюстов, каждый из которых я лепил непосредственно с натуры, но люди, пришедшие на выставку, к сожалению, не могут увидеть процесса лепки и общения. Название позволяет в какой-то мере донести это до зрителя, видящего только конечный результат.

Почему выставка посвящена только портрету?

Это была идея Дмитрия Никитовича Тугаринова. Он позвонил и просто сказал: «У тебя будет выставка портрета в музее Коненкова». Я ответил: «Здорово. Хорошо. Есть, будет сделано!» Он рекомендовал меня директору музея Светлане Бобровой. На выставке 10 работ, и отбирал их я сам.

Мне очень понравился эффектный белый портрет в чёрной кофте.

Это как раз Даша, фотография этого портрета занимает центральную часть плаката. Она альбинос с особенной внешностью. Она работает моделью.

Увидел её и сразу подумал: она сама по себе живая скульптура, весь облик скульптурен, лоб переходит в волосы, все одного тона. Отлил её из пластика, кофту — из резины, подставку сварил из стали. Я хотел создать драматичный образ манекена. Потому что меня удивляет то, как обращаются с подиумными моделями на показах: как с вещью, совсем не думают как о человеке.

Портрет известного художника-монументалиста Ивана Леонидовича Лубенникова. Я попросил его позировать для портрета. Он говорит: «Ну чего там! Посмотри на меня да слепи». Хорошо. Но я пошёл другим путем. Каждые пять минут, бесчисленное количество раз, бегал с четвертого этажа на третий, где он преподавал, и смотрел то, как соизмеряется ухо со щекой, то — самое интересное — как его круглые очки сидят на носу, и прочие многочисленные подробности. Я сварил специально эти очки из металла. И вот, когда был готов портрет, входят Тугаринов с Лубенниковым в мастерскую. Меня не заметили. Тугаринов говорит: «Вот, смотри, Вань, ведь это ты, вылитый». А он отвечает как бы равнодушно: «Да нет, нет, не похож». А потом Тугаринов мне пересказал слова Лубенникова. Я спрашиваю: «Значит, плохо?» «Нет, — говорит Дмитрий Никитович, — это как раз означает, что похож, потому что было сказано с такой интонацией, что он портрет одобряет, но не хочет этого показывать».

Все художники всегда заняты формой и как-то не любят говорить о содержании, отмахиваются от этого. Но я заметила, что Вам важны добрые эмоции в человеке, что в портрете Вы вытаскиваете позитив, который есть в позирующем. Но сейчас такое время, когда художники, создающие новые произведения, во всех областях искусства, полагают, что без негатива публике неинтересно.

Всё зависит от человека, которого изображаешь. Я не отношусь к своей модели, как к глиняному горшку. Мне интересно запечатлеть то, что человек думает в данный момент. Это неуловимые мышцы на лице, направление взгляда. С помощью таких тонких моментов и создается впечатление. Надо не слепить похожего, а увидеть человека. Я не говорю о карикатурах или шаржах. В серьёзных портретах должен быть заложен некий «банк памяти», многомерность личности.

Работа скульптора учит психологии?

Да, мне для работы важен разговор с портретируемым.

Что Вам дали годы работы скульптором для познания человечества? Мне кажется, что мы начинаем в юности с некоторого марева, быть может, приятного, а с годами всё чётче наводится фокус. То, что рядом с собой мы не видели раньше, становится со временем очевидным и бросается в глаза — как же я этого не замечал?

Скульптура, в принципе, учит разбираться в людях, порой очень быстро, по мимическим морщинам и движениям, подобно физиогномисту. Давно стал за собой замечать. Бывает, не общаешься с человеком, но уже знаешь, какие ему вопросы тебе интересно было бы задать, о чём. Иногда вплоть до такого понимания неизвестного лица доходит. Случается. Однажды в гостях сидел один человек напротив. И я понял по его лицу, о чём можно было бы с ним поговорить. И потом мы встречались и очень интересно беседовали.

Не считаете ли Вы, что нужно почитать ещё книги по психологии?

Была у нас и философия, и психология в институте, но мне хватает своей области познания.

Ещё о портретах с выставки?

Соня Тугаринова.

Какую задачу Вы здесь перед собой ставили?

Задач-то особо не бывает. Просто хочется слепить — и всё. А у Сони Тугариновой был интересный пучок на голове, который формировал её воздушный облик. Было интересно, куда его расположить в пространстве и по отношению к голове. Порой, действительно, первая мысль о форме.

Я рад, что в арбатской квартире Лопухиных стоит мой портрет Насти Лопухиной, значит, он уместен. Настя из рода Лопухиных, известен портрет Лопухиной кисти Боровиковского.

Летом я ездил к Насте в деревню под Рязань, лепил лошадь. Животных мне тоже нравится лепить. И потом подарил отливки лошади владелице, были белые, были и чёрные.

У искусствоведа Лианы Ахиновой дома стоит её портрет, мной подаренный, она внучка скульптора Ара Арутюняна, создавшего Мать Армению в центре Еревана. В общем, чаще я выбираю людей, которых и знаю давно.

Вы закончили свою учебу?

Нет. Делаю дипломную работу о Николе Тесле. Эта личность мне интересна. Загадочная фигура. Но не буду рассказывать, пока не сделал, а существуют только эскизы. Малая же дипломная работа

посвящена Маяковскому. Главное для меня, что преподаватели ничего не просили в ней переделать, значит, получилось.

Какие у Вас ближайшие идеи?

Они всегда есть, я их зарисовываю, леплю первоначально маленькие фигурки. А сейчас мне надо и на диплом заработать, чтобы купить материал. И я подрабатываю, делая лепнину. Приходишь, мозг отключаешь и работаешь.

Но руку-то набиваешь, это хорошо?

Нет, это не хорошо. Главное не ввязаться в это с головой. Вкус начинает портиться. Так же плохо, с моей точки зрения, устроиться «помоганцем» в мастерскую к известному скульптору. Можно тем и остаться. Или это отрицательно сказывается на собственном творчестве: ты набил руку на чужой скульптуре, и потом эти приёмы поневоле начинаешь штамповать в собственной работе не задумываясь. Научился лепить ногу, как Рукавишников, руку, как Рукавишников. И уже само собой так же получается в своём собственном произведении. А посмотришь и думаешь: «Зачем нам второй Рукавишников, Переяславец или Щербаков?» Надо стараться сохранять свой вкус и стремиться к тому, чтобы зарабатывать не ремеслом, а своим мастерством. А это, к сожалению, очень трудно. Вот у Рукавишникова всё свое, и оно никуда не денется. Ему не пришлось работать на чужого дядю.

То есть Вы считаете, что талант может пропасть?

Нет, он может засориться, замусориться. Идеи витают в воздухе, их можно понять, уловить, но вот как исполнить? Когда бывает конкурс на памятник, эскизы получаются у всех совершенно разными. Выбирают же лучший, в том числе, и по исполнению.

Каковы Ваши планы?

Я хотел бы заниматься портретом. Я готов заниматься этим всю жизнь, потому что это моё любимое. Посмотрим, как пойдет. Все непредсказуемо. Хотелось бы, в дальних мечтах, в Москве поставить памятник Маяковскому.

А где, в порядке облачной грёзы?

Перед зданием Моссельпрома. Это, мне кажется, было бы интересно. Там и место можно было бы найти.

Он Вам как поэт нравится?

И как поэт. И фигура очень мощная. Кстати, в нашем лицее бывали вечера поэзии, я там выступал с его стихами. На мне была жёлтая кофта, на груди бант, на голове котелок, на лице что-то нарисовано.

Странно, что он Вам нравится, Вы же человек сильный, а он, мне думается, слабый?

Да чем же я сильный?

Тем, что стремитесь идти своим путем.

Стараюсь.

Сейчас люди боятся идти своим путем, стремятся скрыть свою сущность за ерничеством, цинизмом, поэтому вносят непременно какую-то «чернуху», чтобы быть модным, чтобы нравиться. Без этого опасаются показаться ненужными.

Я стараюсь. Но иногда, как говорил Маяковский, приходится «наступить на горло собственной песне», к сожалению. У меня иногда заказывают портреты. Иногда умонастроения и восприятия совпадают. Думаешь: ух ты, здорово. А иногда именно нужно делать.

И это жизнь, часто от этого никуда не уйдешь.

Всё-таки надо пытаться разделять работу и жизнь, нельзя «смешивать мух с котлетами». На этой моей выставке нет ни одного заказного портрета. И Никиту Дмитриевича я просто пришёл лепить. Известный человек. Но он оказался каким интересным! Захватило меня. Другое дело, что ему понравилось, и он его заказал.

Всякий ли человек, попросивший за деньги свой портрет, его от Вас получит?

Нет. Однажды пришлось отказать. И я понял, как осмотрительно надо выбирать слова, чтобы не обидеть того, с кем совершенно не совпадаешь. Это как с ребёнком. Вот у меня есть племянники, которые знают, что я леплю. Они тоже хотят подражать. И они приходят, приносят что-то непонятное. И нужно как-то вывернуться, спросить осторожно: «А это, наверное, жук?» Получаешь ответ: «Нет, это машина!» «Так, точно, машина же!»... Надо уметь сказать.

Ваша задача — выискивать свои модели, выстроить свой скульптурный мир?

Стараться. Мои модели и мой мир часто совпадают. Вот пришлось лепить заказной портрет Френ Лизли Битьюн, она из какого-то древнего английского рода. Портрет сейчас в одной из квартир в «высотке» на Котельнической. Позируя, она почти не говорила. Да и говорить с ней можно было только по-английски. Но было интересно лепить её: светлые-светлые глаза, очень правильный нос, светлые волосы.

То есть, Вы чувствуете атмосферу, внутри которой находится человек?

Конечно. Когда человек неприятен, невозможно его лепить. Совершенно точное определение. Вот нам дают на занятиях лепить натуру. Но моделям платят, как известно, так мало, что приходят, бывает, люди не совсем нормальные, видны какие-то отклонения. И вот ты лепишь, а что-то странное чувствуешь. И тут лучше прервать работу, выйти, прогуляться, попить чаю. А потом опять настроиться. Потому что это расстраивает. И может в результате ничего не получиться. Может, и получится, но ты недоволен. Кто-то говорит: «Да, похоже». А сам для себя, что ты сделал? Ничего. Человек в минусе по настроению. Ты в минусе. Получается минус на минус, что никак не дает плюс. Я также не очень люблю лепить вместе с кем-то, чужая атмосфера отвлекает. Хотя есть люди, с которыми я леплю с удовольствием, это Леонид Михайлович, Наташа Барановы. Но бывает, что человек стоит, и может быть от зависти, может быть, ещё от чего-то, но от него веет отрицательной энергией. И ты не знаешь, что делать, почему ничего не выходит, в глазах темнеет. Бывает и такое. Ну, это я куда-то далеко ушёл...

Это хорошо. Это ранняя зрелость. Многие с годами начинают ощущать эти вещи...

Что Вы хотели в портрете мамы подчеркнуть?

Помню, в школе было такое задание — слепить портрет. Кого мне было слепить? Маму. Портрет стоит дома. Он получился корявый, кривой. Но стоит. Пускай стоит. Потому что это моя история. И я тогда решил: поступлю в институт, и первый мой портрет тоже будет — мама. Я всё время её рисовал. У меня очень много набросков с мамы. У меня и портрет папы есть. Также дома стоит. Такой интересный получился, прямо Николай II.

А в том портрете, что на выставке, что Вы хотели сказать? Бросается в глаза, как Вы маму любите, как похожи на неё, что она красавица, а что ещё?...

Мне трудно было бы сформулировать. Знаете, Александр Юлианович говорит обычно: «Ну, что, слепи. А искусствоведы додумают». И многие воспринимают это серьёзно. А это ведь шутка.

В каждой шутке есть доля шутки, как известно.

Ну да, искусствоведы придумают всё вокруг, и даже название.

И даже то, чего нет, о чём художник и не задумывался.

Я бы хотел сказать об интересных людях в моей жизни. Об Иване Леонидовиче Лубенникове. Он учитель моих однокурсников. Он ведёт свою мастерскую, как и Рукавишников. К нему все стремятся попасть. Важна его живопись. Но важно и то, как он себя ведёт, как он умеет притягивать к себе хорошее. Он здоровается с учениками за руку. Это очень ценно. Он, став большим художником, не зазнаётся. Сила личности его такова, что к нему не только тянутся, но и многие начинают его копировать зачем-то... Лубенников сделал станцию метро Достоевская. И один выход метро Маяковская. Художник с большой буквы. Да, он же ещё и писатель! Книги его произвели впечатление, особенно про путешествие по Италии, так захотелось пройти по его стопам!

Салават Александрович Щербаков в общении прост в высшем смысле слова. Так и Никита Дмитриевич прост в общении. Хотя по нему видно, как он серьёзен. Умеет при этом быть простым. Вот Щербаков приехал на мою выставку. Пообещал на ходу «Буду-буду». Но мало ли? Был день рождения его жены. Но он приехал.

Наша отечественная художественная школа сохраняется пока ещё, вот о чём это говорит.

Он поставил памятник князю Владимиру. Как его ни ругали, как ни поливали! А памятник стоит...

Ругали не художественное произведение, не скульптора, ругали по экстрахудожественным причинам, и те, кто сам памятник, быть может, не видел, и кому сама скульптура, как произведение, не важна...

Человеческое обаяние для Вас много значит?

Да, конечно, харизма, положительная энергия, исходящая из человека, имеет значение. Если человек не умеет общаться, пропадает какая-то часть заинтересованности в нем как в личности.

Берега Новороссии

Лидия Довыденко

Лидия Владимировна Довыденко – писатель, публицист, краевед, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», автор 19 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, ряда телевизионных фильмов. Победитель в конкурсе журналистского мастерства «Слава России», лауреат литературной премии «Щит и меч Отечества», победитель Международной литературной премии «Серебряное перо Руси» – за «Высокое художественное мастерство», первое место в номинации «Познавая союзное государство» конкурса журналистских работ «Беларусь – Россия. Шаг в будущее». Диплом и нагрудный знак «Трудовая доблесть России» – «За труд во славу России», лауреат Всероссийского конкурса журналистских работ «Патриот России» – 2016, «Золотое перо Руси» – 2016, медаль имени поэта Николая Рубцова, Золотая медаль конкурса СМИ «Патриот России»

Мой светлый горячий Донбасс

Часть 1. Луганск

1. Там, где вьётся Лугань

Луганск – очень светлый город с просторными улицами и площадями. Я приезжаю сюда на автобусе из Ростова-на-Дону, преодолевая две границы: Российскую и ЛНР. Автобус на границах задерживается, медленно движется по убитым дорогам, прибывает на два часа позже, и все это время мой коллега Андрей Чернов, секретарь правления союза писателей ЛНР, заместитель главного редактора альманаха «Крылья», литературный критик, журналист, автор журнала «Берега» ждал меня. Из России я дозвонилась до него, а в ЛНР в телефоне мне отвечал голос на украинском языке, что неверно «набран нумар». Гостиница «Луганск» почти пуста, к сожалению, немногие люди, склонные к путешествиям, знают о том, что это культурная столица Донбасса, здесь много достопримечательностей, и линия огня за тридцать километров. Мой номер за символическую сумму очень хороший, есть горячая вода, хотя я опасалась, что будут перебои со светом и водой. Луганск – это как Санкт-Петербург в России, очень интеллигентный, а Донецк – как Москва, деловитый. Но главное ощущение: люди живут, а не просто выживают.

Мы с Андреем идем по улице Советской, разделительная полоса по центру дороги – это до самого горизонта тянущиеся, ухоженные кусты роз. По дороге Андрей рассказывает о страшном дне 2 июня 2014 года, когда два украинских самолета на бреющем полете, желая оказать моральное давление на луганчан, сбрасывают авиационные ракеты на здание администрации, и пролилась первая кровь невинных людей. Произошло беспрецедентное по своей жестокости преступление. Позже таксист Вячеслав, везший меня в церковь святых Петра и Павла, где я поклонилась иконе Луганской Божьей Матери, рассказал, как торопился он к месту бомбёжки, – ведь в администрации работала его дочь, чудом уцелевшая. И как ощущал он удушливый запах дуста, увидел, как все больше прибывало жителей города с желанием – оказать возможную помощь.

Я хотела сфотографировать это уже отремонтированное здание, но увидела, как ко мне торопится вооруженный солдат, предупреждая о запрете на снимки. Я не успела сфотографировать это здание и понимаю осторожность защитников Луганской народной республики, ведь к маленькому Донбассу официальная Украина испытывает такую же ненависть, как и к большой России.

Наш путь лежит в Правительство ЛНР, в Министерство культуры, где нас встречает Первый заместитель Министра культуры, спорта и молодежи Сергей Назаревич. Узнав от Андрея о восстановлении объектов культуры, которые подверглись обстрелу, я выражаю радость по поводу отремонтированной республиканской научной библиотеки. А Сергей Станиславович рассказывает: «Мы реально ощущаем атаку как в физическом плане, так и в моральном на русскую культуру,

на нашу историю, а история такова, что в течение веков мы стояли на защите рубежей России. События 2014–2016 годов показали, что в Луганске пострадали больше всего объекты культуры. Украинская армия целенаправленно била по областной библиотеке, по цирку, по театру, историческому музею, по краеведческому музею. Культура – это основа смысла существования народа и отдельного человека, поэтому били по объектам культуры.

С августа 2015 года до праздника Нового года шло восстановление здания цирка. Глава республики Игорь Плотницкий поставил задачу – порадовать детей Луганска к новому 2016 году. И за менее чем полгода цирк был восстановлен. Россия помогала материалами, подрядными организациями, специалистами. В простых работах участвовали жители города, студенты. Люди подходили и спрашивали, чем они могут помочь.

И теперь уже восстановлены все объекты культуры в Луганске, но на территории республики находится 200 учреждений культуры, которые нуждаются в наполнении внутреннего пространства, а 67 объектов находится в аварийном состоянии и требуется их срочное восстановление, иначе они будут утеряны: это сельские клубы и библиотеки.

По программе «Интеграция» к нам приезжают многие коллективы культурных учреждений из России: из Брянска, из Ханты-Мансийска, из Свердловской области, и мы тоже выезжаем в Россию, получая возможность общения с народом России, несмотря на жёсткую экономию средств. У нас активная молодёжь. Мы еле успеваем рассматривать их предложения, которые идут постоянно. Мы построили памятник защитникам ЛНР, работаем над памятником погибшим детям Луганска, у нас есть их список из 33 человек, открытие планируем на 22 июня 2017 года.

Мы работаем по проекту «Большие просторы» с Министерством культуры России, которое совместно с Союзом писателей России помогло в сборе книг, и мы распределяем их по всей территории ЛНР.

Возвращаясь к тяжелейшему 2014 году, когда не было воды и электричества, хочу рассказать о нашей филармонии. Коллектив собирался, открывал окна, люди слышали звуки музыки и подтягивались, заполняя зал, укрепляя душу и дух, слушая произведения великих композиторов. Театр кукол выходил на ступеньки своего здания и начинал спектакли бесплатно, приглашая детей и взрослых, демонстрируя бессмертность искусства.

Мы очень надеемся, очень рассчитываем, что станем частью большого Русского мира, частью родной культуры России. У нас достойный профессиональный уровень коллективов наших театров и музеев, стоящих на русских традициях».

2. Забыть невозможно

Единственный человек из Донбасса, кого я знала лично до поездки, – это поэт Елена Заславская, с которой мы познакомились в Москве в Центральном Доме журналиста во время презентации журнала «Берега». Елена мне очень симпатична своим талантом, непринуждённостью общения, открытостью и искренностью. Она организовала встречу со студентами Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского. Елена родилась в Лисичанске, колыбели шахтерского дела, где была открыта первая шахта. Окончив гимназию гуманитарно-эстетического профиля, литературную студию, в которой учили не только рифмовать строчки, но и равнодушно отзываться словом на проявления жизни, она поступила на математический факультет Луганского университета. Но всё же жажда творчества перевесила, она редактор газеты академии «Камертон», и её стихи делают равнодушными её читателей:

Эти русские мальчики не меняются:
 Война, революция, «русская рулетка».
 Умереть, пока не успел состариться,
 В девятнадцатом, двадцатом,
 Двадцать первом веке.
 Эти русские девочки не меняются:
 Жена декабриста, сестра милосердия.
 Любить и спасать,

Пока сердце в груди трепыхается,
В девятнадцатом, двадцатом,
Двадцать первом веке.
Ты же мой русский мальчик:
Война, ополчение, умереть за Отечество.
Ничего не меняется,
Ничего не меняется.
Бесы скачут,
А ангелы ждут на пороге вечности.
Я твоя русская девочка:
Красный крест, белый бинт, чистый спирт.
В мясорубке расчеловечивания
Будет щит тебе
Из моих молитв.
А весна наступает. Цветущие яблони
Поют о жизни, презревшей тлен,
Так, будто они — православные,
Русские и после молитвы встают с колен.

Войдя в аудиторию, где ждали нас с Еленой студенты, я увидела прекрасные, озаренные улыбка-ми, светлые лица молодых людей, в основном, девушек. Восхищение читала в их глазах, но больше всего вдохновило ощущение родственности, духовной близости и взаимопонимания. И я откликаюсь, понимаю, что невозможно забыть эту доброту и душевность, которые создавали атмосферу встречи. Ее расцветило появление Глеба Боброва, писателя, драматурга и журналиста, председателя писательской организации ЛНР, который охарактеризовал «Берега Новороссии» как живое наполнение Русского мира – публикация авторов из Луганска и Донецка в журнале «Берега» и поделился радостной новостью – выходом уже второго сборника 60 авторов из Донбасса и из разных городов России под названием «Выбор Донбасса». Это издание появилось на свет благодаря содействию писателя, ветерана войны в Афганистане, телеведущего 1-го канала Артёма Шейнина, Государственного информационного агентства «Луганский информационный центр», сайта современной военной литературы *okopka.ru*

22 и 23 мая презентации этого сборника прошли в Луганске и Донецке. На эти литературные события приехали желанные гости: Николай Иванов, сопредседатель Правления Союза писателей России, автор сборника «Выбор Донбасса», один из лучших прозаиков нашего времени, и Юрий Юрченко, журналист, который, как известно, прошел все круги ада, оказавшись в украинском плену. С благодарностью и гордостью за причастность к событию приняла в подарок эту книгу. Как написал автор нашего журнала «Берега» Дмитрий Филиппов: «Время загоняет людей в тупик, и в поисках выхода из него рождается литература. Всё очень просто: это клей, который на нравственном, на трансцендентном уровне скрепляет отношения общества и государственных институтов. Не оправдывает, нет, но вычерчивает иную реальность, которую можно будет принять за образец. И в этой связи можно смело говорить о таком феномене, как «литература Донбасса».

Было очень приятно познакомиться с Литвиненко Натальей Кимовной, кандидатом педагогических наук, доцентом Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского. Угощая меня чаем, она рассказала, что жизнь луганчан разделилась на две половины: до войны и теперь, о периоде, когда не было света, газа, воды, как жили семь месяцев без выплаты зарплат, как приходили в академию преподаватели, пренебрегая обстрелами, а некоторые поселились в академии. Многие уезжали из Луганска, особенно те, у кого маленькие дети. Оказались брошенными породистые и обычные собаки и кошки. Оставшиеся в Луганске люди делились с ними последним куском хлеба и водой, за которой стояли в очереди у скважины или ходили к колодцу в частном секторе. Построили для них временные убежища и до сих пор продолжают их подкармливать. Нередко можно увидеть такую, например, надпись: «Помогите Кузе, он пережил войну».

– Прошло время, – включается в беседу Елена Заславская, – город возвращается к мирной жизни. Но следы войны можно увидеть не только в виде разрушенных зданий, но и, например, в следах скотча на окнах, которые заклеивались крест-накрест, чтобы стёкла не разлетались, а падали. Идешь через чистый двор среди пятиэтажек и видишь аккуратную горку веток. Кто не видел войны, тот

не поймёт, что это запас на всякий случай, если снова не будет электричества. Очень многие дома с электрическими плитами, и люди объединялись, чтобы варить на общем костре общую еду из того, что удавалось собрать сообща. Эти так называемые полевые кухни у подъезда сплотили людей, подружили навсегда. Это невозможно забыть тем, кто смотрел в лицо смерти. Война проявляет человека очень ярко и в сжатые сроки. Если до войны бывал человек не замечен, то проведя, например, уроки под бомбёжками, не получая зарплаты, он всё же учит детей – это дорого стоит. А если взять врачей, которые шли на работу в больницу, находящуюся на окраине города, при отсутствии общественного транспорта, приходили и помогали ранеными больным, носили их на руках. Сейчас готовится памятная доска в честь, кто под огнём восстанавливал электричество ценой собственной жизни. Есть герои на передовой, а есть в гражданской жизни, поэтому в литературе, созданной под огнём, появилась глубина, Русский мир получил конкретное содержание не для галочки. А по зову души.

В разговор включилась Лидия Глушенко: «Когда в городе не стало света, было очень тревожно на душе. И люди устремились в библиотеку, брали книги, начали читать, погружаясь в мир героев, переключаясь на светлые чувства, отвлекаясь и перенаправляя мысли, настраиваясь на победу, на оптимизм, на веру в новую, мирную жизнь».

3. Здесь наш берег, здесь наша Родина

Тепло простившись с моими замечательными собеседницами в академии культуры искусств, в беседе с которыми мы не раз замолкали, чтобы взять себя в руки и не заплакать, я отправилась в республиканскую научную библиотеку имени М. Горького, где уже ждала меня яркая, прекрасная, большая умница директор библиотеки Наталья Антоновна Расторгуева.

Фотографии разрушения потрясли меня. Но обратимся к рассказу Натальи Антоновны.

– Все события 2014 и 2015 годов были для нас шоком. Главная библиотека республики попала под обстрел артиллерии в 2014 году. Фотографии с дырой в стене библиотеки облетели весь мир. Они говорят о том, что в советские времена умели строить хорошо. Снаряд пробил стену, посыпались стекла, но само здание стояло как ни в чём ни бывало. Оно было построено в 1965 году, стены толщиной в четыре кирпича. Ничего не загорелось, нас хранит Господь. Библиотека стояла раскрытой, и никто ничего не взял, не вынес, не стащил, такое было уважение к библиотеке. Такой пиетет. Это одна из старейших библиотек республики, осенью нам будет 120 лет. Переведа дух, работники коллектива шли через весь город на работу, несли в бутылках воду, чтобы сохранить наш Зимний сад, цветы по разным залам. Это люди с луганским характером. Они сохранили библиотеку и дух стойкости перед преградами. Обстрел произошёл в конце июля. Сквозная дыра. Но мы патриоты своей библиотеки, своего города, начали закрывать целлофаном окна, убирать грязь, надо было сохранить фонд редких книг, мы не могли допустить, чтобы он пострадал. Ведь наш берег здесь, это наша земля и эта наша боль. Семь месяцев без зарплаты. Люди проявили удивительное братство, приходили в библиотеку за книгами. Это был бум, всплеск читательского интереса, особенно была востребована классика. Люди читали и находили в ней что-то спасительное для себя. Остались здесь те, кто не мог бросить Родину. И мы проводили и сейчас проводим выставки, конференции, конкурсы, литературные состязания. Стену заделали, многие залы библиотеки отремонтировали, покрасили фасад. Вокруг библиотеки объединились люди, жаждущие духовного смысла жизни, священники, прихожане, многие люди приезжают из отдалённых районов республики. Буквально взорвались творчеством луганчане, появились очень хорошие поэты. Война идет три года, никто не ожидал, что наши братья украинцы устроят нам блокаду, сознательно отрежут воду и электричество. С этим примириться невозможно. И сейчас идёт мороз по коже, когда вспомнишь горящие хлебные поля под Луганском. Совсем как в фильмах о Великой Отечественной войне. Но люди объединялись, готовили совместно пищу на кострах, делились заготовками, тем, что хранили в подвалах. Работало много волонтеров. Ведь сколько в городе оставалось инвалидов, диабетиков, оказавшихся без инсулина, слабых стариков. Мы не были готовы к тому, что это нам устроили свои, братья, начавшие нас убивать. Я не могу без содрогания вспомнить первую ракету, сброшенную украинским самолётом в центре города, вой сирен, свист снарядов и мин. Со временем по звуку мы научились различать, кто стреляет, наши или вражеская сторона. Война – это проверка на прочность, на человечность. Когда линия фронта откатилась, я пришла в ветлечебницу со своим котом и познакомилась с жен-

щиной, державшей на руках бульдога. Собака приползла к ним, попав под обстрел. У нее перебиты задние лапы, нет одного глаза, и весь живот был стёрт до крови. Муж этой женщины сделал собаке возок, на котором лежат задние лапы, а передними она передвигается. Собака жалобно смотрит людям в глаза – только бы не бросили. Не бросили.

4. Встречи в республиканской библиотеке имени М. Горького

У входа в библиотеку происходит первая встреча – с памятником автору «Слова о полку Игореве». В 15 километрах отсюда проходит линия фронта, что обостряет эмоциональное восприятие и исторических, и современных событий. Ведь автор «Слова...» был обеспокоен судьбой Русской земли, истинный герой его произведения – русский народ. Именно любовь к русским людям обострила его поэтический слух, зрение, воображение. Любовь к родине вдохновила и определила выбор художественных средств, усилив наблюдательность автора, вдохнув воодушевление. Как пишет Андрей Чернов, «сейчас Донбасс – болевая точка русской цивилизации. Не единственная, но, пожалуй, одна из самых близких к сердцу России – Москве. Может быть, именно поэтому всё происходящее здесь ощущается больнее и сильнее. И потому эстетическое, этическое и идеологическое осмысление всего здесь происходящего свидетельствуют о важном значении событий народно-освободительной войны в Донбассе для всей русской цивилизации». Восстановление Луганска говорит о непреодолимой жажде жизни, о непобедимом чувстве единения с Россией. И не зря здесь говорят: всё будет Донбасс! То есть: Так победим!

В Русском Центре собрались луганские и краснодонские авторы и читатели. Огромное спасибо Андрею Чернову, ведущему встречи, и Наталье Расторгуевой за то, что они подготовились к нашему литературному братанию, выпустили буклет с логотипом Союза писателей ЛНР, литературно-художественного альманаха «Крылья» и журнала «Берега» с выдержками из моего интервью порталу Луганск 1, с репликой писателя, поэта, критика Григория Блехмана о «нравственном шаге редакции – прописать на страницах «Берегов» «Берега Новороссии». Наталья Антоновна выступила с приветственным словом, высоко оценив качество произведений авторов журнала «Берега», публикацию луганских писателей и поэтов – «нашего национального достояния». «Берега памяти, Берега любознания, Берега Новороссии – такая хорошая ностальгия по созвучию душ, которое было у нас в советские времена. Чем ещё хорош журнал, для меня, как читателя, так это то, что мы находим здесь глубокое в произведениях авторов журнала. Здесь то, что на генном уровне объединяет наши народы, несмотря на разделённость границами, мы одна большая цивилизация. Берега – это мостик между нами, русскими людьми. Произведения авторов журнала нам близки, мы узнаем наши общие чувства. Вот, например, стихи Анатолия Аврутина: «...я вас люблю родные старики, родные краснодонцы...» Это дорогого стоит. В последние годы нам повезло увидеть приехавших к нам больших российских литераторов, прозаиков, поэтов, публицистов. Среди них Николай Иванов, новеллу которого «Свете тихий» мы видим в новом номере, интервью с ним Андрея Чернова в предыдущем журнале. Мы очень благодарны этому замечательному человеку, как много сделал он для нас, помогал нам во всех наших акциях, встречал, передавал наши документы в Москву, несколько раз сам ездил в фонд «Русский мир». Это потрясающая личность. Он участник событий в Афганистане, в Чечне, многое испытал в своей жизни, и мы высоко ценим и очень благодарны ему за участие в наших делах.

Глубоко каждый из нас завязан на каких-то вещах, которые нас объединяют, и это находит отражение на страницах журнала».

Я встретила с талантами энергии и добра. Подарив журнал библиотеке и пакетик маленьких капелек солнечного камня, я вкладывала в этот маленький жест большую благодарность жителям Донбасса «за жертвенное стояние», за мужество, достоинство и высокий дух благородства, желание поддержать и установить навсегда литературное братство, духовное единение с луганчанами. Я родилась в маленькой белорусской деревне и с детства слышала слово Луганск, потому что многие молодые люди уезжали «на шахты», отправляясь в забой, а потом они приезжали в отпуск домой, рассказывая об увиденном. Мой неуёмный характер часто заставлял моих друзей давать мне определение «стахановка». И снова мои мысли обращались к Луганской области, к стахановскому движению. И вот пути Господни привели меня к людям, о которых я бы сказала, что лучше не бывает.

5. Мои подарки из Луганской народной республики

На встрече в Республиканской библиотеке имени М. Горького Андрей Чернов подарил мне альманах «Крылья», взмах десятый, издание Союза писателей ЛНР, куда вошли как «мирные» материалы, так и «опалённые войной». Среди авторов писатели Донбасса, Крыма, России, Сербии, Германии. В нем приятно было увидеть уже знакомые и родные имена: Людмила Гонтарева, Елена Настоящая, Елена Заславская, оба Александра Сигиды (старший и младший), Светлана Сеничкина, Ирина Горбань, Глеб Бобров, Николай Иванов, Лидия Сычёва, Андрей Чернов, Сергей Прасолов.

Андрей Чернов посвятил статью «Вне забвения» известному поэту Донбасса Павлу Беспощадному, автору легендарных строк:

Донбасс никто не ставил на колени,
И никому поставить не дано.

Павел Григорьевич Иванов ещё в советский период жизни страны взял себе псевдоним Беспощадный. Он был шахтёром, и как пишет Андрей Чернов: «горняки (как в старом Донбассе называли шахтёров») как никто другой тянулись к жизни и ценили её. Никто другой так не поспешит на помощь человеку, как шахтёр. А своеобразное шахтёрское братство сродни братствам однополчан». Павел Беспощадный, умерший в 1968, оставил после себя пронзительные строчки, которые так созвучны сегодняшнему времени:

Я умру на донецкой земле,
Когда вечность сотрёт терриконы...

Он сказал о себе и о тех, кто дерётся за Новороссию.

И как созвучна содержанию альманаха замечательная, завершающая статья Галины Чудиновой о сборнике прозы «Я дрался в Новороссии». Лейтмотивом альманаха является мысль, что Донбасс в своей народно-освободительной войне встал на защиту не только своей независимости, но на защиту человеческого, в человеке, православного образа мышления, чтобы выстоять и восторжествовать над новым врагом человечества – неофашизмом.

«Мы из Молодогвардейска» – так называется сборник авторов творческого объединения «Лугоречь», живущих в Молодогвардейске. Среди них не только поэты, но и художники, фотографы. Им важно сказать: «Мы запоем героев Донбасса навечно» (Александра Бондаренко), человек, отстаивающий Донбасс – «светлый воин добра» (Алексей Грищенко), «Пречистым светом озарятся души, ликуя, возвестят – конец войне!» (Нина Дернович), ополченец – герой стихотворения Ивана Макану, «слышит плач страны» Надежда Мотович, «Словом полнится душа» у Ивана Самойленко. «Тут бесконечное личное горе и бесконечный смертельный оскал», «Наступают русские мальчишки, повзрослевшие на ходу» – замечает Александр И. Сигида. Здесь много замечательных авторов, любящих и отстаивающих свою землю словом: «Я – Донбасс. Я дочь степного ветра» (Светлана Сидорова), «Здесь умеют в полный рост стоять: воином-защитником, поэтом!» (Олег Таран). Марина Юдакова на вопрос о мечте Донбасса отвечает: «о светлом мире на планете», о горе матерей, потерявших сыновей, пишет Лидия Юшкевич. Планетарно мыслит Александр А. Сигида:

СОЛНЦЕВОРОТ-2014

Отцы не взяли автоматы
В тот девяносто первый год,
Когда политики-кастраты
Пустили Родину в расход.
Те, кто не спился в девяностых,
Кто не сторчался в нулевых,
Не сгинул в наркохолокосте
От огнестрельных, ножевых –

Сегодня здесь. Их шеи тонки,
Они приходят прямиком
Из старых выпусков «Лимонки»
Вам этот дискурс был знаком.
Сейчас лимонки — в дефиците,
Но есть четыре РГД...
Задумавшись о геноциде,
Не забывай о Сигиде.

Людмила Гонтарева подарила мне сборник стихов «По ту сторону тишины». Своим творчеством она недавно вошла в круг моих любимых поэтов-женщин. Дорожу этим сборником. Каждое стихотворение талантливо.

Разморозь меня, Господи.
Разморозь окаянную,
В состоянии осени,
во хмелю, да не пьяную.

...Разморозь меня снежную,
скрой от глаз нелюбови.
От молчания нежная
я дождусь нелюбого.

Разморозь меня, сильною
быть навек обречённую,
Так ненужно красивую
птицу неприручённую...

Мне б доплакать, доплыть...
И надежду примерить:
о прощанье забыть
и в прощенье поверить.

Поэзия Людмилы Гонтаревой – это чаще всего молитва в стихах русской многострадальной женщины, она русский национальный поэт, выражающий свое родовое начало через православное нравственное чувство:

Прости мне, Господи, мою окаменелость.
Внутри болит – а я уже не плачу.
С улыбкой вверх подбрасываю мячик.
Сжимаясь, жду, чтоб стихло, притерпелось...
..Все. Круг так узок. Клетка мироздания
размером с дом, корабль или планету.
...Внутри болит, а слез – как прежде – нету,
и даже дождь приходит с опозданием.

Прости мне, Господи, что в чувствах усомнилась,
что сердца стук не приняла всерьез.
Дай, Боже, слез – обычных бабьих слез,
и чтоб луна с небес в ладонь скатилась...

Автор стихов обладает точным образным видением, глубокой и искренней верой, поэтической интуицией, «скитаясь вновь по венам бездорожья», «в поисках секрета бытия», находит нечто кардинальное, духовно трезвое. Живая сила любви, волшебство метафоры, тонкий лиризм, метафизика искренности Людмилы Гонтаревой говорят о том, что в мир пришла большая поэзия большого женского сердца.

6. Остаться живыми

Встреча с луганскими писателями и поэтами в республиканской библиотеке имени М. Горького ещё длится в моей памяти. Я думаю о том, что Донбасс и Луганск — эта территория, которая веками принадлежала Донскому казачьему войску. После революции 1917 года к Украине отнесли русский город Харьков, основанный **царём Алексеем Михайловичем**; Донецк, основанный **императором Александром II**; Николаев, Днепропетровск и Одессу, которые основаны **императрицей Екатериной II**. Жители этих областей до сих пор сохранили дух нации, православные традиции. И если Донецкая и Луганская народная республики выбрали путь дальнейшей своей жизни с Россией, а новые хозяева Украины – с Европой, так гордящейся своей толерантностью, то почему же нет толерантности, нет терпимости? Украина каждый день убивает тех, кто выбрал принадлежность к русской цивилизации. Это понимают тайные хозяева Украины – США, и они будут воевать с русской цивилизацией, руководствуясь не потребительством, а высшими, духовными смыслами, до последнего украинца.

Но в Донбассе очень много веры в Победу: «Всё будет Донбасс!» – говорят здесь, веря в то, что здесь их дом, их земля, их русские корни. Поэтому особенно проникновенно звучит стихотворение Светланы Сеничкиной:

Нас гонят из дома —
Ракетами, минами,
Блокадой, разрухой,
Наветами, «сливами».
Кричат, чтоб бежали,
Скорей, что есть силы:
«Хотели в Россию?
Валите в Россию!».
А уезжать не хочется — до слёз.
Умом-то понимаешь: всё всерьез.
Умом-то понимаешь: всё надолго.
И, может быть, там лучше будет, только
Как, если корни вырвешь из земли,
Живым остаться?

Здесь мои литературные собратья мечтают о конце войны, о мирной жизни, о любви, семье, как написала Елена Настоящая:

Свой берег обрела родной,
Жизнь, полную любви и света.

А Елена Заславская произнесла: «Через все трудные моменты жизни, преодолевая чувство, что все крылья перебиты, через все пропасти мы наводим культурные мосты, сохраняем надежду, подвижничество, оптимизм».

Марк Некрасовский прочел юмористические стихи, но в подаренном мне сборнике его стихов «Танго смерти» встают картины военного Луганска.

А мне кричат: у вас не жизнь, а ад,
И нет ведь сил, чтоб помешать врагу.
Беги, твердят, куда глаза глядят,
А я вот никуда не побегу.
Поэт говорит от имени тех, кто истосковался по мирной жизни:
Когда осядет пыль из-под сапог,
Когда оружие сдадут на склады,
Когда вдруг станет милосердным Бог,
Когда гостям незваным будут рады.

Когда долги научимся прощать
И, драки не устраивая, спорить,
Когда не будем красть и обещать
И станет близким нам чужое горе.

Когда не будет брошенных детей
И старики не будут без опоры.
И власть не будет обижать людей.
И рухнут высочайшие заборы.

Когда не будет во спасенье лжи,
Когда предателей всё сгинет племя
И государств исчезнут рубежи,
Как я хотел пожить бы в это время.

Декабрь 2014 г.

«Краматорские тетради» Александра Сурнина. Читая, погружаешься в трагические события в течение 2014 года в Краматорске. Автор избрал такое построение книги: публикация сообщения в СМИ, а затем его комментарии.. Он благодарен своим коллегам журналистам из Донецка и Краматорска, предоставивших ему свои ресурсы и архивы. Писатель настаивает на своей субъективности, это его собственная точка зрения, не претендующая на всеобъемлемость. Это рассказ о войне

в одном городе, отразившем приметы своего времени. Александр Сурнин говорит о том, что Донбасс сумел защитить себя, несмотря на агрессию и предательство в виде навязанных со стороны договоров, не подписанных правительством ДНР, о прекращении огня, а в результате потеря Славянска и Краматорска. А второе прекращение огня остановило армию ДНР в двух шагах от Мариуполя, когда на деле оставалось всего ничего – брать лежащий перед тобой город и гнать карателей хоть до Киева. Вместо этого Донбассу подсунили Минские соглашения.

Писатель уверенно заявляет от имени жителей независимых республик: «Неважно – с Россией или без оной Донбасс победит, потому что не отдаст захватчикам свой дом, не простит невинно убиенных стариков и детей». Александр Сурнин приводит слова поэта Владимира Скобцова: «Бывший друг, красноречиво утверждавший, что не всё так однозначно, ты молчал, когда украинские солдаты убивали наших женщин – они ведь вата, ты молчал, когда украинские солдаты убивали наших стариков – они ведь колорады, ты молчал, когда украинские солдаты убивали наших детей – они ведь не твои дети. И когда в твой дом придёт беда, постарайся встретить её с достоинством, как её встретили мы, и не спрашивай, по ком звонит колокол, – он звонит по тебе».

Многие люди не только в Донбассе, но в России разделяют уверенность писателей в победе Донбасса. И тогда откроются многим горизонты духовные и горизонты географические, откроются туристические маршруты Луганщины, её музеи и театры, филармония, не прекращавшие свою работу даже под бомбёжкой, памятники Карлу Гаскойну, основавшему литейный завод, А.И. Молойчому, командиру эскадрильи, бомбившей Берлин в 1945 году, памятник известному поэту-песеннику, Михаилу Матусовскому. А сколько святых Православия на земле луганской: Свято-Владимирский кафедральный собор, храм Святой Татьяны, храм в честь иконы Божьей Матери «Умиление», Свято-Никола-Преображенский собор, Свято-Петропавловский кафедральный собор, Свято-Вознесенский храм, храм в честь Всех Святых и часовня диакона Филиппа, которому дано было свыше трижды явление Божьей Матери, монастырский комплекс Прославление страстей Господних». За красоту природы Боково-Платово называют Донской Швейцарией, а если отправиться по маршруту «Королевские скалы Провальской степи», вы побываете в природном заповеднике в Свердловском районе, узнаете историю Провальского войскового конного завода, в храме во имя Святителя Николая Чудотворца.

Луганчане гордятся своим земляком Владимиром Ивановичем Далем. Здесь установлен ему памятник, создан музей, а университет носит его имя.

Книга о В.И. Дале – подарок от республиканской библиотеки имени М.Горького – «Дорогами судьбы В. И. Даля». Авторы-составители: Соколова Л. П., Кульбацкая Л.И., Безкровная А.А., ответственная за выпуск – Приколота О. В. Издана в Луганске в 2016 году. Коллективный труд научных сотрудников Литературного музея В.И. Даля, музея, прошедшего долгий путь к становлению и открытию.

Выдающийся лингвист, ученый, В.И. Даль прожил в своей судьбе несколько жизней: морская служба, медицинская деятельность, государственная служба, создание словаря, литературная деятельность, которая сверкает особой гранью – дружбой с А. С. Пушкиным. И эта многогранность деятельности, огромный человеческий потенциал даны были ему Луганской землей, где родился этот великий человек, подписывавшийся под своими первыми произведениями Казак Владимир Луганский. Луганчане, создав музей, заложили фундамент памяти о нем, или построили мост между предшествующими поколениями и будущими, по крупницам собирая материалы об учёном, писателе, лексикографе, этнографе, фольклористе, лингвисте, хирурге, естествоиспытателе, философе и моряке, общественном деятеле и дважды академике.

Владимир Иванович Даль родился 10 ноября 1801 года в семье доктора Луганского литейного завода. Он прожил 71 год, и из этих лет работал над «Толковым Словарем живого великорусского языка» 53 года, параллельно с другими видами его занятий. Создание «Толкового словаря живого великорусского языка» и сборника «Пословицы русского народа» сделало его имя бессмертным. Скромность и деликатность великого человека не позволила ему оставить подробных биографических сведений, но кропотливый труд коллектива музея бережно оформил собранную информацию, за что огромная благодарность этим поистине подвижникам, сотрудникам музея В.И. Даля, за научно-выверенные знания, за уникальное собрание книг, документов, предметов эпохи.

7. Птица Феникс

Продвигаясь в автобусе из Ростова-на-Дону к Луганску, преодолев границы, я внимательно рассматривала засеянные поля и неудобья, вглядывалась в далёкие горизонты, и нигде не было ни людей, ни деревень, ни встречного транспорта. Пассажиры в автобусе сидели тихо, не разговаривали друг с другом, только одна женщина тихо крестилась, стараясь делать это незаметно. А потом автобус нырнул по просёлочной узкой дороге в туннель лесопосадки, и вдруг впереди с правой стороны от автобуса я увидела яркую большую птицу с золотым и оранжевым оперением, сидящую на низкой ветке дерева. Услышав приближение автобуса, чудесная птица мгновенно исчезла в густой зелени ветвей. «Кто это? Что за красавица?» – взволнованно спросила я у ехавшего рядом через проход, замкнутого мужчины с дочерью лет пятнадцати, очень красивой девочкой, но грустной. Мужчина не очень охотно, но ответил, что это фазан, что их теперь развелось очень много, потому что никто не охотится, не ходит по посадкам, боясь мины или встречи с недобрыми людьми.

Мне вспомнилось, что согласно мифологии, фазан – это же наша легендарная птица Феникс, сгорающая в огне и вновь воскресающая, что для христиан феникс – это символ бессмертия духа, божественной любви и благословения, Бога-Сына, воскресшего на третий день после распятия. Так вот что предвещает возникшая в пути птица: возрождение Донбасса, возрождение из огня, из страданий и мук.

И все мои встречи, особенно в республиканской библиотеке имени М. Горького, личность Натальи Расторгуевой, её рассказы, восстановление объектов культуры в Луганске, встреча с ополченцем с позывным «Золотой», – всё мне напоминало о птице – символе Возрождения.

Человек с позывным «Золотой» сегодня седой. Еще с 2012 года он осознал, что надо защищать Украину от Майдана, неоднократно участвовал в антимайданных мероприятиях, работал в Партии регионов, организовывал только мирные акции, а в ответ его единомышленников забрасывали коктейлями Молотова. Съезд в Харькове 21 февраля 2014 года был разгромлен зомбированными людьми с молотками в руках. Когда он вернулся в Луганск, уже стояли палатки ополченцев возле областного Дома Советов. Он был в Европе, он видел двойную мораль и вырождение в виде однополых браков, поэтому, когда Крым провёл референдум, сказав: «Мы идём к России», в Донбассе тоже сделали свой выбор, приняв на себя удар всех русофобов, всех противников русской цивилизации, неофашистов. К ним поехали ополченцы из разных городов России, из славянских стран, потому что осознали угрозу для славянского мира. Сергей часто вспоминает этот рубеж, когда в Луганск ворвалась война, когда площадь около здания администрации в результате бомбардировки была залита кровью: «Я подъехал к зданию, а мне навстречу несут в одеялах куски тел». А по телефону сестра из Киева говорила: «Это ваши боевики выстрелили».

«Мы будем в ополчении, пока не победим», – решил Сергей. Не все могут быть бойцами, для этого требуется физическая и психологическая выдержка, устойчивость. У Сергея они есть и доказательством тому три государственных награды на его груди: «За боевые заслуги», «За мужество и доблесть», «За верность долгу».

После встречи с Сергеем мы идём с Марком Некрасовским и Андреем Черновым к памятнику защитникам ЛНР, туда, где формировалась её будущая армия, где стояли палатки первых защитников Русского Мира.

«Говорили, что здесь находились плохие люди. Это неправда, я тут был и стоял, – рассказывает поэт Марк Некрасовский. – Было холодно, но горожане поддерживали и приносили горячий чай, картошку, бутерброды». Напротив памятника через дорогу идет восстановление девятиэтажного здания, которое спасло многих людей, участников ополчения, потому что принимало на себя удары украинских войск, бивших из Каменного брода. Летели мины и снаряды, и не всегда эта «девятиэтажка» могла защитить. Марк Некрасовский написал стихотворение о том, как один мужчина закрыл своим телом ребенка:

День был такой погожий
Не умирать бы, а жить.
Телом своим прохожий
Младенца успел закрыть.

Плотью своей и кожей
Осколки сумел сдержать.
День был такой погожий
Не хочется умирать.

Миной лежит убитый.
Рядом убитая мать.
С властью теперь вы квиты –
Не будете «бунтовать».

Нас не поймёт европеец –
Что же мы за страна?
Надрывно плачет младенец.
Жизнь его спасена.

Стоя у памятника защитникам Луганска, мы смотрим на героев: ополченец, молодая мама с ребёнком, донской казак. Ненавистники ЛНР совершили теракт и подорвали памятник, казаку в бронзе оторвало ногу, но памятник вновь восстановлен, работают фонтаны.

Вода, как её не хватало летом 2014 года! За водой ходили в частный сектор, где были колодцы. Как-то появился на улице человек, который громко всем кричал, что завтра сюда привезут цистерну воды, приходите завтра сюда. И люди пришли, многие в последний раз. Ненавидящий бандеровец обрушил на них смертельный огонь. Об этой провокации написал Марк Некрасовский:

ПОХОД ЗА ВОДОЙ

Мины свист, и все застыли дружно.
Словно смерть нам прокричала: «Хальт».
Каждый знал: стоять совсем не нужно,
Но один я рухнул на асфальт.

Взрыв, и птицами летят осколки,
Мёртвых отделяя от живых.
Девушку узнал я по заколке
И не смог я опознать других.

Крепко бутылки обняв руками,
К маме прибежал домой с водой.
Мама с изумлёнными глазами:
«Ты ж, сыночек, стал совсем седой».

Я достаю из сумочки маленькие кусочки янтаря, и мы с луганскими авторами молча опускаем их в воды фонтана, в знак нашего литературного братания, духовного единства, общей судьбы, в знак торжества жизни, в знак того, что художественный мир луганских авторов оказался способным удерживать в себе живое, вписанное в мир и наивной красоты, и беззащитности, и доверчивости, и в нравственный выбор, за которым чистота и свет, мужество и Победа, возрождение из огня.

Часть 2. Донецк

1. Война и мир

Ранним утром 18 мая 2017 года я выехала на рейсовом автобусе из Луганска в Донецк. Пассажиры понемногу выходили, прежде чем мы достигли границы между республиками ЛНР и ДНР. Водитель бывалый, он каждый день рискует, потому что есть места, где автобус могут обстрелять ВСУ. Немного отъехав от Луганска, увидев мелькнувшую за окном огромную надпись на траве «Мир Луганщине», мы свернули на просёлочную дорогу. Водитель вёл автобус сквозь зелёный туннель, и ветки деревьев скользили по стеклам. Встречные машины попадались очень редко, и трудно было понять, как же они разъехались бы в случае встречи. Но иногда дорога расширялась, встретили во-

енную машину, иногда попадались старые легковые автомобили. У водителя автобуса на стекле висит множество иконок, а выше над головой – по краю лобового стекла – крупными буквами лозунг: «Всё то, что ты желаешь мне, Бог отдаст тебе вдвойне». Перед границей каждый вносит свои данные в список, предложенный нашим вождём – водителем автобуса. Он немногословен, речь отрывиста, и все понимают, что мы от него зависим. Ручка оказалась только у двух человек: у меня и у полноватой, но симпатичной девушки, которая ведёт себя увереннее всех. Она уже не раз ездила по этому маршруту, охотно объясняет женщине в чёрной кружевной косынке, горестно сообщившей, что едет на кладбище, где лежит её дочь, но в прошлый раз её везли, а теперь она едет сама – одна, и не уверена, где выйти. Остальные четыре пассажира изо всех сил старались быть незаметными, и у них получилось.

Проезжаем блок-пост Дебальцево. Тревожно, холодно на улице, кто-то из бойцов греет руки над огнём, горящим в металлической бочке. Вид разрушенных домов заставляет сжиматься сердце. Но вот мы едем дальше по улицам Дебальцева, и здесь пугают пустынные улицы, хотя дома целые, но людей не видно.

Чем ближе к Макеевке, тем окрестности веселее. В деревнях видны православные храмы, у домов цветут кусты сирени и ярко-синие ирисы, мужчины косят косой, а не бензиновой косилкой, траву у домов. Эти мирные картины как-то успокаивают, и я уже настраиваюсь на встречу с донецкими авторами. В «Берегах Новороссии» журнала «Берега» опубликованы были лишь три автора из Донецка, которых не видела в жизни, но ведь они мои друзья в фейсбуке: Владимир Скобцов, Ирина Горбань и Владислав Русанов, встречавший меня на автовокзале. Ему надо спешить на лекцию в технический университет, и он знакомит меня с Валентином Пехтеровым, везущим меня в гостиницу.

2. Раны большого города

Валентин – он же писатель Иван Донецкий – работает в психиатрической больнице. Это необыкновенно талантливый прозаик, глубоко интеллигентный человек, очень внимательный и предупредительный, открывший мне Донецк. Ещё раз переспросив, действительно ли я хочу поехать в опасную зону, он направил машину к Киевскому проспекту, в район Путиловки. Очень признательна, что благодаря ему, мне открылся и прекрасный, ухоженный Донецк, и я увидела стены жилых домов, побитых осколками, дома без крыш с пустыми проёмами окон, искорёженные металлические изгороди и калитки, раненые снарядами деревья. Он показывает мне музей, где видна величина заделанной свежим кирпичом дыры в стене от снаряда. Мы въезжаем на Киевский проспект, отсюда раньше начиналась трасса на Киев. Но вдали виднеется взорванный мост над путями железной дороги, а проспект перегорожен лежащими огромными бетонными столбами. Сюда не ходит общественный транспорт. Окна забиты, но люди живут; те, кто решил оставаться в своем городе, даже рискуя жизнью.

«Люди устали от войны», – рассказывает Валентин. Он говорит о приходивших на работу в его больницу женщинах с трясущимися руками, о психологической помощи контуженным и раненым, ополченцам и гражданским людям, женщинам, потерявшим своих детей, наблюдавшим разрушение зданий, пережившим отсутствие воды и электричества. За ветками цветущих каштанов Валентин показывает мне свежий прилёт карательского снаряда, от февраля 2017 года – чёрным пятном выглядывающую выгоревшую квартиру. И снова мы проезжаем по улицам с выбитыми окнами домов, хотя, как замечает Валентин, здесь ополченцы не стояли. «Со временем, – замечает мой брат по перу, – люди будут стесняться украинской национальности, когда откроются все крайне постыдные вещи. Зачем уничтожать Донбасс? Зачем уничтожать Россию? Зачем обеднять человечество?»

3. Аллея ангелов

Мы едем с Валентином к Аллее Ангелов, памятнику погибшим детям ДНР. Их два: в детском секторе парка, где стоит монумент в честь защитников Донецка в период Великой Отечественной войне, и в сквере у Дома детского творчества.

В ДНР за время ведения боевых действий от обстрелов украинских карателей по состоянию на конец августа 2015 года погибло около 70-ти детей. Сейчас их число перевалило за 150. В память этих безвинных жертв фашистской агрессии появилась Аллея Ангелов.

Металлическая арка украшена розами и голубями, высота – 2,5 м, ширина – 2 м. Присмотревшись, ты видишь, что между розами гильзы от крупнокалиберного пулемета. Четыре голубя – символы мира, ожидаемого на территории многострадального Донбасса.

На каменном прямоугольнике в алфавитном порядке высечены имена погибших в этой войне детей Донбасса, указан их возраст. Два ребёнка, ставших маленькими жертвами, возраста одного годика.

Ещё раньше я слышала имя кузнеца Виктора Михалёва, автора этого памятника. Его замысел потрясает: на середине арки висит символический колокол – гильза от 152-миллиметрового снаряда.

Памятник погибшим детям и мемориальные доски установлены в разных городах ДНР: в Горловке, в Дебальцево, в Кировском и во многих других.

Писатель и поэт Ирина Горбань, которая ведёт со своими коллегами проект: «Украина убивает нас» (<http://crimes.dnr-online.ru/?cat=30>) рассказывает на страницах рубрики истории семей погибших детей с фотографиями, с датой смерти и причиной гибели: везде – в результате обстрела ВСУ.

Есть специальная комиссия по фиксации и сбору доказательств военных преступлений украинской власти в Донбассе. Одна из членов этой комиссии Элеонора Федренко на открытии мемориальной доски в память о погибших детях в Кировском, произнесла: «Люди, помните, что мы были не согласны с киевской хунтой. У нас свое мнение. Они решили подавить наше стремление к свободе, за которую мы платим такой дорогой ценой».

Ирина Горбань рассказала о матери, готовой растерзать пленных украинских солдат, когда их вели по городу и мыли за ними улицу. Её держали за руки, но она вырывалась с плачем, пока не упала в обморок. Боль и горечь родных и близких *не поддаётся никакому измерению, описанию. Очень страшно, что это война нужна Порошенко и кучке его подчиненных, а украинский народ молчит. Они убивают жителей Донбасса, убивают детей, женщин и пожилых людей.* Председатель ОО «Молодая Республика» Никита Киосев обратился к жителям нашей планеты со словами: «Первого июня, в Международный день защиты детей, мы запускаем акцию под названием „Ангелы“, которая призвана привлечь внимание мировой общественности к гибели невинных детей Донбасса». Источник: <http://rusvesna.su/news/1496224841>.

Что-то мировая общественность не очень-то активничает! Ау, планета Земля, ты услышала?

4. «Трибунал» и «Белые журавли»

На сайте ДНР есть Рубрика «Белые журавли». Она ведёт счёт погибшим в Донбассе с фотографиями и историями их жизни и смерти – <http://cranes.dnr-online.ru/>

Вторая рубрика «Трибунал» рассказывает о военных преступлениях ВСУ, рассказы очевидцев. Характерна запись британца Кейрана Эшли Уолша, который в декабре 2016 года выразил впечатления от «командировки» на Украину: «Я расскажу вам про Украину и про проклятый Донбасс. Я был в Афганистане и Ираке и точно скажу, что здесь намного хуже».

«Украинские солдаты – ленивые ублюдки, хуже, чем афганская армия и иракская полиция. Схема „ты учишь их, и они становятся нормальными солдатами“, – не работает. Большинство из них — просто пьяные панки, абсолютно неконтролируемые. Работают, только пока за ними следишь. Оставь своё снаряжение на 5 минут — они украдут его. Они крадут всё, что могут: боеприпасы, оружие, снаряжение, еду, даже бензин и аккумуляторы», — рассказывает шокированный британец.

«Я думал, хуже не бывает, но потом я попал в Зайцево — маленькую деревню, которую эти болваны вот уже два года не могут захватить. Местные ненавидят военных, называют их „укронаци“. Украинцы же относятся к местным хуже, чем афганские полевые командиры», — заявляет наёмник, который, очевидно, приехал воевать за Украину без идеологической подоплеки, исключительно за деньги. «Пьяные украинские артиллеристы из тяжёлого вооружения стреляют так, будто они слепые. Они попадают во всё, кроме позиций противника. Безопаснее работать самому, чем с украинцами. Так тебя хотя бы не накроют свои же миномёты. Это буквально худшее место, где я бывал, и я не хотел бы туда вернуться», — завершает свой рассказ счастливчик, которому удалось бок о бок поработать с «сильнейшей армией Европы». <http://tribunal.dnr-online.ru/?p=22299>

5. Искусство – за мир

Виктор Михалёв – уникальный художник, перековывающий гильзы и осколки снарядов и мин в розы. Он не хочет войны, а Донецк всегда был городом роз, и им остаётся. Действительно, эта традиция выращивания и посадки роз сохраняется, несмотря на войну. Из осколков смертоносного оружия Виктор Михалёв выковал корону Российской империи, желая поднести в подарок В.В. Путину. Его выставка кованых роз с успехом проходила в Москве. Валентин Пехтеров ведёт меня в Парк кованых фигур. Парк очень ухожен. Множество всевозможных фигур, скамеек, воображаемых зеркал с реальными рамами. Кованое дерево с золотыми яблоками, животные, бог Гефест, кующий победу Донбассу. Кованое дерево с цветами и голубями с иконой Божьей Матери в середине. И везде кованые розы из осколочного металла. Красота, мастерство, изящество, уникальность идеи, сверхгениальное средство борьбы за мирную жизнь. Парк был открыт в 2001 году, когда здесь было установлено 10 фигур. С тех пор ежегодно он пополняется новыми и новыми фигурами и предметами. Беседка для влюблённых, Аллея знаков зодиака, Аллея сказок, Аллея арок, Аллея любимому городу, Аллея мастеров. Совершенно уникальным был фестиваль кузнечного искусства в 2014 году, когда в Донбассе шли боевые действия, и Донецк подвергался обстрелам. Но хотя бы на один день, фестиваль состоялся. Темой его стал «Голубь Мира». Поступили работы мастеров Австрии, Германии, Голландии, Израиля, Норвегии; городов России: Белгород, Калининград, Москва, Пермь, Санкт-Петербург, Ульяновск и другие. Гильдия кузнецов Донбасса учредила специальную награду — медаль «Кованый Голубь Мира», которую получили тринадцать участников (авторы эскиза Виктор Бурдук и Евгений Лавриненко). В парке гуляют люди разных возрастов: и для детей, и для пенсионеров, и для влюбленных – всем найдутся здесь прекрасные уголки для укрепления духа и души.

Рядом с коваными фигурами находится Царь-пушка – копия московского оригинала, которая появилась в Донецке в 2001 году. Царь-пушку изготовили на заводе Ижевска, ствол её выполнен из чугуна, а не из бронзы, и короче на 6 см, согласно распоряжению дирекции Музея-заповедника «Московский Кремль». Царь-пушка связана с историей кузнечного искусства. Она подарена Донецку в ответ на пальму Мерцалова, которая является символом Донецка, изображена на гербе Донецкой области. Но не надо путать с гербом ДНР, который представляет собой серебряного двуглавого орла, поднявшего вверх распущенные крылья. На груди орла — в червлёном щите Святой Архистратиг Михаил в серебряном одеянии и вооружении и чёрной приволоке (мантии), с лазоревым мечом и серебряным с золотыми краями щитом с золотым крестом.

Пальма Мерцалова (высота 3,5 метра) была выкована из рельса в те времена, когда нынешний Донбасс был Новороссией и относился к России, в 1895 году – кузнецом Алексеем Мерцаловым, награжденным премией Гран-при на Парижской промышленной и международной выставке 1900 года. Выкована она на металлургическом заводе, который назывался тогда «Новороссийским обществом каменноугольного рельсового и железного производства». Копия пальмы Мерцалова расположена возле здания областного краеведческого музея, а оригинал пальмы хранится в Санкт-Петербурге в музее Горного института. Эта пальма из стали – уникальна, создана без каких-либо соединений и сварки. Вес 325 кг, а диаметр листьев – 2, 5 метра, всего 10 листьев. На создание её Мерцалову, который никогда не видел настоящих пальм, а смотрел на открытку, понадобилось три недели.

6. «Золотые страницы истории»

В Донецке меня ожидала встреча с журналистом и поэтом Мариной Бережневой, которая подарила сборник «ДНР. Хроника событий». Это книга – хроника первого года ДНР в фактах, фотографиях, цифрах, интервью, издана в Донецке в 2015 году. Описанные события охватывают временной промежуток с 5 апреля 2014 года по 11 мая 2015 года месяц за месяцем, выделяя самые страшные и значительные победные дни. Это бои между ополченцами ДНР и ВСУ, обстрелы города авиацией ВСУ, гибель и взрослых, и детей, мирных жителей, повреждение электроподстанций, обстрел больниц и детских садов, повреждение водоснабжения, победные движения ополченцев, остановленные «минскими соглашениями», прибытие гуманитарных конвоев из России, открытие бизнес-форума, открытие театрального сезона, акция «День белых журавлей» в честь павших героев Донбасса, ина-

угурация Александра Захарченко, особенно жестокие обстрелы ВСУ в январе 2015 года, Минск-2, презентация первого сборника поэзии ДНР «Мой город охрип от молитв», парад в честь первой годовщины ДНР и множество других событий.

Вторую часть книги составляют интервью как с первыми лицами ДНР, так и с ополченцами, людьми с активной жизненной позицией, как, например, с Людмилой «Дед Мороз», ополченка с поэтивным «Лоза» и др.

Марина Бережнева, сменившая на посту Министра информации ДНР Елену Никитину во время реабилитации после тяжёлого ранения, рассказывает о происходившем на Майдане, как о работе профессионалов революций, как срежиссированное и управляемое действие, чтобы сломать Украину, совершившую непоправимую ошибку. «Мы, Донбасс, немного другие – говорит Марина. – Мы не готовы покоряться тем людям, которые перечёркивают наше наследие, наше прошлое. Самые маргинальные элементы украинского общества сейчас получили почти абсолютную власть, вседозволенность. Люди впустили в свои дома безнаказанность и цинизм. Мы сделали великолепную вещь. Мы показали всему миру, что мы готовы решать все вопросы законно. Мы противопоставили скачкам и хулиганским действиям легитимную власть. Второго мая в Одессе показало откровенно фашистскую, садистскую сущность того, что называется сегодня украинской властью. Шутки о «жареных колорадах» всё о ней сказали. Эта власть сама рухнет под собственной тяжестью». Владимир Скобцов – поэт и бард, один из создателей Союза писателей ДНР, музыкально-поэтического фестиваля «Большой Донбасс» – назвал стояние Донбасса «золотыми страницами истории человечества, истории Русского мира».

7. Союз писателей ДНР

Не знала, что приедет в Донецк, отвлекшись, от ратного дела, председатель Союза писателей ДНР, но рада познакомиться с Фёдором Дмитриевичем Березиным. Он родился в 1960 году в Сталино, тесно связан с новейшей историей Донбасса. Он был помощником коменданта города, заместителем министра обороны ДНР по промышленности в период И.Стрелкова, работал с Бородаем, был депутатом Парламента Новороссии. Он профессиональный военный, окончил Энгельское высшее зенитное ракетное командное училище в 1981 году. До сих пор в рядах армии ДНР – замполит в танковом полку. Его поэзией – «Чапай»; думаю, что не только из-за усов, а из его стремления к лидерству и активности. Мне было приятно, когда на улице Донецка к нему обратилось два подростка с просьбой пожать руку. Он молча её протянул и ничего не сказал на благодарность двух мальчишек лет 15.

Меня пригласили на заседание Клуба писателей-фантастов «Странник» в Донецке. Федор Дмитриевич стартовал в качестве писателя-фантаста в 1998 году. Он автор 15 романов и множества наград за научную фантастику, критики относят его то к турбореализму, то к родоначальнику русского фантастического технотриллера в жанре альтернативной истории и поджанра – «фантастико-философского технотриллера». И хотя я далека от такой литературы, меня убедили на заседании клуба, что без фантастики у нас нет будущего.

Фёдор Дмитриевич рассказал о тех трудностях, какие испытывали ополченцы с оружием в 2014 году, о его опыте самостоятельного изготовления пушек, о том, как удалось завести машины, которые по 30 лет стояли, что, несмотря на массированное применение авиации и крупнокалиберной артиллерии ВСУ, он уверен: «Мы ведем национально-освободительную войну, мы победим».

СП ДНР был образован в ноябре 2014 года, в самое тревожное время. «Пушки не молчали, и музы – тоже, рассказывает член СП ДНР Георгий Савицкий. – В зале СПР собирались люди, читали стихи, посвященные войне и тому, что пережили. А в это время гас свет, как на подводной лодке. Раздавались взрывы мин и снарядов украинской артиллерии. Обстреливали центр города. К весне ВСУ были оттеснены. Но даже сейчас сохраняется опасность атак правосеков, чтобы уничтожить ДНР. Ведь мы угроза существования самой украинской власти, потому что мы являемся альтернативой ненормального развития общества, как на Украине. Культурная жизнь у нас развивается. Россия помогает в реализации гуманитарных проектов. Сборник авторов Донбасса «Час мужества» был представлен в Государственной Думе РФ. Потом был напечатан сборник «Я дрался в Новороссии», издательство «Яуза», Москва. Нам помогают различные организации гуманитарного плана,

предоставляют нашим авторам площадку для обмена мнениями. Россия нас поддерживает, чтобы прорвать гуманитарную блокаду Украины, чтобы рассказать, что Донбасс жив, что он сражается и живёт полноценной творческой и культурной жизнью»

У СП ДНР есть свой сайт, он выпускает литературные листовки: «Слово поэта – победе», где представлены стихи поэтов Донбасса, Крыма, начиная со школьников и заканчивая маститыми поэтами.

Я хочу сказать слова благодарности за встречу Ирине Горбань, Ирине Бауэр, Ивану Донецкому, Владиславу Русанову, Валерию Герланцу, Наталье Литвиненко Екатерине Булах (Екатерина Анатольевна Полеводова), члену правления СП ДНР. Её книга «Отпуск в другую реальность» говорит о ценности настоящей жизни и людей, которых мы любим. Анна Ревякина – поэт, автор пяти поэтических сборников, автор поэмы «Шахтёрская дочь, где главная героиня Мария: «Эта девочка достоверная, //Как война, что в моём окне...»

Анна Ревякина смогла создать обобщенный образ детей войны:

А мы войны святые дети,
А мы войны священный крест,
Несём и, в общем-то, не ропщем,
И в ополченье из невест
Уходим через эту площадь....

Просто находка сборника – иллюстрации к книге – лики войны, выполненные донецким углём.

И в заключение ещё одно свидетельство волшебной человечности и доброты дончан: на встрече в помещении Союза писателей ДНР меня покорила такой эпизод. Приятная молодая женщина принесла мне в подарок пирог с творогом. Увидев моё смущение, она сказала, что она не автор, а просто читательница. Русский человек – это поистине человек небесного порыва, с большим сердцем, излучающим свет.

Вспоминается стихотворение Юрия Макусинского (Санкт-Петербург) из сборника «Выбор Донбасса»:

Знаю – слёзы, долги, пелёнки,
Муж, воюющий спозаранку,
Не котлеты на завтрак – пшёнка,
Не хоромы порой – землянка.
Взгляд пленительный, голос звонкий,
Гибкий стан, шёлк волос – славянки!
До чего же милы девчонки,
Наши верные однополчанки!

И вновь в Донецке мы скрепили литературное братство, прикуривающее от «дымящейся строки». Мы опустили в донецкие воды городского фонтана маленькие кусочки янтаря, рожденного солнцем в Балтийском море, отдавая себе отчёт в том, что мы одной судьбы, что плотность смыслов нашего братания слишком велика, что мы принадлежим к одному народу, к одной цивилизации и священно верны ей.

8. Мы есть друг у друга

При огромной поддержке России по разным программам в ДНР сейчас происходят глобальные процессы по строительству нового государства, которое социально ориентировано. Развиваются все аспекты общественной жизни, культура, спорт. Многие спортсмены, творческие коллективы ездят в Россию и завоёвывают призы, награды. Это объединяющие факторы русских людей и жителей Донбасса.

За три года здесь произошли колоссальные перемены, в частности, в экономике, в промышленности: в тяжёлой металлургии, в горнорудной промышленности, на шахтах, в тяжелом машиностроении. Продукция ДНР востребована. Украинские СМИ внушали мысль, что Донбасс – убыточный регион, но это не так. Он обладает главным – промышленно- производственными активами. Продукция тяжелого машиностроения – это высочайшее качество, признанное во всем мире. Месяц назад Александр Захарченко участвовал в открытии национализированного предприятия – Сталека-

натный завод. Он известен тем, что выпускал канаты для Останкинской телебашни. Продукция его известна во всем мире. Она используется для подъемно-транспортного оборудования различного назначения. Раньше, при украинской власти, этот Сталеканатный завод был поглощён олигархом из Одессы. Они закрыли большинство цехов, опасаясь конкуренции. Сейчас он национализирован и передан под управление республики. Уже есть масса заказов: для Макеевских шахт, для РФ. Это не единственный пример возрождения после кризисных условий восстановления промышленности Донбасса. Даже в состоянии войны в Ясиноватском на машиностроительном заводе выпущено шесть горнопроходческих комбайнов, отправленных в Казахстан и в Россию. В этом году уже собрано 3 комбайна. Рынки сбыта есть, промышленность функционирует.

ДНР берёт все лучшее от РФ. Развивается нормативно-правовая база, с использованием тенденций международной правовой базы. Работают все органы законодательной и исполнительной власти, работает полиция, МЧС, силовые структуры. Идёт разминирование территории, освобождение земли от мин, от снарядов к автоматическим пушкам, снарядов «Карусели», к ствольным и танковым гранатомётам. Это ли не символ возрождения республики?

Что касается карательных операций ВСУ – за преступление против мирного населения, за его физическое уничтожение – рано или поздно ждёт трибунал.

* * *

Круг поездки, путешествия, паломничества завершился. Я дома. За семь дней за спиной около пяти тысяч километров: Калининград – Москва – Ростов на Дону – Луганск – Донецк – Ростов на Дону – Москва – Калининград.

Сев в самолет Ростов-на-Дону – Москва, стала ловить себя на мысли, что я хочу заплакать, но не смогла. Батарейки истощились в телефоне и в айпаде, но я – нормально. Я чувствую то тайное, невидимое единство русского мира, о котором мы часто не подозреваем, но оно есть, и мы, Россия и Донбасс, есть друг у друга.

Часть 3.

«Мы из одного окопа»

***О книге «Выбор Донбасса». Литература народных республик.
Альманах Союза писателей ЛНР. – Луганск: Большой Донбасс, 2017. – 672 с.***

Презентация нового сборника прошла по разным городам Донбасса. Это событие в мире современной русской художественной литературы. Возможно, пройдёт время, и эта книга будет отнесена к духовным сокровищам мировой культуры, отражающей уникальный опыт человеческого духа: «жертвенное стояние» против расчеловечивания человека.

«Выбор Донбасса» – это художественное свидетельство единства русской цивилизации, стремления к миру, творческому созиданию, любви и счастью людей, преодолевающих немислимые физические и психологические нагрузки, теряющих детей и стариков, но сохраняющих мужество и достоинство.

Во вступительной статье к сборнику Владимир Олейник – редактор сайта современной военной литературы *okorka.ru* – отмечает, что «на дома непокорных донбассцев с запада полетели не только снаряды и мины», но и «лавины лжи», поэтому литература взяла на себя миссию: выражение смысла происходящего, как «сокровенное свидетельство человеческих душ и сердец», «трагизма и драматизма жизни», но главное – «тектонического сдвига» в сознании людей, понимание их общности и единства судьбы.

Для телеведущего 1-го канала Артёма Шейнина, писателя, ветерана-афганца, благодаря содействию которого книга «Выбор Донбасса» появилась на свет, оказалось делом чести – помочь в осуществлении этого проекта: «В сборнике участвуют мои товарищи, друзья. Герои Киплинга говорили, что они «одной крови», а мы – из одного окопа. Из одного литературного окопа. Если понадобится, то и в настоящее время будем прикрывать друг друга огнем».

1. «Сокровенное свидетельство»

В первой части сборника «Поэзия» среди сорока авторов я бы выделила, прежде всего, стихи Владимира Скобцова (Донецк), яркой личности. За творчеством его давно слежу с неизменным уважением, разделяя мнение Юнны Мориц, давшей ему определение «Орфей Донбасса». Это не просто сострадательное отношение к горестям своей земли, словесное сжигание души, из этого огня, по выражению поэта – «вселенского костра», внутреннего горения рождается спасительное для утверждения жизни и мира желание бороться, проявляя участливость, но не смирение.

Его «Братишка» – обобщённый образ человека, жителя Донбасса, кто не «скрутился в бараний рог», не пытался изловчиться, не смог покинуть свою землю, когда началась война, кто не смог «идти стороной», кто был со своими земляками, не ища славы, наград, денег, и кому многие бы сказали: «Я б так не смог!»

Пережив «Тысячу дней войны», герой стихотворения истосковался по мирной жизни:

Мир – театр, а Донбасс – тир.
И мишенями в нём мы.
Где-то есть, говорят, мир.
На него посмотреть бы.

Но война продолжается, «смерть шустра», и ей противопоставляется братство, прикуривающее от «дымящейся строки», братство живых с мёртвыми, умершими за то, чтобы у оставшихся на земле была Родина.

Лирический герой стихов Владимира Скобцова в земном неустройстве ведёт в какой-то ироничной интонации диалог с врагом в вышиванке, несущим Донбассу смерть:

Знать, поверили, граждане, вы не в то,
Бизнес-классу не выйти в знать.
Мною небом делиться принято
И не принято торговать («Мария»).

В стихотворении «Донецкая Иордань» жители Донецка исполняют Божье предназначение – быть «крещёными огнём», стоять насмерть, чтобы не дать неонацизму охватить планету:

Трещит земной оси истёртый ворот,
К Всевышнему дончанам по пути.
Здесь, на оси земной, стоит мой город,
Земле с орбиты чтобы не сойти.

Духовная позиция автора в русской традиции нашей литературы – вопрошать к Всевышнему за других, – особенно отчётливо прослеживается в стихотворении «Горловская мадонна», где мать, молившаяся о счастье своей девочки, гибнет вместе с ребёнком от мины, пущенной украинским солдатом, жестоко, цинично и бесчеловечно заявляющим:

И молитвы ваши бесполезные,
И беда со слухом у Всевышнего.

Сокрушённость, мольба, гнев, негодование, скрытая вина, боль потерь ничем не уравновесить, как только ответить на беззаконность действий врага его уничтожением, полной победой над ним.

Не оставляют равнодушными стихи жительницы ДНР Марины Бережневой. Обнажённо-русская мысль о единстве с теми, кто был так близок, а теперь его нет рядом, как писал Николай Рубцов: «И близких всех душа не позабудет», так у Марины Бережневой рождается из-под пера «столпотворение звёзд, перемешанных с душами близкими». Память – это то, что не проходит, вопреки Соломону. «Безумие раскинуло свои сети», охватила «всеобщая беда», «дымы отчизны собирая комом» в горле, но найдутся те, кто обязательно «сложит саги» об увиденном хрустальными, евангелическими словами, стоя над «осыпью усталой штукатурки».

«Мы попали в сезон мировой шоу-битвы», – пишет Людмила Гонтарева. За что? Почему? «Снились алые паруса, оказалось – земля кровоточит», наливается «немою болью», «великан-мельница с треском ломает копыта наивные дон кихотов»... Война – это когда дом уже не является крепостью, когда, как рассказывали мне луганчанки, выходишь на улицу, одеваясь во все чистое, на всякий случай, в нём уйти, если внезапно у тебя ВСУ отнимут жизнь. Запечатлеть в слове все чувства, все

переживания бытия на войне – задача поэта, которую никто перед ним не ставил и не ставит, но рождаются строчки, «дарованные небесами»:

От перегрузки и увечностей
Стих разбивается порой,
Чтоб стать в конце начала вечностью,
Шагами, шёпотом, травой...

В таких условиях душа быстро зреет, и характер уже можно определить одним словом, как у Владислава Русанова: донбасский, повторяющий: «А мы всё-таки выживем». И когда проходит артобстрел, он видит себя лежащим на земле, «обнявшим Донбасс пошире...»

Поистине народом-богатырём, народом – могучим гигантом предстают жители Донбасса в творчестве Елены Заславской:

Здесь есть место
Для подвига и для мести.
Наведи свой зум –
Поглядим на звезду
Бетельгейзе вместе,
Мой команданте!
Когда же она взорвётся,
То вспыхнут в небе два солнца!
Потому что таким, как мы,
Одного мало!

Многие авторы в своих поэтических творениях прибегают к Молитве в стихотворной форме. В поэзии Натальи Лясковской, противопоставляющей себя теплохладности, нравственным отщепенцам, не знающим Родины и веры, не ощущающими себя частью большого целого – русской цивилизации – ее лирический герой говорит:

И отсюда, из русской столицы,
Вспоминая любимые лица,
(в сердце светлая боль, в горле – ком),
Припадаю к иконам, как птица:
Да укроет родную землю
Божья Матерь Цветастым Платком!

2. Окликнуть Родину по имени

Львиную долю сборника «Выбор Донбасса» занимает **проза**, которая открывается новеллой Николая Иванова «Свете тихий». Главная героиня – бабушка Зоя, партизанка, кавалер ордена Красной Звезды, бригадир колхоза, хранящая у иконы грамоты за свой беззаветный труд, достигла 90-летнего возраста. Каким способом окликнуть Родину по имени? Опытный мастер психологической прозы, Николай Иванов делает это не только кратким именем, но и образом высокой нравственной чистоты. Героиня новеллы пережила трагические события в её жизни: потеря детей, а потом её последняя надежда и опора – внук – гибнет среди защитников России в горячей точке. Её возраст извиняет куда-то пропадающую фрагментами память, но, возможно, это не возраст, а причина совсем в другом – это нежелание помнить непереносимое личное горе. Друзья внука приезжают в деревню, чтобы помочь бабушке Зое переехать в Дом ветеранов. Прощание с односельчанами, вручение им подарков – пронзительные сцены русской правды и русского понимания жизни. Городским жителям, возможно, кажется, что исчезло это трепетное ощущение соборности, взаимоподдержки, теплота сердец, а здесь – вот оно, никуда не уходило. Есть мир Божий, который больше самого широкого представления о нём и первичнее. Родовое чувство полнит кровь героев новеллы, живущих на земле, которую любят и чтут. Светлое чувство правды писателя ведёт нас к мысли о подобных жителях в тысячах деревень России, ждущих, чтобы их рассыпанность соединилась из отдельных частей воедино, чтобы мы все, наконец, поняли: мы все друг у друга есть.

О тайном единстве нашем, о котором мы тоскуем, не понимая, что оно у нас есть, – рассказ «Две затяжки» Ирины Горбань, взявшей сюжет спасения молодого ополченца, совсем ребёнка, убежав-

шего от матери, чтобы защищать свой край. Серёга гибнет, не успев ни разу выстрелить, от рук снайпера, но поведение его однополчан – это залог победы высоты над низостью.

«Донецкий реквием» Ивана Донецкого – это поэзия чудесной, счастливой, глубоко, верно, преданно любящей семьи, в одночасье уничтоженной взрывом снаряда. Ничем не заменить её оставшемуся в живых мужчине. До войны и сейчас – два мира, между которыми пропасть потери самых прекрасных, самых любимых людей: жены («она была для меня нежнее матери, она сдувала с меня пылинки»), дочери и не успевшего появиться на свет ребёнка. Герой, от имени которого идёт повествование, как будто попал на быстрину порожиистой реки, потеряв возможность выбраться на спасительный берег. Читательское сердце и ум ловят себя на отсутствии узнавания этого безумного мира, где мирно спящие милые, чудесные люди гибнут в результате разрыва снаряда, пробившего стену жилого дома, пущенного ненавидящей рукой карателя, за спиной которого криминальные олигархи Украины, а за этим холопско-европейским миром – античеловеки-глобалисты. Такие произведения как «Донецкий реквием» – это серебряная пуля Слова на сатанинского зверя, поселившегося на украинской земле.

Отдавая должное таким авторам, как Ирина Бауэр, Владимир Спектор, Александр Сурнин, Андрей Кузнецов с его потрясающим рассказом «Ангел на плече», как Вениамин Углев (Ростов-на-Дону) с повестью «Апогей страха» и многих других отличных авторов, я бы хотела отметить «Украинские хроники» Андрея Кокоулина из Санкт-Петербурга. Украинский корреспондент Телицкий попадает в зону АТО (антитеррористических операций), как принято называть Донбасс на Украине. Встреча со Свечкиным, человеком «со светлыми, тёплыми глазами», ухаживающим за бессильными стариками по собственной воле, – никто не просил, сам так решил, – заставила Телицкого думать о Свечкине как о блаженным. Но затем общение со Свечкиным перевернуло сознание Телицкого, так как его новый знакомый со стыдом вспоминает своё прошлое: «Пил я тогда много. Поймали, мобилизовали, оформили, приставили подносчиком снарядов. Мне что? Майдан. Свобода. Украину не любите? Ночью лупим куда-то, днём пьём. Как в дыму...» Свечкина как будто ударило током, протрезвило то, что случайно он забрёл в пыточную и увидел человека с отошедшей от ударов кожей. «В голове только: Ну, зачем же вы так, суки? Ведь не звери мы.. Не звери...» И окончательно Свечкин стал понятным Телицкому после слов: «снял Всеволода с верёвки, перевязал, завалил на себя и попёр его в ночь, пока не наткнулся на разведчиков».

Телицкий мучительно рассуждает сам с собой, испытывая душевную боль. Особенно остро герой «Украинских роник» её ощутил, позвонив в Киев своей матери, целыми днями не отрывающейся от телевизора, задавшей вопрос: «Где ты, сынок?», и сказавшей после ответа, что он в Донбассе: «Убивай их, сынок, они другие...».

Телицкий проходит весь ад нестерпимых условий жизни на войне, а она, эта война, становится воспитателем его чувств и мировоззрения. Общение с жителями Донбасса напитывает его человеческую душу, его сердечный мир, изменяет его судьбу, и когда Свечкин посоветовал ему ответить себе на вопрос: «Кто ты?», «Телицкий ...ощутил себя вдруг частью русского мира...»

В итоге, не имея возможности уделить внимание каждому автору, хотела бы подчеркнуть, что присутствие авторов «Выбора Донбасса» в русской литературе, их незаживающие сердечные раны и ссадины – это духовные контуры современной России, Русского Мира, метафизического пространства великого, благородного, спасительного для планеты людей.

3. Ложные вехи и государство социальной справедливости

В третьей части сборника «Выбор Донбасса» – «Драматургия» – опубликованы четыре автора. Рубрику открывает пьеса Юрия Юрченко (Москва) «Свидетель». Легендарная судьба автора, поехавшего в Донбасс в горячем 2014 году и попавшего в плен, широко известна. Его потом обменяли. На вопрос, зачем он, выпускник Сорбонны, туда поехал, он ответил: «Невозможно было смотреть, как погибают дети, женщины. ...Они трагедией в Одессе мобилизовали всех добровольцев, на девятую часть процентов. Но когда это стало происходить в Славянске, а это наш исторический форпост... И бьют твоих соотечественников, убивают, таких же русских людей...»

В пьесе «Свидетель» Юрий Юрченко свидетельствует о жестокостях и издевательствах в плену: тыканье столовой вилкой в глаза, в шею, в бок, удары лицом о стену, избиение прикладом автомата

в лицо, привязывание к танку (не буду далее перечислять подлости, чтобы пощадить читателя), о тех офицерах ВСУ, кто работал на ЦРУ, о собирающих коллекцию «самых изощрённых пыток Востока и Азии», об изучающих методы и приёмы разведслужбы Израиля по отслеживанию и уничтожению своих врагов, о ведущих картотеку тех, «кто сотрудничает с сепаратистами, добровольцами, поехавшими в Донбасс из других стран».

Главный герой пьесы Юрий Горбенко, оказавшись в плену, записывает: «Они остаются карателями, бандеровцами, «украи», врагами. Но у этих внезапно приблизившихся врагов, в отличие от тех, прежних, сливавшихся в одну безликую толпу, скандирующую «Героям – слава!», начали проступать, вдруг, лица, глаза, голоса, улыбки. У них были такие же, как и у ополченцев, позывные – Марк, Артист, Котик, Седой». Но другое сознание, искалеченное пропагандой. Избывая пленных, они как будто демонстрировали какой-то пролом в миропонимании с отверстой раной, через которую втекала ненависть к России, непонятной и страшной для них. «Ложные вехи», расставленные в ничтожной метафизической весомости, раздробили что-то в глубинной организации украинца, ставшего апокалиптически: «и жалок, и нищ, и слеп, и наг» (Откр., 3, 17)

«Коктейль для москаля» – иронический фарс в одном действии Влада Суворова (Ярославль) – фрагменты жизни в зомбированной Украине, с её жадностью к деньгам, правосеками с балаклавой на голове, неустойчивостью моральных принципов, отрезвлении представителя молодого поколения, уезжающего в Москву.

«Конвой» Константина Ковригина (Симферополь) – это приезд гуманитарной помощи к разрушенному дому, где случайная встреча молодых людей и несмотря ни на что объединяющая их спасительная красота природы и искусства, вселяют надежду на то, что жизнь будет продолжаться, как нечто новое, но плюсуемое к тому стоящему, светлому, порядочному, что было до войны.

Пьеса Глеба Боброва (Луганск) «Миронова проба» относится к мирной жизни, привлекая пристальное внимание к сложному внутреннему миру юноши, ученика 11 класса Артёма Гайтанина, предложившего проект на государственный грант – восстановление могилы сброшенных в ствол шахты фашистами во время Великой Отечественной войны шахтёров и их семей на терриконе «Мирон». Преодоление, казалось бы, непреодолимых препятствий, – это оказалось для молодого человека «строительством себя», мужанием перед новыми задачами, которые поставит жизнь. Приходит день, когда «террикон уже сплошь покрыт зазеленевшими саженцами и кустарником, На вершине стоит устремлённая ввысь белоснежная стела, увенчанная красной звездой. Монумен у подножия стелы пылает свежей бронзовой краской». Не только для Артёма, но для всей школы, для города, области это становится событием, когда приходит понимание: «...мы вернули малую толику справедливости». Это событие вписывается в новый контекст строительства в Донбассе нового типа славянского государства – социально справедливого, контекст которого расширяется в пределах русского и славянского мира. Украина принципиально не хочет видеть духовную линию, идущую из прошлого в будущее, приобретающая хватки мародёра, обирающего покойника, сыпая в мешок пластиковые полоски американских банков, примеряя чужие одежды, намеренно отравленные.

В заключение хочу сказать, что после знакомства с некоторыми авторами живую в Донбассе и с незнакомыми в сборнике «Выбор Донбасса», предстающими то волевыми и упорными, то нежными, с тихой мольбой ко Всевышнему, – эти имена звучат для меня сегодня волшебными звуками, «в сердце светлая боль, в горле – ком»...

Берега культуры и искусства

Валерий Старжинский

Старжинский Валерий Павлович родился в 1950 году в д. Замошье Слуцкого района Минской области. Окончил с отличием физико-математический факультет Минского государственного педагогического института имени А.М. Горького, аспирантуру на кафедре философии Белорусского политехнического института, докторантуру при Институте философии и права академии наук Республики Беларусь. Работает с 1993 года – профессором кафедры философских учений БНТУ, член экспертного совета Парка высоких технологий Республики Беларусь.

Работает на стыке физико-технической и гуманитарной культур. Сфера научных интересов: философские вопросы квантовой физики; гуманизация инженерного образования, разработка и применение конструктивной методологии в образовании и воспитании личности, методология инновационного развития и модернизации; проектирование информационно-коммуникативных систем безопасности.

Автор более 400 научных и научно-методических работ, в том числе 14 монографий и 4 изобретений. Публиковался в следующих изданиях: Вопросы философии, Философские науки, Стандарты и качество. Белорусская думка, Наука и инновации.

Принимал участие в разработке концепции Парка высоких технологий РБ. Им разработана и внедряется педагогическая технология «Антиплагиат». Разработана система «Антикоррупция» – применение метода профилактики ошибок FMEA для диагностики нормативно-правовых актов на коррупционный риск. Разработан и частично внедрен в практику проект «Вежливый водитель» – применение концепции позиционирования позитивных ценностей для повышения культуры вождения автотранспорта. Автор и участник телепередач Ток-шоу «Такова судьба» по проблемам воспитания культуры у студенческой молодежи: «Хамство на дорогах», «Гражданские браки», «Ненормативная лексика», «Школьный буллинг» и др.

Ненормативная лексика: победить, нельзя смириться.

В БНТУ – главной кузнице инженерных кадров страны, давно ведётся борьба со сквернословием, пьянством, хулиганством и другими пороками. Лет пять назад было опубликовано ряд статей на тему «эпидемия бездуховности», проводились «круглые столы» на потоках и в общежитиях с участием аспирантов и студентов. И в этой борьбе приобрели даже республиканский опыт – на ОНТ был проведён ток-шоу «Выбор» по нашему сценарию и с участием наших студентов на тему «Является ли мат явлением культуры». Казалось бы, порок побеждён. Однако рано бить в литавры и праздновать победу Эпидемия бездуховности и ненормативщины опять стала проявлять себя. Мат опять зазвучал во весь голос на территории, в фойе и даже иногда в аудиториях. Пока такая ситуация возможна лишь в отсутствие преподавателя в аудитории. Но это только пока. Как всякой эпидемии, эпидемии бездуховности свойственно разрастаться, увеличивая свой ареал. К сожалению, нецензурная брань, свободные отношения между полами, курение, заплёванные полы, употребление спиртных напитков – вот далеко не полный перечень проявления невоспитанности, необразованности и распущенности наших студентов. Распитие шампанского (символ победы и праздника) в туалете (отхожем месте) – апофеоз дикости и бескультурия.

Причины ненормативщины. Молодые люди по природе своей динамичны, и их радикализм зачастую перехлёстывает через край, поэтому иногда это принимает крайне уродливые формы и выражается в попирании элементарных правил приличия и общепринятых норм общения. Если раньше мат произносился на низких тонах, оратор приглушал звук, щадя уши (и души!) случайных слушателей, то теперь стал полноправным средством общения. Причём речь идёт не об эрзац-

ругательствах – словах типа «нафиг» «блин» и т.п., а о самой настоящей неприлично-гнусной брани с употреблением слова «мать». Но не будем идеалистами, применение ненормативной лексики – удел не только школьников и студентов. «Обкладывают матом» вышестоящие менеджеры жестокости в присутствии подчиненных, нецензурно выражаются пассажиры общественного транспорта, ругаются спортсмены и милиционеры и даже артисты со сцены. Короче, нецензурная лексика становится эпидемией.

А между тем, мат (бранные слова) легитимен на войне, которую так и называют – поле брани. И уж совсем своим мат чувствует себя в «зоне». Другими словами, мат – это язык войны и криминалитета. И что же происходит с обществом, которое опускается до вульгарщины и нецензурщины как легитимного языка общения? Увлечение «прической под зека», татуировки и у мальчиков и у девочек, употребление тюремного сленга, романтизация профессий проститутки и киллера – явления одного рода – отрицание традиционных позитивных ценностей, жажда «перемен» и свободы, переходящая в культурный беспредел.

Пытаюсь выяснить у студентов, которые не применяют сквернословия, почему они этого не делают. И только один из десяти отвечает: «Мат – это неприлично». Другие этого не понимают. Или лукавят? Что значит «соблюдать приличия»? Это значит, человечество выработало правила, нормы, согласно которым есть действия, которые нельзя осуществлять «при личинах (лицах)», других людях – публично.

Остановимся подробнее на рыночных корнях нецензурщины, которые для краткости можно назвать девальвацией (понижением стоимости, значимости) духовных ценностей—вульгаризацией. Истоки последнего – рыночный прагматизм. Закон выживания частно-собственнической структуры – «Всё должно быть подчинено главному – получению прибыли» переносится на общество, в том числе на духовно-нравственную сферу. Антикультура подвергает сомнению ценность и универсальность общечеловеческих принципов – таких как добро, правда, красота, справедливость. Другими словами, культура, духовность, воспитанность – это якобы изобретение чистоплудно-интеллигентов. Главное – деньги, успех, а остальное ...купим. А нет?! Нельзя купить счастье, здоровье, успех, творчество, любовь и любящих тебя детей и многое, многое другое.

Как известно, эпидемия развергается на «непривитой среде». С крушением коммунистической идеологии «прививочная» работа в сфере духовности и борьбы с вульгаризацией была приостановлена, неоправданно разрушены структуры управления идейно-воспитательной работой на всех уровнях. Процесс воспитания стал осуществляться спонтанно, стихийно и практически неуправляемо. В результате этого, а также под воздействием идеологии криминала, культивирования негативных принципов и норм произошла деформация системы ценностей, основанной на идеалах коллективизма, бескорыстного служения Родине, духовности, честности, патриотизма. Индивидуализм, меркантилизм, жажда наживы, достижение успеха любой ценой, игнорирования не только общечеловеческих ценностей, но и элементарных правил приличия – «ценности», которые порождает идеология криминала и питает ненормативное поведение.

Как победить порок. А сейчас обратим внимание на заголовок статьи и правильно поставим запятую, ибо, как известно, возможен и другой вариант написания аналогичной фразы «Казнить, нельзя помиловать».

При обсуждении этой проблемы иногда можно слышать: «Что поделаешь, такое поколение, поумнеют – перестанут». Делать замечания «себе дороже». Вот именно с такой позицией автор категорически не согласен. И вот почему.

1. Культура, как известно, – всё, что создано человеком. Мат – это антикультура, культура со знаком минус. Это всё равно, что у Вас есть определённая сумма денег или долг на эту величину. Почувствуйте разницу. Мат, как ржавчина разрушает культуру, поскольку это антикультура в действии.

2. Мат – выражение агрессии. Он повышает градус озлобленности, ненависти, неуважения к людям. Матерщинник и учебное заведение это вещи не совместимые. Университет – храм науки, где «сеют разумное, доброе, вечное». Ненормативная лексика загрязняет среду обитания-общения и является антиподом образования.

3. Мат – ненормативная лексика, т.е. слова, которые запрещено говорить в приличном обществе, приличным людям. Люди воспитанные чувствуют себя не просто неудобно, а подвергаются оскор-

блению самим фактом звучания этих слов. Мат – это оскорбление не только прямых участников общения, но и случайных.

4. Ненормативная лексика по-другому характеризуется как сквернословие. Между тем, скверна – это отбросы организма, «то, что обозначается как естественная надобность». Отсюда становится понятно, что мат – это скверна духовная, словесная. Физические отбросы – дурно пахнут и их отправление интимно. Ругающийся человек – извергает из своей пасти духовную грязь, злования, которые оскорбляет культурных (чистых) людей.

Самое же главное, употребление нецензурной брани в речи студентов приводит к падению культуры и деградации личности. Матерщинник разделяет ценности криминалитета, вульгаризирует жизнь. Мужчину и женщину сводит к гинеталиям, а жизнь, любовь – к сексу в самом пошлом (животном) виде. Происходит девальвация культуры и духовных ценностей, которые для него пустой звук. Безнравственные и неприличные поступки разрушают культуру и образование, превращает последнее в «образованщину» то есть видимость образования.

И это было известно человечеству уже более двух тысяч лет назад. Древнегреческому философу Сократу гетера (проститутка), заявила, что она, дескать, сильнее его. Несмотря, на его учёность и любомудрие, ибо она может соблазнить любого из его учеников. На это Сократ ответил, что факт соблазнения не доказывает её силу, ибо, «ты тянешь ученика вниз – я поднимаю вверх». Чтобы культура не разрушалась, как озоновый слой её следует защищать. Именно поэтому нормы приличия, как и нормы морали, законы следует соблюдать неукоснительно, культивировать при помощи санкций.

Культура при всей многогранности этого понятия выражает две вещи – общечеловеческие ценности в виде добра, красоты, истины, справедливости. По отношению к человеку культура – это внутренняя, усвоенная культура, воспитанность. Одно из проявлений внутренней культуры – это цельность человеческой личности, способность к самовоспитанию и самосовершенствованию. Культурный человек – это образованная, воспитанная, счастливая и успешная личность. Усвоение общечеловеческих ценностей делает человека личностью. Образование у него становится самообразованием, обучение – самообучением, дисциплина – самодисциплиной. Именно поэтому внутренняя культура делает его цельным и гармоничным.

Напротив, матерщинник – деформированная личность с двойными стандартами. Он всё упрощает, у него чёрно-белое восприятие жизни. Личность матерщинника похожа на искорёженный автомобиль. Применяя нецензурную лексику, он вырабатывает привычку не соблюдать вначале языковые нормы, затем другие правила приличия, затем требования учебного процесса. И далее по нарастающей. Затем появится желание обхитрить, обмануть, «схалювить». В группе он нарушает нормы языка, цензуру, правила приличия, и сеет грязь и бескультурье. На дороге этот человек игнорирует правила вождения и дорожного движения и пожинает аварию, разбитые авто покалеченные жизни. В семье вульгарный (Вульгарный с лат. переводится как простой, упрощённый) человек порождает конфликты с родителями и родственниками, ибо он общается не подбирая слов, не церемонится, крепко выражается. На руководящей работе он создает тягостную морально-психологическую обстановку, испорченное настроение, язвы, инфаркты и другие заболевания на нервной почве.

Вверх или вниз. Почему нельзя ждать, что проблема сама собой разрешится? Безнаказанность и вседозволенность приводят к необратимым последствиям в структуре личности – отсутствию самоконтроля и самоанализа, самодисциплины, потере нравственных ориентиров. Матерщинник из невинного нарушителя норм русского языка постепенно превращается в циника, хама и негодяя, сознательно игнорирующего не только правила приличия, но и нравственные профессиональные, правовые нормы. Время работает против матерщинника и общества в целом. Помните: посеешь поступок, пожнёшь привычку, посеешь привычку – пожнёшь характер, посеешь характер – пожнёшь судьбу.

Юноша, стоящий вначале пути, тебе выбирать: путь вниз или вверх, ибо третьего не дано. Поскольку жизнь всегда – восхождение или падение. Современное информационное общество предполагает человека творца, не похожего на других, уникального, т.е. самосозидающуюся личность. Традиционное общество требует быть похожим на других, не выделяться, стать массой.

Движение вверх к вершинам человеческого духа демонстрируют нам великие Учителя человечества, высокие деятели поэзии, культуры, искусства и науки, высокие мастера своей профессии, и,

наконец, спортсмены, которые при помощи сильного духа, делают уникальным человеческое тело, человеческие возможности. Путь вверх – путь духовного самосовершенствования, самореализации человека, который бесконечен.

Движение вниз – быстрое, лёгкое, незаметное падение. А в конце безрадостное прозябание, сопряжённое с адскими муками в момент просветления сознания. Нравственное падение многолико и страшно своими последствиями. Это – тупой и бессмысленный взгляд алкоголика и наркомана в период ломки, безрадостное полное страдания детство безотцовщины. Это жадность и зависть, отчаяние и попытки суицида неудачника-лузера и

Дорога вниз лёгкая, беззаботная, полна удовольствия, в смысле «кайфа». Не надо даже «шевелить плавниками», как станешь бедным, больным и несчастным. И наоборот, чтобы стать успешным, счастливым, здоровым и богатым, нужны нравственные усилия, усилия воли по преодолению трудностей и достижению целей. Путь вниз – временами приятное скольжение без усилий, пустое времяпрепровождение, кайф, «приколы», и в конечном итоге пустота и «царство греха», где царит отчаяние, запоздалое раскаяние, когда «поезд ушёл», и животное существование и прозябание.

Путь вверх – это постоянное, временами неприятное и тяжёлое принуждение себя к труду, и прежде всего труду души, включая иногда игнорирование мнения большинства – не быть «белой вороной», быть таким, как все, и другие препятствия, которые необходимо мужественно преодолевать, несмотря ни на что. И как награда – эйфория успеха и победы над собой, наполненная смыслом жизнь с её радостями, свершениями и огорчениями.

Выбирать путь надо здесь и сейчас, и не надо потом сваливать на обстоятельства. Путь вверх осилит «штурмующий небо». По дороге вниз катятся не задумываясь. Перефразируя великого Достоевского Ф. М. (а он был знатоком человеческой души, и прежде всего деформированной, изломанной, страдавшей), можно сказать, что сквернословие – это не просто поступок (стиль поведения) – это состояние сознания, позволяющее переступить черту совести. Задача учителя не просто не дать ученику переступить черту совести, а сделать так, чтобы это было в принципе невозможно.

Предложения по решению проблемы.

1. Объявить территорию БНТУ пространством духовности, образования, территорией свободной от мата.
 2. Во всех группах обсудить состояние языковой культуры и взять на учёт нарушителей.
 3. Объединить усилия и всем миром бороться с этой эпидемией бездуховности. Старосты, не говоря уже о преподавателях и сотрудниках, все кто считает, что ругаться неприлично, должны делать замечания нарушителям норм русского языка.
 4. Лица, не реагирующие на замечания, ставятся на учёт в деканате и подвергаются санкциям: лишение стипендии, мест в общежитии, выговора, исключения из университета.
 5. «Отличников»-ненормативщиков прописать в стенгазете и на сайтах.
 6. Организовать оперотряды из студентов по борьбе с вредными привычками – пьянство, курение, наркомания, ненормативщина.
 7. Провести во всех общежитиях лекции на тему «эпидемия бездуховности».
 8. При газете «Вестник БНТУ» организовать информационно-аналитический штаб и освещать ход борьбы с эпидемией.
- Ждём Ваших предложений и сообщений.

Слово об Учителе

Мне посчастливилось родиться в семье учителей. Мой отец – Старжинский Павел Иванович – работал учителем белорусского языка и литературы в Козловичской СШ Слуцкого района. А мама – Старжинская (Трофимович) Анастасия Трофимовна – преподавала русский язык и литературу. Повезло мне не только в смысле возможности выяснять что-либо непонятное из школьной программы в, так сказать, круглосуточном режиме. Второй, более глубокий смысл учительского

воздействия, я понял значительно позже, когда сам стал преподавать физику в Козловичской СШ во время вузовской практики. Но, скорее всего, смысл учительства, учительского творчества пришёл значительно позже.

В настоящее время можно говорить о нашей учительской династии, посвятившей себя учительской деятельности. Вы не поверите, но мы с мамой подсчитали, что наша династия учителей составляет 23 человека – четыре поколения, а общий педагогический стаж превышает 577 лет!

Я не знаю, как оценивать эти цифры, однако в настоящее время на педагогической ниве у нас трудится 7 человек. «Кого уж нет», большинство на заслуженном отдыхе, а часть сменила профессию. Однако я хочу сказать им всем, а в их лице всем учителям Беларуси, спасибо Вам за великий и благородный труд, который делает человека человеком. Как нет ребенка без родителя, так нет человека без учителя. Мне кажется, не будет преувеличением сказать, что учитель стоит у истоков каждого человека.

Пусть меня простит моя мама и многочисленные родственники – учителя, что я не уделил им достаточного внимания, ибо каждый из них заслуживает, по крайней мере, отдельного очерка, ибо все они «сеяли разумное, доброе, вечное». Однако я хочу сказать слово о сути учительского творчества, в процессе которого создается Человек. Всему – и хорошему, и плохому, что у нас есть – мы обязаны своим учителям – школьным или по жизни. Чего греха таить, в профессии учителя, как и в любой другой, есть профессионалы разного уровня. И великое счастье, если вам довелось встретить Учителя с большой буквы. Судьбе было угодно распорядиться так, что я и мои одноклассники по Козловичской СШ ощутили и ощущают сейчас влияние Гуру. Не только учителя-предметника, но и учителя по жизни. Человека, с которого невольно берёшь пример, хочешь стать таким, как он. В определенном смысле – духовного родителя. Речь идет об учителе труда, черчения и сельхозмашин (а раньше так и назывались эти предметы) **Сучке Леониде Леонтьевиче**.

Почему этот учитель является любимым учителем всех школьных пацанов? Почему они ходят за ним чередой? А в настоящее время Сучок Л.Л. является учителем не только для школьников, но и для взрослых. Односельчане называют его святой Леонид.

Каков он, настоящий учитель?

Для настоящего учителя нет хороших и плохих (плохо успевающих) учеников. Воистину, нет плохих учеников, есть плохие учителя. В каждом ученике учитель видит человека, личность.

Несколько зарисовок из школьной жизни. Сельхозмашины были самым любимым предметом у всех учеников нашей школы. Даже те, кто никогда не получал отличных оценок, получали их у Леонида Леонтьевича, и не потому, что он занижал требования. Для многих учеников это стало главным предметом в их школьной жизни. Любовь к учителю переносилась на любовь к предмету.

На уроке труда и физкультуры мы, школьники, естественно, на школьном дворе. Леонид Леонтьевич и Николай Мартынович (учитель физвоспитания) обмениваются «приколами» из жизни студентов-заочников, которыми они в то время были. Мы, шестиклассники, раскрыв рты, внемлем и впитываем будущую студенческую жизнь и даже задаём вопросы, как равные собеседники.

Урок черчения. Один из учеников никак не может представить соответствующую проекцию детали, имеющую внутреннее отверстие. Леонид Леонтьевич даёт совет изготовить из картофелины макет детали и сделать соответствующие разрезы-проекции.

Настоящий учитель любит своих учеников. Он проявляет искренний интерес к их проблемам и вопросам. Разговаривает с учениками, как с равными. Дети отвечают ему взаимной любовью. Нет никаких двойных стандартов, педагогического, взрослого превосходства. И всё это с чувством юмора. Учитель погружается в детскую субкультуру и растёт вместе с учениками.

Леонид Леонтьевич на уроке «отклоняется» от темы и рассказывает, как он строит дом, и, в частности, сооружает в доме водопровод. В качестве насоса, подающего воду в ёмкость на чердаке использует топливный насос из танка. Теперь насос типа «Ручеёк» можно найти в любом хозмаге. Впоследствии я начинаю реконструкцию родительского дома с устройства водопровода.

Сучок Л.Л. строит вместе с учениками «амфибию», которая и по земле едет, и по воде плавёт. Испытания амфибии остались на всю жизнь. А про инженеров, которые прошли через руки Леонида Леонтьевича, никак не скажешь, что они безрукие, т.е. владеют только карандашно-бумажными

расчётами. Отнюдь. Токарные, сверлильные, сварочные и другие работы освоены даже будущими философами на всю жизнь.

Настоящий учитель – профессионал высшего класса в своём деле. Когда строились различные действующие модели машин, в том числе станков, производились технические расчёты, в которых Леонид Леонтьевич разбирался не хуже профессора с кафедры ТММ. Во время учёбы в Мозырском пединституте (после БИМСХа) преподаватель начертательной геометрии отправляла «непросекающих» студентов на консультацию к студенту Сучку Л.Л., который, по её словам, мог объяснить лучше и доходчивей, чем она. В это трудно поверить, но он самостоятельно выполнял все контрольные работы.

Настоящий учитель – пример во всём. Как это ни банально звучит, но он не подвержен человеческим порокам. Он не пьёт и не курит. Прошло 35 лет с тех пор, как учитель расстался с сигаретой и рюмкой. Как это ему удалось? Никакого секрета. Это само собой разумеющееся дело. И вытекает из его образа жизни.

Настоящий учитель – творческая личность. Творит не только вещи и предметы, но и самого себя. Сучок Л.Л. собрал действующую модель пролётки, в которой в День города Слуцка восседала «сама» Анастасия Слуцкая – княгиня, которая во время набега татар в 1505-1508 годах сумела защитить город. Он собрал также около двух десятков станков и приспособлений, которые выполняют все работы, встречающиеся в деревенском авто-тракторном быту. Ему доверяли так называемые сложные и трудоёмкие процессы, в частности, монтаж польской зерносушилки и т.д.

Настоящий учитель готовит себе достойную смену в разных сферах, в том числе в области технического творчества. Его ученик Протасеня Сергей занял второе место в Республике в номинации «Учитель года». Создал клуб «Ретроавтомобиль», в котором реставрируют автомобильный ряд Горьковского автозавода, участвуют не только в международных автофорумах, но и Первомайских демонстрациях автотехники в гор. Слуцке. Великое наставничество в виде фанатичной преданности и увлечённости делом, когда ученики «смотрят в рот» своему кумиру продолжается. Факел творчества, гуманизма и духовности находится в надёжных руках.

Настоящий учитель – не только учитель-предметник. Он центр притяжения и общения. Его ученики отнюдь не бывшие. Он звонит, приглашает, собирает, усаживает за стол, и все мы получаем самую великую роскошь – роскошь человеческого общения. Мы рассказываем о море и строительстве яхт, об автомобильном путешествии по Америке, о войне в Афганистане, о высоких технологиях – в общем, о том, кто в чём преуспел. А в центре общения он – наш Учитель.

Настоящий учитель стремится к истине, духовности. Естественно, Сучок Л.Л., как и все мы, материалист в смысле того, что мы едим, чтобы жить, а не наоборот. Он не просто чувствует различие между жизнью и существованием. Настоящий учитель – это философ.

Учитель Сучок Л.Л. построил Часовню Покрова Богородицы на своей малой родине в деревне Лесуны. Сделал всё сам, начиная с фундамента и заканчивая куполами, увенчанными крестами. Ему помогали и школьники, и взрослые. Зачем ему это надо? Что двигало учителя к созданию Храма? Ответ один. Учитель с большой буквы создаёт храм в своей душе, а затем сооружает храм на земле, для того, чтобы его ученики смогли задуматься о смысле жизни, о материальном и духовном, о сиюминутном и вечном.

Пора подводить итоги. Настоящий учитель – это символ новой современной школы, где главное не передача информации, а помощь в решении проблем, начиная с личностных, бытовых, житейских и заканчивая смысложизненными. Современная школа может и должна преодолеть отчуждение между учителем и учеником. Не должно быть ситуации, когда ученик чувствует себя одиноким и брошенным в чуждый ему мир школярства. Прекрасно, когда в этом мире есть кто-нибудь, к кому мог бы прислониться ученик и стать своим на этом празднике жизни. И тогда родитель и учитель – это будет одно лицо.

Учитель и поэт Евгений Живоглод – однокашник Леонида Сучка и его настоящий друг пишет пронзительные стихи, в которых красной нитью проходит мысль, что учительство – это, прежде всего, духовность.

Берега культуры и искусства

Андрей Чернов

Литературовед, критик, публицист. Родился в Луганске в 1983 году. Широко публиковался в периодических изданиях и коллективных сборниках Донбасса, России, Украины. Автор книги очерков «Притяжение Донбасса» (2016). Секретарь правления Союза писателей ЛНР. Зам. главного редактора луганского литературного альманаха «Крылья». Живёт в Луганске.

Прорывая тишину вечности: Михаил Матусовский о Луганске

В судьбе Луганска Михаил Львович Матусовский играет особую роль. Он не просто выходец из города, как, скажем, Владимир Иванович Даль. Матусовский родился и вырос в Луганске, под сказочным донецким небом. Сюда он неоднократно приезжал. И каждый раз затерянный в придонцовых степях город пробуждал в нём чувства, о которых невозможно было не сказать.

Высказать несказанное

Кажется, что проще – сказать о своих чувствах? Но чем сильнее, чем неподдельнее чувство, тем большее косноязычие охватывает человека. Будто колокол, лишённый языка – творец может и не может сказать всего, полнозвучно, с пониманием своей правоты.

Речка движется и не движется,
Вся из лунного серебра.
Песня слышится и не слышится
В эти тихие вечера...

Песня должна быть прожитой и пережитой, чтобы зазвучать правдиво, честно, своей жизнью, уже отделённой от жизни своего творца. Так у любого музыкального инструмента – звук, аккорд есть нечто иное, нежели изначальная материя – древесина корпуса скрипки или медь колокола его порождающие. Но что удивительно: ещё не звучащий звук уже живёт в скрипке или флейте. Его нет, но одновременно он – есть.

Кажется, это понималось Михаилом Матусовским. Не тогда, когда он бегал по улицам родного Луганска. Нет, должны были пройти годы расставания – и с друзьями, и с искрящей под солнцем Луганью, и с улицами и площадями Луганска.

О родном Луганске Михаил Матусовский пытался писать ещё будучи студентом Литинститута. В 1937 году он вместе с Константином Симоновым приезжал в Луганск за сбором материала для будущей книги. Эта книга – о Луганске и луганчанах – увидела свет только в 1939 году и называлась предельно понятно – «Луганчане». И мастерство авторов вовсе не рядовое, и темы, поднятые ими – животрепещущи. Но книга «Луганчане» не нашла большого отклика у читателей.

Ступенька для преодоления – не более. Почему так? Чего не хватило?

Виноградный сок не сразу превращается в вино. Время – лишь сгусток вечности, славное ничто, существующее и одновременно не существующее. Время отнимает и даёт. Понимание Луганска – всего многоголосья его, затерянного среди донецких степей, пришло к Матусовскому лишь со временем. С потерями пришло и осознание...

Так родилась книга воспоминаний Михаила Матусовского «Семейный альбом». Написанная в 1970–1978 гг., книга несколько раз издавалась как при жизни, так и после смерти поэта-песенника. Короткие новеллы, эссе, отдельные штрихи, вошедшие в книгу, наполнены живым Луганском 20–30-х гг. прошлого века. И каждая страница «Семейного альбома» – не только исповедь-признание в любви к родному городу. Это возвышенно-поэтическое, философское размышление над целыми поколениями обитателей юга России. Над судьбою обыкновенного провинциального города, над которым только-только отшумела гроза гражданской войны, а тучи Великой Отечественной ещё не появились на горизонте.

Но важно донести пережитое, не расплескать несказанное, переполняющее тебя через край.

Центр Вселенной

«Семейный альбом» – вовсе не хроника. И события в книге не разложены по полочкам годов. Поэту Михаилу Матусовскому чужд этот сухопарый историзм. Как художник он выхватывает отдельные не события, малые в своей исторической незначительности, но образы, существенные для понимания мироощущения луганчанина юности Матусовского. Объективность уступает субъективности, и вместо высушенного чучела перед нами предстаёт удивительное полотно того времени.

Луганск Матусовского лежит на дне донецкой пригоршни, он окружен степями, за которыми размываются границы действительности. Да и есть ли она – действительность, за пределами ЭТОГО ЛУГАНСКА? Веют над городом настоянные на травах знойные и студёные ветры, проходят по небосводу над Луганском солнце, звёзды, луна. Но в городе становится светло или темно не от смены дня и ночи, а от того внутреннего света, которым пронизан сам ГОРОД. Это от него идёт свет во всю Вселенную. Он бывает ярче – и тогда он освещает улицы, берега Донца за Вергункой, парки и дворы маленького и уютного города. Иногда темнота смыкается над Луганском, почти ничего не видно, но узнаётся город по едва-едва различимым чертам.

Луганск Матусовского – город, который одновременно есть, и которого нет. Он создан из воспоминаний детства, отрочества, юности, молодости. Но в «Семейном альбоме» мы найдём не только воспоминания – ведь это не документальная кинохроника, беспристрастно фиксирующая всё. Здесь есть место и исключительно художественным обобщениям, да и просто вымыслу.

Погружение в воспоминания о родном городе приносят невиданную радость.

«Признаюсь, я испытывал удовольствие от возвращения – пусть в воображении, пусть хоть ненадолго – к дням детства, к улицам моего города, пыльным и неровным, с домами и террасами, где были развешены связки красного перца и синего лука, навсегда оставшиеся для меня приметам южных городов. Заманчива была сама возможность снова почувствовать под босыми ступнями горячий песок на берегу Донца, вспомнить вкус маминой баклажанной икры или форшмака из селедки, который не был бы таким, если бы в него не входили антоновские яблоки и яйца, сваренные вкрутую», – пишет Матусовский.

Но и без всякого признания очевидно, что короткие эссе и новеллы о Луганске написаны ради приятных воспоминаний. Юность и молодость – периоды не только взлётов и побед, но и сокрушительных падений, больших обид. И всё же в «Семейном альбоме» места им нет, они вынесены за рамки, оставлены за скобками города. Они пережиты и прощены – мелкие обиды и неудачи, которые есть всегда, где бы ты ни жил.

Макондо юга России

Луганск из книги «Семейный альбом» – это Макондо южной России. Здесь реальное прошлое, настоящее и ещё не наступившее переплетаются с вымышленными прошлым, настоящим, ненаступившим. Хронологические рамки – 20–30-е гг. XX века – условны, ведь автор хорошо знает, что было «до», и что будет «после», и не может себе отказать сообщить об этом читателю. Там же, где автор не всемогущ, он привлекает своё воображение, и получающаяся картина целостна и органична. И вымышленное от невымышленного не отличишь.

Населён город удивительными и поразительными горожанами. Это и многочисленная семья Матусовских – отец, брат, дядя, двоюродные братья. Они предстают перед нами несколько мгновений, пока читаешь страницу, но в душе остаётся чувство, будто знал ты их всю жизнь, кажется, только вчера расстался с дядей Соломоном на бывшей Казанской улице. Он шёл в сторону ещё не снесённого Казанского собора, оборачивался тебе, махая на прощание рукой. Потому, когда ты читаешь о гибели дяди Соломона, о том, как издевались над ним гитлеровцы, сердце твоё сжимается, будто это тебя толкают в соляную шахту.

А вот извозчик со странной фамилией Могила – он не единственный извозчик в городе, но благодаря своей мрачной фамилии врезался в память. В чью память? Твою или Матусовского? Уже и не разобрать...

Друзья юного Миши: Шурка Юрченко, Мотья Абель, Володя Бобров и Яшка Любченко, отмеченные лихой отметиной мальчишек 20-х гг. В их чертах ещё много детской нежности, но уже проступает та трагическая серьёзность, за которой легко можно рассмотреть смерть.

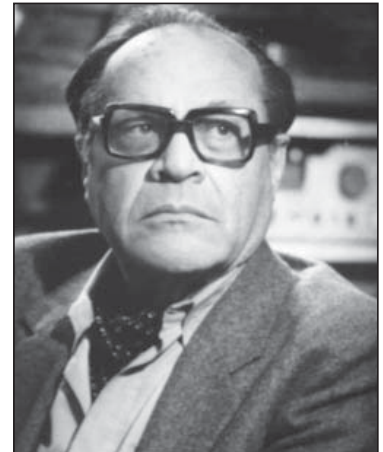
Чистильщик обуви Рачик Айрапетян, прозванный в городе Чистим-Блистим, подкупает тебя своей наивной верой в скорый отъезд на родину. За улыбкой и радостью он прячет отчаяние. Всю жизнь он проведёт как старик Тыква, в малогабаритной коробке-гробу.

А вот из мрака выходит учитель рисования тринадцатой трудовой школы по прозвищу Бобок. Сколько насмешек, пренебрежения от учеников школы выпало на его долю! Потерявший надежду и веру в звезду своего таланта, он всё равно остаётся человеком подлинного искусства.

Кто же там ещё скрывается в темноте безвестности? Умалишенный дядя Коля – городская достопримечательность и жертва издёвок луганской ребятни, но, тем не менее, сохранивший поразительную человечность и доброту... Учительница 13-й школы Мария Тодорова, которой посвятил свой «Школьный вальс» Матусовский, нашедшая в себе силы вести борьбу с нацистами в подполье Одессы... И первая любовь Миши – девочка Адя, в летнем платье в ромашках, навсегда оставшаяся, как и все первые влюблённости, недостижимой мечтой... И старшие товарищи по литературе, уже ушедшие в вечность, но продолжающие жить в воспоминаниях Матусовского – Юрий Черкасский, Павел Беспощадный, чудак Лапшин и многие-многие другие.

Все они жили в Луганске, были плотью и духом своего времени. Все они и сейчас продолжают жить на страницах «Семейного альбома» Матусовского.

Сад был умыт весь весенними ливнями.
В темных оврагах стояла вода.
Боже, какими мы были наивными,
Как же мы счастливы были тогда.
Годы промчались, седыми нас делаю.
Где чистота этих веток густых?
Только зима да метель эта белая
Напоминают сегодня о них...

Время и степь

«В степных просторах гексаметр не кажется уж таким устаревшим ритмом, ибо здесь и в самом деле – время сквозь трещины, словно песок, утекает неслышно, что нам спешить, если счёт здесь ведётся веками, с медленным скрипом ползут по пустынной дороге телеги, коршун, крылами не двигая, замер надолго в зените, обозревая по праву хозяина эти владенья...», – вспоминает Матусовский степь, сразу открывающуюся за домами Луганска.

И по сей день, выезжая в донецкую степь, всматриваясь в дальний край, отмеченный шрамами балок, думаешь, что вот так же – с коршунами, облаками, ковылём и знойным ветром видели эти степи древние скифы, гунны и половцы. Скрипели кибитки, текли стада скота и табуны лошадей, звенела музыка степей. Века проходили, появлялись и исчезали люди.

Кто там всматривается в степь, чтобы написать о ней? Оставшийся неведомым автор «Слова о полку Игоревом»? Итальянец Карпини? Фламандец Рубрук? Подневольный прасол Алексей Кольцов? Доктор, врачующий чистым и честным словом, Антон Чехов?

Кажется, время застыло над степью, укутав её янтарём вечности. Но и этот янтарь уступает человеку. Город расширялся, степь распахивалась. Росли терриконы и рукотворные леса.

Несмотря на все изменения, выйдя на улицы Луганска, путая, как и Матусовский, старые и новые названия, мы можем встретить здесь те же типы людей. И люди продолжают жить теми же чувствами и страстями, что и сто лет назад. И мысли их – о себе в бездонности степи и неба, о прошлом и настоящем, о возможном будущем...

Порою кажется только, что время играет какую-то шутку. На миг лишь закроешь глаза – а сотни лет как ни бывало. «Вы не можете быть уверены, что, сдёрнув с глаз кепку, окажетесь в том же самом городе и на том же самом дворе. И ведь вот что обиднее всего: только что рядом были друзья, звучали голоса, раздавался смех, чьи-то крадущиеся шаги, а сейчас всё бесследно исчезло, как будто ничего и не было», – задумчиво произносит Матусовский.

Тишина накрыла нас, беззвучная, мёртвая. Так города Донбасса накрывали украинские «Грады», так смолкали после взрыва мины. А многоголосый Луганск продолжает лежать в придонцовых степях, будто утихшая скрипка. Нет звука, но одновременно – есть он. Только прикоснись осторожной рукой, переверни страницу, задень струны – и воскреснет целый мир.

Литературные юбилеи

Владимир Вахрамеев

*Редакция журнала «Берега»
с безбрежным уважением и огромным удовольствием
поздравляет нашего автора, офицера и журналиста –*

ВЛАДИМИРА СЕРГЕЕВИЧА ВАХРАМЕЕВА с 75-летним юбилеем!

с благодарностью за служение Отечеству, обществу и культуре, русской литературе, своему народу и земле, подарившей большой талант, за мудрость, глубокую интеллигентность с пожеланием доброго здоровья, благополучия, оптимизма, реализации всех намеченных планов, новых творческих достижений!

Ветеран Вооружённых Сил СССР и Войск ПВО, журналист Вахрамеев В.С. родился на второй год Великой Отечественной войны 1941-45г.г. в семье офицера-фронтовика. Детство и отрочество публициста прошло в столице Латвии г. Риге, где его отец занимал высокие партийные и государственные посты. Встречам с известными в стране и республике людьми посвящены сотни страниц трилогии, названной писателем «Опалённые ложью». Годы юности и зрелости Владимира Вахрамеева связаны с Калининградом и Вильнюсом, Таллинном, Петропавловском-Камчатским и ... командировками на известные полигоны Капустин Яр, Ашулук, Сары-Шаган, Телемба, выполнением боевых задач по несению боевого дежурства. После выхода в запас Владимир Вахрамеев продолжает публиковаться во многих отечественных и зарубежных периодических изданиях. Активная работа в журналистике была отмечена грамотами, дипломами и Нагрудным Знаком Клуба главных редакторов «Четвёртая власть.

За заслуги перед прессой». В творческом содружестве с известной литовской поэтессой Эльвирой Поздней выходит его сборник «Я не хотел бы всех печалить ...», посвящённый другу – поэту и актёру Валерию Петровскому. Книга удостоена премии «Журналист года – 2014» в номинации «Память», а по материалам её очерков и рассказов коллективами театров Вильнюса и Калининграда поставлен спектакль «Письма, рифмованные любовью». Творчеству друзей-литераторов посвятил писатель и публицист свою книгу «Лики Балтии». В канун своего 75-летия Владимир Вахрамеев представляет этот специально подготовленный отрывок из первой («белой») книги своей трилогии «Опалённые ложью».

От Вахрамеева княжества до эпохи Сталинизма

Не знающие родства

Словно дорожным катком прошла советская власть по родственным связям большинства своих граждан. Где истоки фамилии, какова родословная семьи, кто из предков прославил Отечество и в каких краях покоятся их останки? На эти и другие многочисленные вопросы, связанные с семейно-родственными отношениями, большинство жителей России не могут найти ответов до настоящего времени. Но известно с давних пор, что именно с пращуров наших начинается единство семьи и общества. Незнание своих исторических корней, пренебрежительное отношение к ним становились причиной многочисленных бед и страданий. Неудивительно, что именно в нашем государстве

родилось уникальное словосочетание – «Иваны родства не помнящие». Вспомним, что в старину этот термин применялся к беспаспортным бродягам. Позднее, замечательный русский писатель М.Е. Салтыков-Щедрин характеризовал этими словами беспринципных журналистов. В.И. Ленин этим словосочетанием отразил своё отношение к ренегатам. Двадцатое столетие с двумя мировыми войнами, революциями, «белым» и «красным» террорами, с десятками военных конфликтов, борьбой за коллективизацию, укрепление власти и с различными отклонениями от «генеральной линии партии», современной эпохой накопления капитала уничтожило десятки миллионов людей. Тоталитарный режим стал основным фактором гибели и мутации генофонда нации и потери одного из важнейших духовных пластов, каким является преемственность поколений. В древних Афинах существовала клятва, которую давал каждый молодой человек, вступающий в самостоятельную жизнь и принимающий статус гражданина. В ней были слова о том, что он приложит все усилия, чтобы не растратить то, что заработал отец. Юношу, нарушившего обещание, сограждане подвергали презрению. Ведь богатство каждого афинянина, – говорили они, – преумножало славу и богатство города. Подобные отношения сложились и во многих семьях северных губерний дореволюционной России. В Стране Советов долгие десятилетия близкие друг другу люди боялись поделиться воспоминаниями о своих прародителях, имущественных или наследственных проблемах. Тем более, что это было опасно, если твои предки имели дворянские корни, относились к состоятельному сословию или подверглись репрессиям в годы советской власти. Страх лишиться жизни, сгнить на этапе, в тюрьме или лагере привели к тому, что большинство граждан огромнейшей страны стали «Иванами, не знающими родства». Вероятно, отсутствие знаний об истории семьи вполне устраивало партийных функционеров. Это позволяло манипулировать сознанием людей, подстраивать историю страны под очередного руководителя или даже переписывать многие её страницы заново.

К таким людям, которые не знали или упорно скрывали свои исторические корни, вполне можно отнести и членов нашей семьи. Помню, как будучи ещё юношей, несколько раз обращался с просьбой к отцу – рассказать о наших предках. В ответ чаще всего слышал: «Извини, некогда..., потом..., в следующий раз...». Также уходили от ответа на вопросы о родословной родная сестра отца Антонина Чернова и сводная сестра Зинаида Максимкина. Пожалуй, то небольшое, о чём они упоминали, как и моя бабушка Павла Варфоломеевна Вахрамеева, были слова: «Мы не Вахрамеевы или Вохрамеевы, мы – Вахрамеевы». Пройдут годы, прежде чем жизнь предоставит возможность систематизировать и обобщить накопленную информацию об истории нашей фамилии. Возможно, некоторые эпизоды из истории этой и других вологодских родословных вызовут у читателей сомнения, но на то она и история, чтобы в ней нашлось место не только реалиям, но и семейным преданиям, легендам, притчам и, даже, сказкам.

* * *

В середине первого десятилетия нового двадцать первого столетия некоторые жители Калининграда извлекли из своих почтовых ящиков специальный выпуск новоявленного печатного издания. Посвящён он был одному из кандидатов в депутаты. Чтение этого «шедевра» политической рекламы ничего, кроме омерзения, не могло вызвать у любого порядочного человека. Весь печатный материал был круто замешан на антисемитизме и желании унижить одного из политических противников. Заинтересовало, что автор ссылается на «Сказку о славном, могучем богатыре Еруслане Лазаревиче». Якобы, по словам неизвестного составителя печатного «листка», она является образцом пропаганды сионизма и связана с идеологическими происками Израиля. После того, как удалось найти в сети Интернета подлинник, на который ссылался автор, возникло множество вопросов. Сказка, написанная в традиционном русском стиле и со знакомыми для их большинства сюжетом – борьбы добра со злом, носила следы и какой-то другой культуры. Героями её были не только персонажи с русскими, но и с персидскими, еврейскими, арамейскими и среднеазиатскими именами. Несомненно, что и события, описанные автором, происходят за пределами Земли русской. Более того, при чтении сказки нередко возникало чувство, что над текстом поработала рука опытного цензора, а в чём-то она напоминала конспект нерадивого студента-первокурсника. Ответы на многочисленные вопросы, возникшие при чтении произведения, нашлись через пару лет при знакомстве с лубочной литературой. Этим термином известный фольклорист и этнограф И.П. Сахаров назвал издательскую продукцию, адресованную читателям из социальных

низов или, используя широко употреблявшийся в то время и весьма аморфный по содержанию термин, – «из народа». Писатель П.В. Засодимский, детство которого прошло в г. Вологда в 50-е годы XIX столетия, отмечал, что «в людской тоже были грамотеи, любители чтения ... От них помню, в разное время я добывал «Битву русских с кабардинцами», «Приключения Георга, милорда английского» и другие. Среди перечисляемых книг, которые писатель «встречал через несколько лет в кругу чтения вологодских гимназистов», упоминается и сказка о витязе Еруслане Лазаревиче. Вполне вероятно, что этот дворянин, будущий детский писатель и автор таких романов, как «По градам и весям», «Спасайся, кто может!», «Грех», был знаком со своим ровесником Павлом Вахрамеевым, дом которого располагался на одной из соседних улиц под названием 2-ая Александровская, примыкающей огородами к Вологодскому Кремлю. В 2005 году Объединённое гуманитарное издательство в рамках программы «Нация и культура» выпустит антологию «Лубочная повесть», в которой будет опубликован полный текст сказки «О сильном и славном витязе Еруслане Лазаревиче, о его храбрости и невообразимой красоте супруги его Анастасии Вахрамеевой». Таким образом, время выкомуров, – как назвала бы этих политехнологов моя бабушка Павла Вахрамеева, – закончилось. В сказке, посвящённой богатырю, совершающему по пути во владения князя Вахрамея множество подвигов есть и повествование об освобождении Вахрамеева княжества от страшного трёхголового змея, «который выходит из воды каждое утро и поедает по несколько человек народа». Невозможно не поддаться очарованию восточной и русской словесности, описывающей красоту юной княжны Анастасии. Близость княжества к океану и Индийскому царству, а также описание мест, где совершал свои подвиги богатырь Еруслан, очень напоминает территорию, на которой за многие сотни лет до новой эры обитали арамейцы. Эти семитические племена, жившие во второй половине 2-го тысячелетия до новой эры, в Сирии и Месопотамии, создали там ряд государств. В те далёкие годы и зародилось там имя Бар-Телеми, на которое ссылается в своих исследованиях известный знаток русских фамилий Владимир Никонов. Основой появления фамилии Вахрамеев стало церковное имя Варфоломей, происшедшее от арамейского Бар-Телеми, которое принесли на Русь представители православной церкви из Византии. «Этимологию трудно объяснить, – пишет в статье «Загадка фамилий» Никонов В. А., – если не знать, какому языку принадлежит фамилия, а это не всегда можно определить». С мнением Владимира Андреевича Никонова (1904–1988) согласны и другие специалисты по ономастике, исследовавшие происхождение фамилий Вахрамеев, Вахрамеев, Ахромеев и Фоломин.

Первые печатные упоминания о Вахрамеевых можно найти уже в шестнадцатом веке на территориях будущих Московской, Ярославской, Тверской, Рязанской и Вологодской губерний. Так, в «Ином сказании», изданном в 1853 году Беловым, эта фамилия упоминается среди однодворцовых, которыми в те далёкие годы называли служивых людей, имевших свою землю и двор без крестьян. В числе опричников Ивана Грозного нередко упоминается Образец Вахрамеев, прославившийся мужеством и военной смекалкой в Ливонском походе 1577 года, который сопровождал царя в его поездках. Более того, совместно с другими опричниками он следил за ходом строительства Софийского собора и даже в течении нескольких месяцев контролировал качество работ. Среди гостей, присутствовавших на торжественном открытии Софийского собора в Вологде, кроме опричника Образца Семёновича, упоминается и некий дьяк Вахрамеев. Летописец того времени описывает его середовичем среднего роста, сухощавого и невероятно шустрого. Возможно, что он был одним из священнослужителей, которые числились в списках по Усть–Сысольскому или Яренскому уездам Вологодской губернии, а также по Печёрскому уезду Архангельской губернии. И всё же какое имя носил тот дьяк, который присутствовал на торжествах, связанных с освещением Софийского собора? Таких дьяков по фамилии Вахрамеев, предположительно, могло быть трое – Иван, Михаил или Фёдор. Служили они не только в центральных или северных районах России, но и в Москвематушке. Среди них наиболее известно было имя дьяка Вахрамеева Ивана Семёновича, который в 1594 году служил посольским приставом. 13 декабря 1596 года его имя упоминается в Устюжно-Железопольской грамоте Вологодской губернии: «И вы б те деньги и книги со своими печатями прислали к нам в Москву в честь дьяка нашего Ивана Вахрамеева с верными целовальниками». В другом документе 1600 года читаем, что ... «в приказе Новой чети, которым управляли окольничий Михайло Михайлович Салтыков да дьяки Иван Вахрамеев да Богдан Иванов», необходимо увеличить количество книг по православию. Именно дьяк Иван Фёдорович, умерший в 1679 году, станет основателем знатного дворянского рода Вахрамеевых, а его сын Григорий Иванович будет

стольником и воеводой в Михайлове, известном как торговое и воинское поселение с 1546 года. Как писал историк Д.П. Бутурлин в «Истории смутного времени» при царе Иване Грозном стремительно приумножалось «гулящего люда – казачества», которое активно продвигается на восток, север и юг от центра российского государства. В «Русском биографическом словаре», помимо рода Вахрамеевых, упоминается и дворянский род Вахромеевых, записанный в первой части родословных книг Московской и Рязанской губерний. Происходит он от казака Карпа Вахромеева, получившего в 1618 и 1637 годах поместье в Рязанской губернии «за московское осадное сидение».

Столь подробно решил остановиться на служителях православной церкви в связи с тем, что бабушка Павла Варфоломеевна Вахрамеева, ещё в моём детстве неоднократно демонстрировала древние церковные книги и упоминала многочисленных родственников – служителей церкви. Упоминала она и имя Руслана, который, якобы, стоял у истоков родословной, Так ли это было, – судить не берусь. Тем более, что об опричнике Руслане Григорьевиче сохранилось слишком мало информации. Хотя его имя упоминается в «Опричной земельной реформе Грозного», принятой в 1565 году.

Как известно, 1 сентября 1598 года состоялось венчание на царство Бориса Годунова, с правления которого берёт начало «смутное время» в российской истории. Своё царствование начинает с гонения на членов семьи, среди которых упоминаются и основатели династии Романовых – патриарх Филарет и его супруга Марфа. В окружении будущей царицы Марфы частенько в исторических документах можно встретить и имя Сандулеи Вахрамеевой (по ряду источников – Сандулея Вахромеева). Впервые имя этой боярыни можно встретить в документах, связанных с периодом монастырского заточения царицы Марфы на вологодской земле. Необычное имя боярыни, которое встречалось среди родственников деда Николая Вахрамеева, привлекло моё внимание, но смущало наличие буквы «О» в фамилии. Однако, удивление вызвало описание внешнего вида боярыни Сандулеи, которое даёт историк и писатель К. Ф. Валишевский со слов её современников: «Высокий лоб, острый подбородок и ястребиный нос, разделённый на кончике неглубокой бороздкой. Узкие, выдающие какую-то усмешку её обладательницы и очень живые, карие, имеющие миндалевидную форму глаза, над которыми грациозно выгнулись тёмные брови. Небольшие ушки прикрывала пышная копна тёмных волос, тщательно сплетённых в толстую косу, частенько прикрывала лебединую шею боярыни. Невысокого росточка и ладно скроенная, она постоянно привлекала взоры мужчин». Самое невероятное состоит в том, что описание боярыни имеет точное портретное сходство с бабушкой – Павлой Вахрамеевой. Особо обращает на себя внимание описание носа, встречающееся крайне редко. Обладателями такого ястребиного носа с чётко обозначенной бороздкой на его кончике были и трое кареглазых детей Павлы и Николая Вахрамеевых – Галактион, Сергей и Антонина.

Вскоре, после избрания Василия Шуйского царём, Сандулея Вахрамеева (вполне допускаю, что звали её Сандулеей Вахромеевой), появляется в Ярославле. Трудно назвать причину появления знатной боярыни в древнем городе, который уже с пятнадцатого века со своими «разрушенными зданиями часто служил довольно сносным местом ссылки». Но, не исключено что боярыня решила навестить свою ярославскую родню. К тому времени её однофамильцы имели большое влияние на государственную, торгово-промышленную и военную политику России. Увы, но конкретной информации о родственных связях боярыни Сандулеи с ярославскими Вахрамеевыми и (или) Вахромеевыми, как и сведений об её детях и внуках получить не удалось. Сама же боярыня вскоре после завершения «Смутного времени» займёт ведущее место при царском дворе. Она будет отвечать за казну, смотреть за постелью царицы Марфы и контролировать стоящую за ней по статусу, кравчию.

Чтобы познакомиться с другими Вахрамеевыми «смутного времени», необходимо вернуться к хронологии этого периода в истории России. «Общество, – по справедливому замечанию историка К.Н. Бестужева-Рюмина, – в «смутное время» стремительно разрушалось, а вольное казачество становилось самостоятельной и грозной силой». Среди российских «сухопутных флибустьеров», как позднее историки стали именовать казаков, неоднократно встречаются и Вахрамеевы. Именно тогда многие из них мигрируют и оседают на территории Урала, Сибири и Крайнего Севера. В те же годы родилось на «северах» такое понятие, как «баранта», то есть набег поляков с целью грабежа, угона скота. С Белоозера, из Устюга и Вычегды, Юрьевца и Галича двинулся народ против самозванца, польских оккупантов, «тушинского вора». Среди этих людей можно было встретить и нескольких Вахрамеевых из Вологодской и Архангельской губерний. Один из них – это Тимошка Вахрамеев, который «от ижицы аза не отличит», позднее упоминается как дворник иноземца Логи-

на Микулина. Не исключено, что он является одним из родственников М. Ломоносова, о котором упоминает краевед Пекишев в книге «Крестьянская родня Михайлы Ломоносова». Другого Вахрамеева величали не иначе как «вещим уличанином» и прибыл этот богатый вологжанин из Великого Устюга, древнего города в котором его изба находилась на одной улице с домом Алексея, – родного брата Ивана Сусанина. Да-да, именно того Сусанина, который завёл поляков в непроходимые болота или, как говорили на Вологодчине в те годы, – в раменьё. Оба брата не были бедными людьми. У того же Алексея во владении находилась небольшая деревенька, расположенная в нескольких километрах от Великого Устюга, которую тот сдавал напосилье или, говоря современным языком, в аренду. Среди других вологодских Вахрамеевых того периода уместно будет вспомнить Дмитрия и Михаила Вахрамеевых. Имена братьев упоминаются среди тех 300 именитых граждан, которые в 1608-1609 годах объединились вокруг князя Романа Гагарина, Григория Самбулова и Тимофея Грязного против поляков и «царя глупого и бесчестного, пьяницу и развратника, не оправдавшего надежд народа, избравшего его». В апреле – мае 1609 года в Вологде появляются московские представители патриотических сил, среди которых можно найти и имя Василия Вахрамеева.

В «смутное время» родилась польская пословица, что «низкопоклонством и хлебосольством люди заставляют служить себе других». Мудрая бабушка Павла часто повторяла выражение, бытовавшее в давние времена на Руси и забытое ныне – это «мёртвую рукою отвести», свидетельствующее о превращении кое кого из людей в человека, который ничего не видит, не понимает. Оно как бы стало продолжением мысли, заложенной в приведённой польской пословице и подтверждало независимый, свободолюбивый нрав вологжан. Как известно, в северных районах России не было крепостного права, и проживавшие там народы считали себя свободными людьми. Поэтому неудивительно, что на Вологодчине ещё в семнадцатом веке бытовало выражение, что свободный человек – это, прежде всего, человек ответственный. Ответственность проявлялась во всех мыслях, делах и поступках. Хотя большинство жили не богато, но и не бедно, но строго соблюдались сложившиеся веками традиции и жизненный уклад, уважение к труду и понятию порядочности. Свидетельством тому может служить и тот факт, что на «северах» никогда не было бездомных детей и семьи было дружными и многодетными. Таким многочисленным был и род Вахрамеевых...

Знамя России – это фамилия

Среди рабочих записей за 2005 год нашёл интересную статистику: лишь трое из десяти россиян способны что-то рассказать о своих прародителях. Проследить же родословную хотя бы до пятого колена способен только один из ста. Причин тому, как объективных, так и субъективных немало. Однако, на личном опыте убедился, что с учётом сословных, религиозных, образовательных и иных условий дела по родословной предков могут храниться в разных архивах. В некоторых областных архивах (особенно расположенных в северных районах России) сохранилось немало метрических книг, служебных и гимназических дел, земельных реестров и других документов до 1790 года. В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), находящемся в Москве, а также в Российском историческом архиве (РГИА), расположенном в Санкт-Петербурге, можно тоже найти исторические семейные корни. Однако, поиски требуют времени и немалых денежных средств. В европейских странах генеалогические исследования доступны любому гражданину, а большинство работающих в этой сфере получают спонсорские деньги, поэтому для заказчика услуги оказываются бесплатно. Если бы наше государство и те, кто стали себя величать «элитой», было бы заинтересовано, как говорил Михаил Ломоносов, в «сохранении народа российского», в необходимости преумножать лучшие традиции своих предков, то при желании всегда можно найти для столь благородных целей необходимые денежные средства. Однако, в последние десятилетия заметно извращено понятие русской интеллигентности, что (УВЫ!!!) подтверждается всем ходом развития нынешнего общества. Из него стали исчезать такие, свойственные каждому интеллигентному человеку понятия, как «высокая умственная и этическая культура, независимость мысли и порядочность, стремление к социальной критике», а также «умение сопереживать «униженным и оскорблённым». Этим нравственно-этическим нормам следовали не только многие поколения вологодской интеллигенции, среди которых были и Вахрамеевы, но и их однофамильцы из других социальных слоёв.

* * *

В архиве Антоново-Сейского монастыря сохранилось около сотни записей крестьян к властям, в той или иной степени определяющих их взаимоотношения друг с другом. Значительная их часть относится к семнадцатому веку и, по большей части, связаны со спорами о луговых пожнях в пойме реки Сухоны. Из переписной книги за 1678 год узнаём, что деревня Бахматовская числится за Сейским монастырём и была куплена «по Государеве грамоте ис чёрных волостей». В деревне той на указанный год «жили или внуки, или двоюродные братья Чащиных, Михаил и Харитон Вахрамеевы Чащины». Их прадедушка Вахрамеев, отличившийся храбростью против поляков, был известным в те годы мастером великоустюжского чернения по серебру и неоднократно «хаживал в Москву с сотоварищами для показа живописного мастерства и художественного мастерства». В 1946 или 1947 году, будучи в доме бабушки, расположенном у Вологодского кремля, я случайно увидел, как Павла Варфоломеевна достала из-за образов величиной с руку взрослого человека серебряный крест с элементами великоустюжского чернения. Тогда меня потрясло не мастерство его творца, а необычайно большие размеры креста и ответ бабушки Павлы на мой глупый вопрос, что это такое? Не вдаваясь в длительные разъяснения, бабушка сказала, что крест является её оберегом и принадлежал тестю, который являлся «личным почётным гражданином». Судьба этого креста неизвестна, как и не удалось найти подтверждения, что кто-то из прародителей был личным почётным гражданином. Это звание, кстати, было установлено в России в 1832 году и присваивалось лицам недворянского сословия за какие-либо заслуги или в силу образовательного ценза. А вот то, что в нашей родословной было немало священнослужителей неоднократно упоминали не только бабушка Павла, но и её дети. Однако, от каких-либо подробностей отец и его сёстры уклонялись. Быть может, владельцем этого креста был как раз тот Вахрамеев, который занимался исследованиями в области церковных ценностей. Книга Вахрамеева – это дореволюционный фолиант, в котором подробно описаны многие православные святыни. Если этот исследователь церковных ценностей родился на Вологодчине, то, вполне возможно, что речь идёт об одном из предков Галактиона, Сергея и Антонины Вахрамеевых. В архивных документах упоминается неких вологжанин из этого многочисленного рода, отличившийся на войне с турками в 1828–29 годах. За проявленное мужество при форсировании Дуная он стал Георгиевским кавалером. После возвращения с той далёкой войны обладатель столь высокой награды неожиданно для родни принимает решение удалиться в монастырь. «От аза до ижицы» прошёл он путь служения Всевышнему. О его дальнейшей судьбе известно немного. Служил приходским священником в северных уездах Вологодской и южных уездах Архангельской губерний. Затем, вновь удалился в монастырь и в своём самоотверженном служении Богу часто мог «пряники неписанные есть».

Кстати, три города, – Великий Устюг, Сольвычегодск и Котлас, – частенько упоминались в семейных преданиях и воспоминаниях. Старший внук бабушки Павлы Владимир Галактионович рассказывал, что в детстве видел в доме мерную икону, на которой был изображён родственник дедушки, якобы, проживавший в семнадцатом веке. Икона написана мастером – иконописцем из Сольвычегодска и упоминается в «Книге Вахрамеева» как мерная икона, написанная при рождении на одного из родственников. Что-то магически-притягательное для фамилии Вахрамеевых есть в этом треугольнике городов, расположенных на Северной Двине и её притоках. В 1874 году в том же Сольвычегодске в семье Ивана Вахрамеева родился сын, которого крестили под именем Александра. Сведений о жизни этой семьи и их ближайшей родни сохранилось немного. Известно, что высоких постов им не досталось, но ни одно городское событие не обходилось без них, а «предки этих Вахрамеевых были бестягольными крестьянами, т.е. свободными от тягла государственной повинности крестьяне и посадские люди в Русском государстве с пятнадцатого века. Прославил же фамилию сын Александр, ставший художником–документалистом. По воспоминаниям кузена Владимира, его отец рассказывал, что тот, будучи в столице Российской Империи, встречался с дядей – художником. Возможно, что речь о сыне Ивана Михайловича Александре Вахрамееве. Пройдёт не одно десятилетие, прежде чем энтузиаст и поклонник живописи Генрих Туровский выкупит в северной столице свыше 200 работ Александра Вахрамеева и организует в столице Карелии частный музей его работ. Галактион Вахрамеев, о воспоминаниях которого идёт речь, поведал своему сыну о дружбе родственника-художника с первым экс-шефом сысской полиции Санкт-Петербурга Иваном Путилиным. Что связывало известного российского сыщика второй половины шестнадцатого

столетия с живописцем доподлинно неизвестно. Однако постоянные посетители трактира вблизи бывшего столичного сысского управления нередко видели их беседующими или спорящими в этом популярном питейном заведении. Между прочим, Иван Путилин являлся первым составителем словаря блатного жаргона или, как говорили в те далёкие времена, «байкового языка». Его перу принадлежат и такие замечательные строки: «Всего не перечесть, что прошло передо мною, обнажаясь до наготы. И с течением времени такое глубокое получаешь знание жизни, как выучиваешься понимать и прощать!» Трудно не согласиться с этим мудрым высказыванием.

* * *

За годы работы над трилогией пришлось познакомиться с сотнями однофамильцев, но установить их родственные связи с моими предками подчас было невозможно. Нередко общность незначительных деталей, цепочка случайных событий и фактов, связанные с Вахрамеевыми из Вологды и, предположим, их однофамильцами из Астрахани, свидетельствовали о давних родственных связях. Однако, спустя время, понимал всю ошибочность избранного пути. В подобных случаях вновь и вновь приходил к убеждению, как важно и необходимо быть профессионалом в изучении и принятия решения в любом вопросе, деле или задаче. Так, историк-генеалог Коновалова Ю.В. в «Словаре уральских фамилий» упоминает, что предки Злобиных были «Тимофей и Иван Варфоломеевичи (Вахрамеевы), поселившиеся в Камышинской слободе Вятской губернии в 1672–73 годах и брат их Поликарп в 1671–72 годах, поселившийся в деревне на реке Пышме». И если в этом случае установить родственные отношения точно не удалось, то в случае с известным учёным, инженером-гидротехником Ильём Илариевичем Вахрамеевым нашлись отдалённые родственные связи. И опять корни родившегося в 1897 году будущего профессора, находились в селе Шарденга Великоустюжского уезда Вологодской губернии. Великоустюжские родственные корни просматриваются и у «видного архангельского купца Вахрамеева», сын которого, по сообщению губернской газеты, в августе 1908 года «выстрелом из пистолета убил городского». И если об этом факте история забыла, то почти через столетия «всплыло» имя другого Вахрамеева. 7 декабря 2006 года в древнем Ярославле открылись первые Вахрамеевские чтения. Газета «Северный край», рассказывая на своих страницах о проводимых в музее истории города Ярославля чтениях, уделяет большое внимание роли многочисленного рода Вахрамеевых в развитии промышленности, купечества, меценатства, культуры и благотворительности. Иван Александрович Вахрамеев, которому посвящались чтения, в 1909 году основал городскую биржу, директором которой стал его кузен Николай Николаевич. Их прародитель Вахромей Александрович ранее открыл «Торговый дом хлебных товаров И.А. Вахрамеев и сыновья». Наш известный земляк, замечательный журналист, прозаик, поэт, историк Владимир Гиляровский (N.B., а ведь родился «дядя Гилей на Вологодчине 28.11.1853 г.) в книге воспоминаний «Мои скитания» упомянул о работе на табачной фабрике Николая Андреевича Вахрамеева, а известный в революционные годы большевик Зверев Андрей Александрович – на свинцово-белильном заводе Вахрамеева. Весной 1909 года, когда революционер Андрей Зверев проводил революционную работу на заводе в Ярославле, у вологодского заводчика Вахрамеева случилась беда. Вот как описывает это происшествие местная губернская газета: «Пожар уничтожил особняки Катранева и Вахрамеева только потому, что пожарный обоз не смог подъехать к полыхающим строениям». Полученная информация удивила меня. Во-первых, из семейных преданий и воспоминаний я знал, что в 1909 году у Николая Вахрамеева действительно сгорел дом, находившийся на 1-ой Андреевской улице вблизи Вологодского Кремля. Во-вторых, этот большой дом, повторно сгоревший через четверть века после смерти хозяина, никогда не именовался особняком. Замечу, что в моих исследованиях к тому времени было немало и «белых» пятен. Выяснилось, что дед Николай являлся владельцем шорной мастерской и магазина, но не знал, что он был ещё и заводчиком. Во всём этом предстояло ещё разобраться. Однако, никак не получалось найти истоки родословной, разобраться в невероятном хитросплетении родственных уз.

В мае 2009 года на собрании Калининградской региональной общественной организации «Лев», состоящей из выпускников Львовского ВВПУ, её председатель капитан 3-его ранга Артём Монахов подарил мне первый номер газеты «Красный Балтийский флот», вышедшей 5 марта 1919 года. Уже первая страница раритетного печатного издания, являющегося «Органом Политического Отдела

Революционного Военного Совета Балтийского Флота», своим лозунгом «Орлиное племя, матросы, – на стражу Пролетарской Революции» отражала дух тех дней. Одна из заметок, размещённых в рубрике «Жизнь Красного флота» на третьей странице газеты, носила название «Годовщина 1-га Морского Берегового Отряда». В ней, среди выступавших на митинге ораторов, находим и фамилию Вахрамеева, деятельность которого освещена во многих справочных изданиях и мемуарах, повествующих о революции 1917 года и последовавших за ней событиях. Такое издание, как «Военный энциклопедический словарь» называет Иван Ивановича Вахрамеева (1885-1965) активным участником Октябрьской революции и Гражданской войны. Он был депутатом 2-ого Всероссийского съезда Советов, председателем Военного революционного комитета, участником ликвидации мятежа Керенского-Краснова и т.д. Вероятно, он неплохо освоил идеи Карла Маркса, одним из распространителей которых был другой его однофамилец вологжанин – студент Медицинско-хирургической академии. Судя по датам рождения, они вполне могли быть детьми Ивана Вахрамеева, в семье которого воспитывалась семеро детей. Старший из сыновей был студентом, любившим приговаривать, что «надо совлечь с себя ветхого человека» (т.е. стать иным, духовно обновиться). Историк и писатель Дмитрий Волкогонов, описывая последствия Брестского мира, превратившего Россию во «второразрядное государство», рассказывает в одной из своих книг о судьбе Черноморского флота в апреле 1918 года. Как писал генерал-полковник Волкогонов Д.А., во время спасения своей власти большевики 27 и 28 апреля направляют из Севастополя в Новороссийск два десятка боевых и транспортных кораблей, большинство из которых 18 июня были затоплены на рейде Новороссийского порта. Однако семь боевых кораблей вернулись из Новороссийска. В своём донесении в Москву Ф.Ф. Раскольников (Ильин) обвиняет в измене комиссаров Вахрамеева И.И. и Авилова-Глебова Н.П. Эти две фамилии во многих документах той поры встречаются нередко вместе. Более того, известно, что Иван Вахрамеев за дружеские отношения с Авилковым-Глебовым Н.П. в конце 30-ых годов прошлого столетия подвергся репрессиям. Николай Павлович Авилков (литературный псевдоним – Глебов) был Наркомом Почт и Телеграфов, членом президиума ВЦСПС, советником полпреда СССР в Италии и т.д. Если большевик Иван Вахрамеев боролся за Власть Советов, то другой его однофамилец возглавил борьбу крестьян против советской власти. Для уничтожения «банды Вахрамеева», подавления крестьянского восстания Тамбовской и соседних губерний власть вынуждена была привлечь регулярную армию, применить химическое оружие. Позднее, среди репрессированных можно было встретить немало Вахрамеевых из Казахстана, Ленинграда, Архангельска, Ярославля, Челябинска, Новосибирска, Республики Коми, а также из других городов и регионов страны. «Тройки» при УМВД, органы ГПУ, МГБ и другие карательные структуры приговорили к смертной казни Вахрамеевых – священников, дворян, мещан и крестьян. В «расстрельных списках» 1938 г. видим и железнодорожника из города Великий Устюг Вахрамеева Николая Павловича. Несколько удивляет, что в том же «Военном энциклопедическом словаре» нашлось место Вахрамееву И.И., однако забыты его однофамильцы – Герой Советского Союза артиллерист Михаил Фёдорович или прославившийся на Курской дуге командир 23-го гвардейского стрелкового корпуса. Из тех, кто прославил фамилию в послевоенные годы, нельзя не упомянуть Всеволода Андреевича Вахрамеева (1912 – 1986 гг.) – российского геолога, профессора автора многочисленных научных работ, имеющих всемирное значение. По мере того, как увеличивался поток информации о нашей фамилии, всё больше возрастало недовольство медлительностью наших административных структур, архивов. Накопилось немало информации и документов, но отсутствовала конкретика. Кто же из перечисленных ранее Вахрамеевых имеет отношение к нашему роду?..

* * *

По мере того, как поступали ко мне документы, архивные справки, воспоминания и фотографии прояснялась картина нашей родословной. Отдельные материалы приходили бесплатно, за другие просили символическую плату, а некоторые обладатели государственных архивных документов запрашивали за их копии такие суммы, что невольно возникала мысль, что я покупаю, говоря словами писателя Аркадия Гайдара, «страшную военную тайну». Вызвало некоторое замешательство и письмо, полученное из государственного архива Вологодской области, в котором предлагалась оплата за полистное изучение архивных документов по генеалогии Вахрамеевых. Возник естественный

вопрос: сколько страниц и с какого века необходимо перелистать, чтобы составить родословную? В сто рублей или в десятки тысяч долларов США выльется это исследование? Об этом я и написал в архив, однако, ответом стало длительное молчание. Огромнейшее спасибо губернатору Вологодской области Вячеславу Позгалёву (с Вячеславом Евгеньевичем мне ранее довелось беседовать, а также брать интервью в один из дней его официального визита в Янтарный край – прим. В.В) И хотя он лично не ответил на мои вопросы, но, судя по оперативности ответа областного архива, кто-то из его помощников оказал содействие, и мне вскоре пришла справка с некоторыми изысканиями о родословной Вахрамеевых. Однако отмечу, что генеалогия этого древнего рода, представленная архивом, чем-то напоминала покалеченное годами дерево, у которого Судьба-Пила, отрезала многие ветви, повредила ствол и корневую систему. Тщательно изучив документальные источники с Северной Двины и её притоков Г.Я. Симина в своём труде «Из истории русских фамилий» утверждает: «Письменные памятники Пинежья свидетельствуют, что фамилии там сложились в восемнадцатом веке как второе отчество (из второго нецерковного имени отца)». В Писцовой книге Великого Устюга за 1836 год можно найти запись о рождении Елизаветы Павловой. Новорождённая была младшей дочерью в семье зажиточного земледельца, проживавшего в начале XIX века в небольшой деревеньке вблизи этого замечательного города. В День Святой Троицы, уже будучи молодой девушкой, она вместе с подружками, по старинной вологодской традиции, «стояла на кону» у ограды деревенской церкви. Празднично одетый вологжанин Евграф Баталов Вахрамеев и его местный приятель, к которому он заехал на пару дней, решили посетить праздничное богослужение и взглянуть на местную «ярмарку невест». С давних пор на Вологодчине сложилась традиция, когда молодые девушки в дни больших церковных праздников необычным способом демонстрировали не только себя, но и своё мастерство. На каждой из них было одето невероятное количество рубашек, сарафанов, зипунов, армяков и прочего. Все наряды к свадьбе девушки шили и украшали сами. Приданое, которое шилось нередко годами, часто приходилось привозить к церкви на возах. Самые почтенные женщины из рода или деревни одевали девушек, а затем демонстрировали молодым людям во что они одеты. Потенциальные женихи могли посмотреть не только наряды юных прелестниц, но, даже, проверить качество пошива. В традиции «стоять на кону» имелись своеобразные ограничения – снизу, на самой последней к телу рубашке, нашивались две красные полосы. Всё, демонстрация закончилась, теперь нужно только жениться. Так и сделал Евграф Баталов Вахрамеев, женившись на юной красавице. Семейное предание гласит, что был Евграф Вахрамеев в ту пору уже «перцем с солью», то есть речь шла о его тёмных волосах, перемешанных с сединой. Вскоре после свадьбы молодые перебрались в деревню Трусово. В браке у них родилось девять детей, которых они называли Александром, Иваном, Павлом, Людмилой, Дмитрием и странным именем Сандулея. Это имя уже упоминалось в рассказе о первых Романовых. Его носила боярыня Вахрамеева, которая возглавляла двор царицы Марфы. Случайность это или нет? Ответить на такой простой, как казалось бы, для большинства жителей цивилизованных стран, вопрос, оказалось не столь просто. Не менее сложно оказалось было установить имена ещё троих детей супругов Вахрамеевых. Увы, но проследить судьбу детей по женской линии вообще не удалось. Однако меня заинтересовало имя Павла, родившегося в 1850 году, ибо историю его жизни удалось проследить наиболее полно.

Как известно, единственная дореволюционная Всероссийская перепись населения проводилась лишь в 1897 году. В процессе её выяснилось, что в стране ещё существует многочисленная категория людей, не имеющих фамилии. У некоторых государственных крестьян северных губерний, где почти не было крепостного права, и у большинства священников первые фамилии появились уже в семнадцатом веке. В конце девятнадцатого века у многих крестьян Вологодчины существовало по-прежнему трёхчленное русское именование, которые некоторые историки считали фамилиями. Однако, чаще всего оно являлось вторым отчеством или скользящим дедичеством. Это, частенько, в случае ошибки при записи в церковных метрических книгах приводило поиски предков в тупик. Так получилось и при изучении родословной Анны Ивановой. Однако, известно точно, что в солнечный майский день 1880 года жители деревень Трусово, Семёново, Чахлово, Кишкино, Гаврильцово и Щапово несколько дней гуляли на свадьбе Павла Евграфова Вахрамеева и Анны Ивановой. Увы, пройдёт сотня лет и с карты Вологодчины вместе с сотнями населённых пунктов исчезнут и эти деревни. Но, по воспоминаниям родни и сохранившимся документальным записям родителями Анны Ивановой были Иван Михайлов и Наталья Алексеева. Через год у молодых супругов появил-

ся первенец, названный Николаем, Потом родились Александр, Михаил, Ольга и Аполлинария. Материалы архивного фонда свидетельствуют, что «восприемницей при крещении Ольги были дочь крестьянина деревни Трусово Екатерина Павлова». Те же документы сообщают, что Екатерина Павлова была родной сестрой Екатерины Павловой Вахрамеевой». Восприемницей же при крещении Аполлинарии «была дочь крестьянина деревни Щапово Василия Ивановича Баталова – Людмила. Указана и фамилия отца – Вахрамеев. После Ольги, чьё рождение совпало с проведением переписи населения, Иван Михайлов становится Иваном Михайловичем Вахрамеевым. 10 июля 1904 года у супругов Вахрамеевых родился ещё один сын. «Восприемником были при крещении ребёнка, названного Владимиром, сын крестьянина деревни Трусово Гаврильцевской волости Александр Павлов Вахрамеев и жена крестьянина деревни Гаврильцево той же волости Елисавета Николаевна Большакова. Указана фамилия отца – Вахрамеев».

* * *

Вот так косвенно через однофамильцев, прародителей, изучение документов было угодно судьбе вывести меня в ходе многомесячных поисков на деда Николая Павловича Вахрамеева. В исповедальной ведомости Спасо-Преображенской Фрязиновской церкви за 1919 год имеется запись о 40-летнем бывшем заводчике Николае Павловиче Вахрамееве (см. фото № 1), проживающего по 1-й Андреевской улице г. Вологды. Есть в документе и упоминание о его жене 34-летней Павле Варфоломеевне (см. фото № 2) и детях – сыне Галактионе 7-ми лет и сыне Сергее 6-ти месяцев от роду. Через два года у Вахрамеевых родится дочь, которую любящие родители крестили под именем Антонина. Но, болезнь и раны, полученные Николаем Павловичем на фронтах 1-й Мировой войны, не позволят ему принять участие в воспитании детей и он, вскоре после рождения дочери, умрёт. Все тяготы воспитания троих детей, содержания большого дома, безденежья и другие жизненные проблемы тяжёлым бременем лягут на хрупкие плечи Павлы Вахрамеевой. Друзья и бывшие работники мужа станут молодой вдове надёжными помощниками. Среди них будет и молодой мастер Александр Маршуев. Через два года после смерти Николая Павловича Павла Варфоломеевна выйдет замуж за Александра, а через год у них родится дочь Зинаида (см. фотографию № 3, на которой слева направо: Павла Вахрамеева и дети Галактион, Сергей, Зинаида, Антонина и муж Александр Маршуев. Начало 30-х годов XX столетия). Вскоре, после рождения дочери Зинаиды, Павла Варфоломеевна была вынуждена идти трудиться на бывшую фабрику Николая Вахрамеева, где её тепло встретили рабочие и служащие (см. фото № 4. П.В. Вахрамеева на переднем плане лежит, облокотившись на подушку). По разному складывалась и судьба детей Павлы Варфоломеевны.

Старший сын Галактион (см. фото № 5 от 15.11.1933 г.) станет инженером и руководителем крупного военного предприятия в Поволжье. Погибнет он в первые дни войны в Белоруссии, где проводились испытания нового вооружения, выпущенного предприятием. Сергей, после завершения обучения в Харьковской военной академии, станет кадровым офицером и участником боёв на Волховском, Ленинградском и Прибалтийском фронтах (см. фото № 6, на котором он изображён весной 1945 года в Риге с супругой Екатериной и детьми Владимиром и Татьяной). Умрёт он осенью 1961. Младшая дочь Зинаида, получив диплом Вологодского Учительского института, будет обучать математике школьников и студентов (фото № 7 Зинаида Максимкина с мужем – фронтовиком Владимиром). Умрёт в 1999 году, а вскоре после её смерти уйдёт из жизни и старшая сестра Антонина – участница «финской кампании» и Великой Отечественной войны 1941–45 гг. (фото № 8 супруги – фронтовики Антонина и Евгений Черновы в гостях у Вахрамеевых. Начало 50-х годов прошлого столетия. Рига). Вся жизнь и судьба этих вологжан изложена на сотнях страниц трилогии «Опалённые ложью» и как будто служит подтверждением замечательных строк немецкого поэта Иоганнеса Бехера:

«Красиво жить» – не просто звук пустой.
Лишь тот, кто в мире красоту умножил /
Трудом, борьбой, – тот жизнь красиво прожил,
Воистину увенчан красотой!».

Русский мир без границ

Берега Болгарии Александр Трубецкой

Князь Александр Александрович Трубецкой родился в Париже в 1947 г. Родители: отец Александр Евгеньевич Трубецкой – сын известного философа Евгения Николаевича Трубецкого – и мать Александра Михайловна Голицына. Работал в промышленности и занимался внешним рынком многих французских предприятий. Он всегда интересовался русской военной историей и, хотя сам не претендует быть историком, иногда выступает на исторических конференциях как председатель «Общества Памяти Императорской Гвардии» (еще при жизни последних гвардейских офицеров императорской Гвардии общество называлось «Гвардейским Объединением», созданным в 1924 году по приказу генерала П. Врангеля). Сообщение о русско-турецкой войне было прочитано в Болгарии в конце июня 2017 года на конференциях в Старозагоре и в Плевне по случаю 140-летия освободительной русско-турецкой войны.

Русско-турецкая война 1877–1878 годов

Прошло 140 лет с начала освободительной войны на Балканах. Вспомним, что оккупация Балканов турками длилась более чем 500 лет и отличалась преследованием христианского мира в этом регионе Европы.

Вспомним тоже, что за всю историю отношений России и Турции с 18-го века было не меньше 10 войн.

Болгария в то время не была суверенным государством, хотя её история упоминается ещё с времен Гомера. Можно сказать, что Болгария полностью была вассалом Турции, которая её считала частью своего государства. А освободительная война даст Болгарии легитимность европейского государства.

Во второй половине 19-го века появились разные движения за независимость, которые по-разному боролись за неё. Не скроем, что один из лидеров Болгарии Стамбулов скажет после освободительной войны: «Россия нас освободила от турков, но кто освободит нас от России?»

Уже в 1860 годах Царь Александр Второй позволял русским офицерам добровольно принимать участие в военных операциях против турков в основном в сербской армии. Ситуация стала накаляться, когда в 1873 году турки повесили легендарного болгарского героя и лидера Василя Левски, который возглавлял одно из движений за независимость.

Россия и Австрия подписали в 1875 году соглашение о том что, Австрия будет нейтральной страной в случае войны с Турцией. Но зато она потребовала иметь право на Боснию и Герцеговину (это право, предъявленное после войны и подтверждённое Берлинским конгрессом, будет иметь роковое последствие в 1914 году, когда наследник Австрии Фердинанд будет убит именно в Боснии).

В 1876 г. начинается крупное восстание против Турции в Сербии, Черногории и в Болгарии. Турки отвечают кровавой репрессией, и это вызывает общее возмущение европейских держав. Особенно во Франции выступает В. Гюго. Но западные державы ограничились только протестом, но не действием.

А в России начинается сильное народное движение солидарности в защиту христианских, в основном православных, балканских народов.

Интересно отметить, что 19 век является в Европе периодом колониального развития со многими войнами, имеющими, как цель – завоевание новых территорий. А война, которую начнёт Россия, будет преследовать только одну цель: освобождение угнетённых народов и предоставление им независимости. Вот почему в Софии заслуженно существует памятник и улица, которые посвящены Царю Освободителю.

Конечно, война на Балканах могла бы позволить России реализовать старую мечту – завоевание пролива Босфор. Военные успехи на самом деле могли это позволить. Но Царь Александр Второй не рискнул начать другую войну с европейскими державами, которые и показали скоро на Берлинском конгрессе противостояние против возможной экспансии России. (Кроме Франции, которая находилась в слабом положении после войны 1870 года против Германии и не принимала участие в Берлинском конгрессе).

Россия объявила войну против Турции 24 апреля 1877, при поддержке, как было сказано выше, энтузиазма русского, болгарского и румынского народов. В Плевенской панораме есть картина, которая иллюстрирует этот энтузиазм. Румыния приняла участие как союзник в войне, но до этого пыталась отдельно договориться с Турцией, и если бы договор состоялся, то Румыния могла запретить русским войскам проходить через её территорию.

Война началась, несмотря на то, что Россия была не полностью подготовлена. Министр Милютин ещё далеко не закончил военные реформы, которые были необходимы после неудачного опыта Крымской войны. Сам Александр Второй пытался избежать войны путём дипломатических действий (ультиматум Турции в 1876 и Лондонский протокол, подписанный Графом Игнатьевым).

Целью дипломатических попыток было достижение согласия Турции прекратить гнёт на христианские народы. (Хочется тут сказать, что в наше время европейские державы скорее защищают мусульманские народы, чем христианские).

Война 1877–1878 годов показала часто некомпетентность высшего русского начальства в ведении войны. Даже Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич будет подвергаться заслуженной критике. Зато, как всегда, героизм русского солдата и болгарского ополченца позволили одержать победу, несмотря на превышающее количество турецкой армии.

Но всё же, эта война выдвинула тоже плеяду блестящих генералов: Драгомиров, Гурко, Радецкий, Столетов (который командует болгарским корпусом) и, конечно, легендарный Скобелев. Следует тоже отметить, что Великий Князь, будущий Царь Александр Третий отличился в начале войны блестящим маневром на левом фланге.

Тут нужно сказать несколько слов и о том, что эта война принесла ряд своих новшеств, и справедливо её назвать первой современной войной в Европе. Эту войну будут потом подробно изучать не только российские, но и западные специалисты.

Жаль, конечно, что уроки войны не были достаточно учтены Россией в момент войны против Японии и даже для Первой мировой войны.

Со стороны западных экспертов назовём немецких будущих генералов: Фон Шлифен и Фон Мольтке. Первый особенно восхищался Скобелевым, а второй назвал манёвр будущего царя Александра третьего самым замечательным стратегическим манёвром 19-го века. На самом деле, турки пытались для психологического эффекта разбить армию, которой командовал наследник престола, но тот сумел небольшими силами притянуть на себя, без особых потерь, крупные турецкие силы, которые были бы им нужны в это время на других фронтах. Вообще скоро Великий князь приостановил стратегическое отступление и с успехом начал наступать. В этой стратегической операции советником будущего Императора был генерал Вановский, который в будущем стал его военным министром.

Но вернемся к тому, что эта война первая из современных:

- это использование железной дороги;
- использование телеграфа;
- использование защитного цвета для обмундирования солдат (инициатива Скобелева ещё в Азии, которая вначале с трудом воспринималась в военных кругах старой школы);
- массовое присутствие иностранных военных экспертов, журналистов, в том числе и шпионов (из Европы, США, и даже Японии);
- использование окопов, в связи с появлением дальнобойного оружия;
- использование современной военной техники (винтовки Пибоди, Мартини, Виншестер, Снайдер у турков и Бердан у русских, а также современная артиллерия, которая заряжается через затвор). Отметим, что у турков были пушки немецкой фирмы КРУПП, которые были более дальнобойные, чем русские, но зато русская артиллерия превышала количеством и качеством артиллеристов;
- постепенное прекращение фронтальных штыковых атак, но ещё в недостаточной степени;
- использование артиллерийской подготовки до атак пехоты или кавалерии, но, к сожалению, не всегда.

К сожалению, старые привычки штыковых атак по-суворовски не совсем прекратились. Нередко, как например, при Телиш или Горном Дубняке, происходили убийственные атаки со штыками против хорошо зарытого в окопах противника, причём часто без артиллерийской подготовки.

Генерал Гурко написал, что «все думали только о конечном результате, забывая три плевенские операции, которые принесли в жертву русских солдат».

Надо отметить, что такие факты, как введение в войну Гвардии, которое показало, что не всё идет так гладко, а также возвращение в Россию многих раненых, и количество погибших, охладило в России первоначальный энтузиазм, и этим воспользовались революционные движения.

В своих воспоминаниях генерал Краснов, герой Первой мировой и Гражданской войн, писал что, будучи ребёнком, он разделял, как и всё население России, этот энтузиазм и разочарование по мере поступления известий с фронта.

Хочу теперь особенно подчеркнуть роль императорской Гвардии.

Известно, что гвардия не приняла участия в Крымской войне. Она считалась элитной и была лучше оснащена более современным оружием, таким как, например, винтовки Бердан 1 и 2 (Бердан 2 очень ценили в США, где он носил название Russian Gun). К сожалению, армейские полки имели более устарелые ружья, как например, модель 1843 года КРНКА, которая даже не имела нарезного ствола. Меткость и дальность сильно уступали перед турецкими винчестерами.

Существовало соперничество между армейскими и гвардейскими полками. Армейцы всегда считали, что гвардейцы пригодны только для парадов. Это приводило к тому, что гвардия часто проявляла ненужную храбрость, вела атаки без артиллерийской подготовки, только чтобы показать свою доблесть.

Например, лейб-гвардии Гренадерские и Егерские полки были совершенно зря, почти полностью уничтожены в сражениях на Горном Дубняке, Телиш и под Плевной.

Хочу тут рассказать эпизод лейб-гвардии егерей. Во время сражения при Телиш играл полковой оркестр и вообще спрашивается, зачем это нужно во время битвы? В оркестр попал снаряд и сбил часть музыкантов. Остальные встали и продолжили играть марш полка. С тех пор по традиции Егерского полка, при выполнении марша отмечалась в какой-то момент пауза на несколько секунд, и потом оркестр играл снова.

В своих воспоминаниях один офицер лейб-гвардии Конногренадерского полка рассказывал об энтузиазме всего полка, от нижних чинов до командира, когда было объявлено, что полк примет участие в войне (как и вся вторая кавалерийская дивизия, в которую он входил). Он тоже рассказал любопытный эпизод, который произошел перед атакой при Горном Дубняке. Полк ждал команды, чтобы вступить в бой, как вдруг между полком и противником проскакала группа кубанских казаков, которая занялась джигитовкой. Эта демонстрация, правда, быстро прекратилась, когда турки начали обстреливать этих удалцов.

Вообще вместе с лейб-гвардии Уланским полком, лейб-гвардии Конногренадеры взяли город Враца и этим самым заблокировали возможное поступление турецких сил через горную переправу, которая выходит к городу Враца. За это на каске лейб-гвардии Конногренадерского полка с тех пор было написано «За взятие города Враца». А у лейб-гвардии Егерях, кстати, написано: «За взятие Телиш».

Тоже интересная история у лейб-гвардии Казаков: когда полк проходил осмотр перед царём до отправления на войну, Царь с восторгом сказал «они идут на войну, как на свадьбу». И с тех пор полковой музыкой Лейбь казаков стал свадебный марш Мендельсона.

Лейб Казаки отличились взятием города Ловеч, и этим самым они закрыли возможность поступления турецких сил в Плевну на помощь Осман Паша, а также они перекрыли дорогу, которая позволила бы ему покинуть Плевну по этой дороге. Как известно, Осман Паша попытался 10 декабря пробраться на дорогу в Софию, несмотря на то, что Горный дубняк и Телиш были заняты русскими. На выезде из Плевны ему пришлось сдать.

Тут следует напомнить, что, как и на Шипке, в Старом Загоре, в Плевне, Горном Дубняке и Телиш, а также и во многих других местах сохранились памятники и братские могилы тех, кто воевал за освобождение Болгарии (их больше 400). Особенно впечатляет посещение так называемого «Лавров Парк» в Горном Дубняке и парк Скобелева в Плевне, в которых стоят памятники и братские гробницы многих армейских и гвардейских полков.

Вечная Память всем героям освободительной войны! Пусть их памятники напоминают тесную историю Болгарии и России.

Берега Беларуси

Татьяна Жилинская

Член Союза писателей Беларуси, Член Союза писателей Союзного государства.

Старший преподаватель Белорусского Государственного педагогического университета, кафедры «Теория и методика преподавания искусства».

Дипломант и Лауреат многочисленных Международных фестивалей и конкурсов в области литературы, в частности «Лауреат Международного литературного конкурса «Кубок Мира по русской поэзии – 2015»,

Победитель международного литературного конкурса Международного литературного форума «СЛАВЯНСКАЯ ЛИРА – 2016» в номинации «Поэзия. Свободная тематика» на приз зрительских симпатий. Победитель международного литературного блиц-конкурса «Турнир поэтов». Диплом финалиста в номинации «Песня» первого полуфинала фестивального движения русского мира «Осианная Русь» 18.06.2017 г.

ПРОСТОЕ ЖЕЛАНИЕ

Я хочу потрогать Родину
За тугой пупок смородины.
А потом – набить оскомину
Через тонкую соломину.

Да ещё с морковки стёклышком
Прям на грядке счистить пёрышко.
Натереть на корку рядышком
Чеснока тугое ядрышко.

Облепив весь рот черешенкой,
Прикорнуть в тени орешника.
Да под шею репку валиком,
Чтоб себе присниться маленькой.

ЛУГ

Подъезжаешь поближе – всего лишь луг,
Утомлённый дождями и сорняком.
Неподстриженный, травный, неровный круг,
Продуваемый ласковым ветерком.
Отъезжаешь подальше – а это мир!
Целый мир – недобритый, но полный сил.
Мириады весёлых приют-квартир
Всё шуршат и кружат по его оси.

Оглянись, повернись и ... остановись.
Примитивным глаголом впитай росу...
Слышишь, шёлковый клевер, привет, не мнись,
А медовой травиночки выдай суть.

Осторожность на цыпочках, словно тень,
Лишь пригладит немного земной покров.
Здравствуй, луг, благодарствуй за этот день,
За роскошный дизайн из твоих ковров!
За зелёную пристань, за аромат,
За привычку вкушать, сохраняя миг.
Знаешь, ты – удивительный дипломат
Очень многое в нас, дураках, постиг.
Ну, а как по-другому, придет черед –
Мы в тебе прорастём муравой-травой...
И узнаем вселенной твоей полет
И услышим, что снова по стыковой,
Ряд за рядом по кромке пройдут косцы!
Будешь бритым сезон или целый век...

Запахтел перегруженный мотоцикл ...
Извини,
Я сегодня лишь человек.

МИГ ОДНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

Миг одного путешествия
Стоил всех прожитых почестей.
Били нас рифмы репейником,
Гнали строкою в безволие.
Истинное сумасшествие
Или проверка на прочность нам?
Странствующие гиперболы
В нас отцветали магнолией.
Ветры швырялись разгульные
Листьями нежизнестойкими.

Ветви хлестались осенние,
Вот ведь – нежданное горюшко!
Травы не пахли багульные,
Песни не пелись пристойные.
Нам не желалось спасения
В тихой параболе двора.
Вот бы на этой скамеечке
Выпросить паузу прочерка.
Было бы больше возможности
Выявить истинность бремени.
Руки в таких злключениях
Верили в правильность почерка.
Губы в такой безнадёжности
Верили в искренность времени.

ШАЛЬНАЯ ОСЕНЬ

Над урожайным торжеством
зудели осы:
«Подрастопырилась листвою
шальная осень!»
Скучали пряники садов
о мармеладах,
Гуртуя армии плодов
по баррикадам.
Кусались пьяные клопы,
брыкались ветки.
Кричали птицы, что глупы
в полёте детки.
Мол, напихались до пупа
миндальной крошкой,
Теперь придётся запугать
коварной кошкой...
Пыхтела тучная земля,
ворчала в тему:
«Склевали сочного червя –
сломали схему...»
Гостил у солнца выходной –
и град с оливку.
Рябина стучала в окно: –
«Возьмёшь наливкой?»
Братались гордые дубы
ломтём дерновым,
Гордились липы и сады
горшком медовым.
Вступал в бору боровичок
в гардемарины,
С восторгом хлюпал родничок –
алел малиной!
Кружился шмель вокруг оси,
ломаю стержень.
Октябрь хмыкнул и спросил:
«Ну что, удержишь?»

ПРУЖИНЫ

Пружины стонали, пружины скрипели,
А там, за окном, бушевали метели,
А здесь, на заводе, в таинственной дали,
Пружины в тепло и ватин одедали.
Сшивали обивку, вбивали заклёпки,
Чтоб было приятно и кошкам и попкам...
Скрипели пружины чуть сентиментально,
Казалось, в их звуках скрывается тайна.
Казалось, так просто – приляг на подушку,
И что-то такое откроют на ушко.
О смысле и месте, о прочих порывах,
Доступных, прекрасных, наивных, игривых!
И день наступил, прозвучало: «Обсудим
Добротный диван, пусть понравится людям!»
И сладко стонали пружины, ох – сладко!
И стоном любви заполнялась тетрадка
Одной поэтессы с глазами газели.
Опять за окном пролетали метели.
Сплетались тела, юность правила миром
В отдельно счастливой, с диваном, квартире.
Там были две кошки, собачка, соседи...
А скоро в подушках заплакали дети.
Потом засмеялись, потом заскучали...
Скрипели пружины, качали, качали.
И так день за днём, за неделей неделя
Скрипели пружины, летели метели...
И столько печалей, и столько секретов
Узнали пружины о том и об этом.
О тех и об этих так много узнали,
Что стали скрипеть и в любви и в печали
Так громко, с опорой на нижние звуки.
Не в радость для кошек и попок, а в муки.
И время со скрипом решило задачу:
«Устал наш диван. Пусть поедет на дачу».

Я знаю, читатель, от самой затравки
Ты чувствуешь – повесть окончится свалкой.
Зачем, почему? Где рисунок событий?
Те, кто поумнее – меня просветите...
У всех свой сезон – и любви, и старений.
Напрасная тема для стихотворений.

Стою и слезу, потихоньку... украдкой.
Листаю года в потемневшей тетрадке.
Сама – потемневшая серая птица...
Что в памяти? Дети, любимые лица,
Ромашки в кувшинах, тепло и метели...
Ещё что?
Пружины.
...стонали, скрипели...

НАСЛЕДСТВО

Осень отмучилась, новости скучны ей.
 Спряталась в дёрн – познавала смирение.
 Строчкой бродила по стихотворению.
 Что-то незримое в воздухе чудилось.
 Видимо, резкая смена наследников
 С рыжих, гривастых, фальшивомонетчиков
 На бесконтрольно сопливых сердечников.
 Осень отмучилась...
 Знала: последняя
 Встреча останется росчерком в памяти.
 Тем, что застыл под косматыми крышами.
 Астрой, иссушенной ветром, поникшею.
 Графикой на рукотворном пергаменте.
 Дактилем беглым. Попыткой прощения.
 Лишней триолью в банальной тональности...
 Важная патока провинциальности,
 В банки своё завершая вращение,
 Предвосхищала: «Воистину царственно
 Буду представлена всем, «кто ни попадя» ...»
 Строки грустили о запахе жёлудя,
 Веря в секрет содержания дарственной.

ЗНАКОМСТВО

Не получилось взять нахрапом,
 Да и с годами – не сошлось...
 Вот и сидел, заткнувшись матом,
 Досадно хмурающийся гость.
 Неприглашённый, нелюдимый.
 Попавший дёгтем в майский мёд.
 Вокруг с восторгом Раи, Димы
 И проч.
 да чёрт их разберёт...
 И поздравляют! (Госты креном)
 Поют, желают и жуют...
 Берёт и он руляду с хреном,
 Забыв на несколько минут,
 Что не к нему поток восторга,
 А вон к тому, кто так же сник
 За кучей ломаного торта,
 Упрятав шею в воротник.
 Глаза – так вовсе на затылке
 От церемонии похвал.
 Противно звякают бутылки –
 Почти с намёком на скандал.
 С физиономиями близких,
 Чуть сморщив чёрточку в бровях,
 Вы попрощались по-английски,
 Случайно встретившись в дверях.
 А после – в старенькой пивнушке,
 Сломав последний карандаш,
 Другу-другу вешали на уши

То, что не купишь, не продашь...
 Пивную дурь, лапшу пустую
 О том, что всё вам трын-трава:
 Удача, бьющая вслепую,
 Людская зависть и молва.
 «Цель творчества – самоотдача», –
 Орали громче, чем коты.
 И в ночь, шатаясь, может, плача.
 Да вроде – перешли на «ты»:
 – Чужие лавры – не присвоить...
 – Своих – отчётлив суррогат.
 – Но если ты чего-то стоишь...
 – Тебя посмертно наградят.

ПРИСЛОНИСЬ

Каждый день
 Мучительно, несносно
 Про себя твержу одну строку:
 «Прислонись ко мне!»
 Повсюду осень
 На траву, на крыши, венценосно
 По листку роняет, по листку.
 Оголяя ветви, просьбы, жесты,
 Распластав по небу сотню «ах!»,
 Прислонись...
 Не слушая протесты
 И призывы жалобной челесты
 На моих простуженных губах.
 Отрешись от имени и спеси,
 От притворных взглядов с хитрецей.
 Помнишь, мы во сне стояли вместе –
 Несовместны, глупы, неуместны,
 Прислоняясь страстно.
 Боже мой.
 Откажись от планов, дел и целей,
 От погонь за вымышленным злом.
 Прислонись.
 В манящем страстью теле,
 Совладелец множества безделиц,
 Ты ведущий, ведом и ведом.
 Прислонись...
 От умных мало проку.
 А от сумасшедших – боль и бред.
 Извини, со мной одна морока,
 Да и та истлеет раньше срока.
 Ни вопросов, ни ответов нет.
 Только стон осеннего настоя
 На основе горсти ячменя.
 Прислонись ко мне... и всё такое –
 Крепостное, дикое, мужское...
 Прислонись...
 и вылечишь меня.

СОЛГИ МНЕ ПРАВДУ

Любимый мой, пожалуйста, солги мне.
По жалости и ласке – ностальгия.
И никому не верь, что время лечит.
Застыло время манким сердоликом.
Солги, что сильно хочешь...
что ты хочешь?
Возможно, новой грешной, тайной встречи.
С твоею одалиской многоликой.
Дрожащие ладони, нежность ночи.
Настои на ветрах в одном бокале
Из хризолитовых даров глубинных
И поцелуи.
Страстно...
Много...
Очень,
Чтоб на губах остался блеск рубином.
Но ты молчишь... не смотришь... ты – печален...
Любимый! Пару слов, прошу,
Скажи мне,
Что любишь глубоко, непостижимо.
Что веришь мне,
В меня...
Сейчас заплачу,
И верен ты всему, что я сказала
На «будь здоров», «пока»...
И наудачу
Солги, что выждешь весточку с вокзала
От самой ловкой в мире электрички –
Пособницы лукавой нашей встречи.
Солги, что будет утро, день и вечер.
А ночь?
Ты знаешь, ночь, возьми в кавычки.
Хоть что-то было там, про «нежность ночи»...
Опал её коварен и порочен,
Но я приму. Пусть даже, хлопнув дверью...
Солги мне правду –
В правду я поверю.

ПОИСКИ ИСТИН

«Не успеешь дозреть, так провалишься
в тысячу бездн...»
Да и если успели бы – спелые? Съели...
Знаешь, осень, твоей золочёной хрипатою трубе
Не хватает каденции. Попросту – цели.

И не надо доказывать, что мол, могли избежать –
Стать вареньем, вином, пастилой, мармеладом...
Милый – вспомни траву у скучающего гаража
И решайся ещё раз, да плюхайся рядом.

Есть такие поступки... Им тысяча бездн –
до луны...
Нам двоим, все бока отобьёт о породы.
Но представь, как взорвётся клетчатка
от общей вины,
И рванётся вином за полёт и свободу...

Не решаешься... правильно... нужно дозреть
до конца.
Что там осень? Гундосит про поиски истин...

Недозрелым срываюсь.
По веткам медалью бряцать.
Ну а ты, если солнце позволит, пожалуйста,
выспей.

ПЕРВЫЙ СОН

Осторожно, на цыпочках сонный закат
отступал
От картины, картонки, кошёлки, коробки
и крошек...
Отдалялся от ящика с сильно проросшей
картошкой,
Оставляя лишь блики в осколках старинных
зеркал.

Там они суетливо пытались попасть
в «ре-минор»,
А звучало лишь «ля»... ля-ля-ля
и немножко латыни.
Что-то реяло в воздухе с запахом вызревшей
дыни
Про волшебные зёрна причудливых,
сказочных форм.

Про пушистую маму, чьи усики, запахи, нос...
Пропитали собой днище старой чердачной
кошёлки.
Там на дне сладко спал беззащитным комочком
мышонок
Совершенно не зная, что день будет полон
угроз.

ПАМЯТЬ

Вот и всё... концерт окончен. Зачехлён гитарный трепет.
Дом бездомных престарелых вспомнил звук аплодисментов.
Мне теперь – к себе подобным, всё сутулей и нелепей,
К премиальным, подработкам, бестолковым документам...

Там они теряли память, находя ориентиры
В птичках, ноликах и точках, в звуках разных славных песен.
Снег всё таял. Таял. Таял. Из простуженной квартиры
Чей-то пес устало лаял. Бисер плёл лукавый Гессе.

А они теряли память. Птички зыркали проворно:
Может – крошка, может – кошка, где спасение найдется?
Точки в нолики стремились, и царапались повторно
Вверх по клеткам, по ступенькам, к самым классным старым тёткам.

Тёток больше выживало. К ним терпимей бег по кругу.
Жаль, что дядьки, кошки, память – исчезали в мир прочтений.
Оставались звуки песен и, скажу тебе, как другу,
Оставались в результате очень многих предпочтений.

И желтели и жевались, и скрипели по линейкам...
Разлетались в пух и перья и потом взлетать боялись.
Тётки долго не сдавались, распевались на скамейках,
На кроватях, на кушетках, в майках, тапках, одеяле...

Это – орден, это – сила. Это – круг «к себе терпимых».
Это – синтез состояний, класс игры в «себе подобных».
Иллюстрация идеи, сопряжённость одержимых,
Что теряли тихо память, извиняюсь за подробность.

Птички, нолики и точки помогали... и не очень.
Всё же, память уходила к дядькам, кошкам и... прощайте...
Что-то с этим надо делать? Черкать лист поближе к ночи?
Но мы видим, даже песни не дают больших гарантий.

Да, мы знаем – даже песни... Даже нолики и точки.
Что-то с этим надо делать... Что-то я сейчас устала
Размышлять о том, что память нужно сматывать в моточки.
Тает снег, надела тапки, завернулась в одеяло...

Понимаю, что исчезну, принимаю, что возможно
Задержусь на этой грани, между кошкою и птицей.
На границе, там, где память правит правдою и ложью,
Между ноликом и точкой на истерзанной странице.

Извини, сентиментально рассказать не получилось.
И детали не надежны, и сюжета нет местами.
Дом бездомных престарелых – суетится чья-то милость.
Между возрастом и песней – там, где все теряют память.

Берега Беларуси

Евгений Живоглад

Евгений Фёдорович Живоглад родился 5 мая 1939 года в деревне Козловичи Слуцкого района Минской области в крестьянской семье. Отец погиб на фронте в 1945 году. Семья (мать, пятеро детей и бабушка) испытала все трудности военного лихолетия. Младшая сестренка умерла в 1947 году, остальных мать вырастила, трое детей получили высшее образование. Стихи начал писать ещё в школьные годы, но до пенсионного возраста даже не пытался печататься.

После службы в армии поступил на филфак БГУ, который окончил в 1968 году. В последующие годы до 1999 года – педагогическая работа в сельских школах Воложинского и Слуцкого районов Минской области. Первый сборник «Край березовый мой» (на русском языке, издательство «Книгазбор») вышел в 2007 году. Второго сборника (белорусскоязычный, издательство «Книгазбор») – «Княгиня Лоская» вышел в 2013 году. Печатался в журнале «Неман», в районных газетах Солигорска и Воложина. В последние годы работал над исторической хроникой «Сказание о русах» – события от Киевской Руси до революции 1917 года

РОЗОВАЯ ПТИЦА

Майский день в улыбках и цветах
Праздничные, радостные лица,
Реет в моих радужных мечтах
Трепетная розовая птица.

Вот она в лазурной вышине
Надо мною весело кружится,
Словно бы пророчит что-то мне
И зовет надеждой насладиться.

Может, это ты, судьба моя?
Подари мне ангельские крылья.
Улечу в волшебные края,
Там мечта и солнца изобилье.

Что-то шепчут листья в тишине,
Свет небесный ласково струится.
Верю: это счастье, что ко мне
Прилетела розовая птица.

СОЛОВЬИ

Как поют на зорьке соловьи!
Нежно льются ласковые трели.
Милые, хорошие мои,
Где вы в колдовстве поднаторели?

Как вы угадали грусть мою,
Светлые душевные порывы?
Как нектар волшебный, жадно пью
Звуков драгоценных переливы.

В утренней лазурной тишине
Льются трели сладостно и чётко.
И, не повинуясь больше мне,
Сердце бьется трепетно и кротко.

Ты в расцвете, молодость моя,
Безмятежно каждое мгновенье.
Отчего же песня соловья
Будит непонятное волнение?

ПЛАЧ ТАМАРЫ

Не упрекаю, не корю,
Нет, не виню, не проклиная,
Боготворю, боготворю.
Огнем неистовым пылаю.

Залётный ветренный орёл,
Зачем вселил мне в душу пламень,
Раздул костер, а сам ушёл,
Оставив в сердце острый камень?

Лишь об одном судьбу молю –
Чтобы вернула дни былые.
Кого зову, кого люблю –
Пусть не коснутся чары злые.

Нет, не виню и не корю,
Навеки помнить обещаю,
За все тебя благодарю,
Жалею, плачу и... прощаю.

СТОН СТАРОГО ВЛАСТЕЛИНА

Не разжигай во мне огонь,
Безумной молодости жрица!
Ты сердце старое не тронь,
Оно не может распалиться.

В нём уж давно остыла кровь.
Не искушай его так вольно.
Нет, ни к чему твоя любовь,
Ему от неги только больно.

Ах, почему ты не пришла,
Когда оно ещё кипело?
Тогда амурная стрела
Зажгла бы страстью кровь и тело.

Она согрела бы теплом,
Вошла бы в душу жарким летом
И осветила б всё кругом
Своим волшебным, ярким светом.

Зачем мне золото, шелка,
Зачем искристые камни,
Когда кровавая река
Уж унесла мои мгновенья?

Зачем мне власть и быстрый конь,
Придворных преданные лица?
Не разжигай во мне огонь,
Моя прекрасная царица...

ТОПОЛЯ

Тополя вы мои, тополя,
В белом бархате листья резные.
Вас лелеет родная земля,
Сколько помню – вы все молодые.

Вы мне с детства знакомы до слез –
Три красавца у самой тропинки.
Рядом – стайка кудрявых берез
И черемуха в белой косынке.

Я встречаю косяк журавлей
В горном крае, снегами одетом.
Может быть, от моих тополей
Прилетели вы с добрым приветом.

Снятся рощи, родные поля,
Озарённые солнечным светом.
Тополя вы мои, тополя,
Вы прекрасны зимою и летом.

ЗВЕЗДОПАД

Вот опять соскользнула звезда
И стрелой небосвод прочертила.
Через миг – ни огня, ни следа –
Всё бездонная ночь поглотила.

Это яркая чья-то судьба
Отгорела, сошла, закатилась.
Это жребий земного раба,
Это Вышняя Воля свершилась.

Звёзды смотрят, мигают, горят,
Дремлет Вечность во тьме мирозданья.
Вдруг – каскад-звездопад, словно град...
И последняя вспышка сиянья...

Власть холодного небытия
Чьи-то судьбы опять полонила.
Где пылаешь, родная моя,
Та звезда, что меня породила?

Может, ты из созвездий глухих?
Отзовешься ли? Даль бесконечна...
Я уверен: ты ярче других
И, надеюсь, счастлива и вечна...

ИВУШКА

Что ты, ивушка, кудри повесила,
Что взгрустнула, склонясь над водой?
Посмотри, как счастливо и весело
Улыбнулся дубок молодой.

Очарован красотой твоей юною
И, дивясь непонятной тоске,
Майским утром, и ночью лунною
Шепчет нежно признанья тебе.

В нём рождается сила могучая,
Добротою раскрыта душа.
Посмотри же, тихоня плакучая,
На цветущую стать крепыша.

Не изменит он чувство растущее,
Защитит – ты нежна и слаба.
Улыбнись: это счастье грядущее
Это светлая ваша судьба.

ТАЛИСМАН

Поистёрся ты, мой талисман,
Непослушна судьба-незадача.
Всё – обман, всё – лукавый туман,
Отвернулась плутовка-удача.

В неизвестность пути не просты,
Не стезя соловьиного сада.
У мечты и шипы, и цветы
– Беспокойному сердцу награда.

Я пройду по волшебным полям,
Обрету колдовскую десницу,
Стану сам терпелив и упрям
И поймаю шалунью жар-птицу.

Ты храни меня, мой талисман,
Бесшабашному воля – отрада.
Буду пьян, озорством обуян,
И другого мне счастья не надо.

ПРИЗНАНИЕ

Люблю тебя неистово,
Земля моя прекрасная,
В сиянье неба чистого,
Бездонного, лучистого
Ты, словно дева красная.

Снегами ль припорошена,
Как юный май, оцвечена,
В багрец ли прихорошена –
Ты как в невесты прошена,
Да злой судьбой отмечена.

Краса твоя старинная
Столетиями отточена,
Тропа твоя былинная,
Как ночь ненастья длинная,
Слезой вдовьей смочена.

А ты, как прежде, нежная,
А ты во всем успешная,
Упрямая, прилежная,
И в горе безмятежная,
Святая и безгрешная.

С вершин хребта ребристого
Мне чудится желанная
Сквозь дымку неба мглистого
Любимая неистово
Земля, судьбою данная.

ГИМН ЖЕНЩИНЕ

Ты из истоков бытия –
Природы дивное творенье.
Мудра и вечна суть твоя –
В тебе начало повторенья.

Священный пламень юных грёз,
Земной соблазн и неги царство,
И водопад ревнивых слёз,
И страсть, и ласка, и... коварство.

И сладкий тайный Евин грех,
И светлый гений материнства,
И жизни нить одна для всех
В цепи вселенского единства.

В ком кровь неистово бурлит,
Тот чашу грешную пригубит.
Она недуги исцелит,
Но слишком алчного погубит.

Так на века и навсегда,
Все повторяясь бесконечно,
Земного таинства звезда
Горит заманчиво и вечно.

РАДУГА

Летняя гроза перед закатом
Шквальным водопадом отгремела
И с далёким тающим раскатом
В голубые дали улетела.

Пряная душистая прохлада,
Лёгкий трепет вымытой рябины.
В зареве багряного каскада
Капли на сирени, как рубины.

А над лесом в высоте лазурной
Ярким многоцветным коромыслом,
Полыхая россыпью ажурной,
Радуга игривая повисла.

Чудные, волшебные мгновенья,
Переливы солнечного света,
Призрачной фантазии творенье,
Прелесть заколдованного лета.

Всё под вечным небом быстротечно,
За мгновеньем быстрым не угнаться.
Знаю: многократно, бесконечно
Будет это чудо повторяться.

ЗАВЕТНОЕ

Мне чудятся медовые поляны,
Кудрявые берёзки на бугре
И перелесок, паутиной тканый,
И росный луг на утренней заре.

В лучистом небе – жаворонок звонкий
И вещая кукушка на дубу.
И дышится легко в родной сторонке,
Но не корю суровую судьбу.

Настанет день, пусть он и за горами,
Они растают в памяти, как сон.
И зазвонят нарядными кудрями
Родные рощи ветру в унисон.

ФЕЯ

Что ты плачешь, моя бирюза?
Кто обидел прекрасную фею?
Как горяче искрится слеза,
Я дышать от досады не смею.

Пригорюнилась в зябкой тоске,
Долу свесила длинные косы.
Муравьи на прохладном песке
Бороздят твои ноженьки босы.

Гибкий стан изогнулся дугой,
Серебрится фата-паутинка,
Как бальзам, аромат дорогой
Источает волшебно росинка.

Околдованный чар синевой,
Я люблюсь тобой молчаливо,
Ты всего лишь цветок полевой,
А мила, как печальная дива...

ПЕСНЯ МАРГАРИТКИ

В саду у калитки
Цветут маргаритки.
В них нежность румянцем играет,
А ландыш зелёный,
В легенду влюблённый,
О розе заморской мечтает.

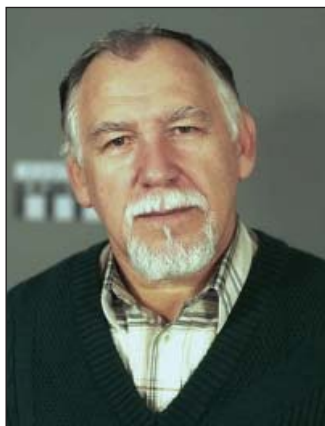
Не знает наивный,
Что вид её дивный
Пленит лишь под солнечным бликом.
Та южная роза,
Боится мороза,
Зачахнет на севере диком.

В глазах маргаритки
Слезинки-завидки –
Как хочется ей на свиданье!
Но ландыш не знает,
Как нежно ласкает
Её лепестков полыхание...

Берега Латвии

Иван Кунцевич

Родился в Беларуси в 1948 году. С 1-го по 11 классы учился в г. Калининграде. Окончил Калининградский технический институт. Направлен на работу в г. Рига в 1971 году. Работал технологом на судах РБРФ. Живу в Риге.

Писать стихи начал со дня поступления в институт. Издано 10 сборников стихов. На стихи композиторами написано более 20 песен.

Являюсь членом Союза писателей Северо-Запада, Международной писательской организации писателей и публицистов, Российского союза писателей, литературной творческой мастерской «Русло». Член Латвийско-Российской Ассоциации Сотрудничества, в которой провожу поэтические встречи и веду литературную страницу «Поэтический перекрёсток» в журнале «Корни».

* * *

Мечтая искренне порой
О счастье в нашей жизни,
Мы, как чужие, стороной
Проходим по Отчизне.

Проходим мимо и себя.
Нас нет – не существует.
И часто грани бытия
Мы поминаем всуе.

Кричим и мечемся душой:
Где взять для жизни света?
А мир бездонный и большой
Нам не даёт ответа.

* * *

Отяжелели люди мыслями,
Законами, делами, связями.
Из юных лет куда же вышли мы?
К любви, ушедшей за рассказами?

К ночам холодным и бессонницам,
К словам, оброненным в час холода?
К молитвам горьким, тихим звонницам?
К любви, познавшей чувство голода?

Куда пришли мы, племя юное?
О чём мечтали? Что нам грезилось?..
Молчи, гитара семиструнная,
Душе моей в иное верилось.

ПОРОЙ

Не замечаем тех, кто с нами
Готов по морю будней плыть, –
И под напором дней цунами,
Решаем, как нам стоит жить,
Влюбляться, петь и знать веселье,
И радость звёздной высоты, –
И забываем притяженье
Друзей, их планы и мечты.
Не замечаем тех, кто рядом
Идёт по жизни, словно тень...
Мне жаль, когда и тихим взглядом
Тебе касаться близких – лень.

* * *

Нет, душа не остыла.
Отвергая закон,
Сумасшедшие были
Её взяли в полон,
Где свистящие пули,
Словно хлынувший град.
Душу просто согнули
И поставили над...
Душу бросили в прорубь –
С высоты бытия...
В небе кружится голубь.
– Не душа ли твоя?

ТОСКА ПО РОДИНЕ

Безмерна острая печаль...
Я вновь волнением охвачен:
Полей, лугов простая даль,

Как солнца луч, что мной утрачен,
И не согревший ничего,
Не осветивший, не открывший, –
Лишь в недрах сердца моего
Тоску по дому оголивший.

НОЧЬЮ
НА ПОГРАНИЧНОМ ПЕРЕХОДЕ

Вновь границу и ветер, и дождь
Перешли в ожидании лета...
Всё темно. И холодная дрожь.
И судьба не находит привета.

Но пройти без задержек нельзя. –
На пути, словно волны, преграды.
Знаю: где-то за ними земля,
Что дорожке мне всякой награды...

И вдруг свыше, сквозь тучи вдали,
В небе молния ярко сверкнула. –
За оградой полоска земли
Мою душу до дна всколыхнула.

* * *

Душа безгрешна изначально...
Но почему мне так печально?
Не оттого ли, что со мною
Живёт другой она странною?

И солнца яркие рассветы,
Что наблюдают здесь поэты,
Не дарят ей и лучик дней
Для встречи радости моей.

А те же снежные просторы,
Озёр холодные узоры,
Дорог скользящих серпантин, –
Лишь добавляют мне седин.

Но только край родной заметив,
Я забываю вздохи эти...
Душа грешна? Да нет, она
Любовью к Родине – верна!

* * *

Я знаю, время быстротечно
И русло дней передо мной:
Живу легко, светло, сердечно.
Доступен мне весь мир земной.

И я своё встречаю время,
В котором радости не счесть.
В полях мечты бросаю семя,
Чтоб возродились ум и честь.
И ярче стали наши чувства,
И бескорыстнее добро,
Вошла свобода в мир искусства,
Как в самородок серебро.
И чтобы я, где б ни был ныне,
Стоял за свет родной страны,
В любой глуши, в любой пустыне,
Везде, где люди не равны.

* * *

Мгновения жизни мелькают, как птицы.
Безоблачно небо. Дорога чиста.
Застыл деревянный журавль у криницы.
Бездонною видится дней высота.

И кажется жизнь глубока и красива,
И нет в её зеркале страшной беды,
И в ней отражается тихая ива,
Склонённая низко до самой воды.

* * *

Говорить про одни лишь дубравы
Не хочу, не могу, не берусь.
Все поэты известные правы:
Бесконечна моя Беларусь.

Здесь такие просторы встречаю,
От которых рыдает душа.
И готов я родимому краю
Целовать каждый лист камыша.

И готов поклониться озёрам,
И упасть на песчаной дуге...
Не считайте меня фантазёром:
Здесь кружу в тополиной пурге.

Здесь я весело солнце встречаю
И легко провожаю закат.
И в рассвете – души я не чаю,
Даже если рассвет не богат.

Ярко радуга в небо взметнётся –
И готов состязаться с ней я.
Пусть курлычет журавль у колодца:
Эта Родины песня – моя!

Берега Израиля

Иосиф Рабинович

Родился в год начала второй мировой войны. В школу пошел сразу же после войны, учебу в институте совместил с хрущевской оттепелью. Занимался многим: наукой, журналистикой, подводной охотой и даже играл в ранний КВН. Стихи начал писать в нежном детстве, где-то в период Сталинградской битвы, естественно про наши танки и «ястребки». Впервые опубликовал поэму (конечно, о борьбе за мир) «Письмо американскому студенту» в районной газете г. Задонска (Липецкой области) «Знамя коммунизма» в 1957 году. Кроме занятий литературой, преподавал, после окончания МФТИ (Физтех) в этом институте, работал зам. начальника комплекса в ОКБ им. П.О. Сухого, начальником сектора ИАП РАН; профессор Российской Международной Академии Туризма. Лауреат премии Совета Министров СССР в области науки (1981 г.). Член Союза литераторов России с 2005 года.

Государственный стипендиат в номинации «выдающиеся деятели культуры и искусства» (2008 г.). Член Международной ассоциации писателей и публицистов (2016 г.) Автор пяти книг поэзии и прозы. Член Русского географического общества (полярная секция). Учёный секретарь подводной археологической экспедиции «Челюскин 70»

За мир и дружбу

Вот уж, как говорится, не повезёт, так не повезёт. И ведь не такой уж я трудоголик, но как только наметится просвет и можно расслабиться, и отдохнуть слегка, так обязательно какая-нибудь напасть наваливается. А сейчас-то вообще, как нарочно... Впереди такой восхитительный в своей продолжительности коктейль церковного благочестия и пролетарской солидарности, Пасха и Первомай в одном флаконе, а я? Я в реанимации весь на иголках и подключён к приборам. Попал я сюда среди ночи, прихватило меня с вечера, а уж после полуночи пришлось вызывать скорую. Те поколдовали и подмогу вызвали – вроде «моторчик» совсем останавливается, давление упало, но «мотористы» толковые, видать, попались: обороты кое-как набавили и увезли в одних трусах. Уже утром мой сосед – того только от приборов отключили – расспросив меня, что да как, прокомментировал: ну, парень: 40 на 20 – это уже не давление, а почти разрежение... Хорошо пошутил, особенно, когда всё уже позади. Позади-то позади, да компания моя завтра по лесам тверским гулять отправляется на двенадцать дней, а я и Пасху, и «солидарность», и победу на койке проторчу. Праздники в городе – не по мне. Это раньше в молодости все эти народные гулянья доставляли радость...

Прекрасное лето 57-го, Московский фестиваль молодёжи и студентов «За мир и дружбу». Мы окончили первый курс и предвкушаем каждый день новые сюрпризы: прошла фестивальная лотерея, билеты, распределённые на группу, мы выкупили «общим котлом» и выиграли платок ч/шерстяной женский и набор ложек столовых. Взяли деньгами, и этого хватило на гробового вида магнитофон. Теперь такой можно увидеть только в политехническом музее. Недавно водил внука туда, он всё не мог понять, что этот ящик и его плеер, умещающийся в кармане – одно и то же, разве что плеер способен на большее.

А может, между мной и внуком такая же разница?

Конечно, нет! Неважно, что я увидел впервые телевизор в четвёртом классе, а его привезли из роддома в квартиру, где уже стоял компьютер. Важно совсем другое: многие вещи мы с ним ощущаем и понимаем одинаково, и полувековая разница в возрасте не мешает. Впрочем, возможно это временно...

Вот ведь какие странные мысли приходят на реанимационной койке в голову, затуманенную нитросорбитами и прочей гадостью. Но магнитофончик в мозгу с визгом прокручивается назад, и вот он снова 57-й... В «Физтехе» нас собрали и предупредили «про коварный зарубеж». Объяснили доходчиво об опасности связей с иностранцами, сообщили, что нашего ВУЗа, как бы, вообще в природе нет, и ежели враг задаст вопрос о месте обучения, следовало отвечать: «физфак МГУ». Мы, конечно, рекомендации выслушали весьма поверхностно, понимая их, как отрывку прошлого. Молодые и необстрелянные, кабы мы знали, что прошлое живуче до безобразия. Но мы не знали и предвкушали роскошь человеческого общения с «забугорными» студентами и, особенно, студентками. Однако человек предполагает, а Бог располагает. Роль Бога на себя взяли мама и бабушка. Напуганные слухами об эпидемии венерических заболеваний, сопутствующей подобным молодёжным сборищам, они решили на всё лето увезти меня из Москвы подальше, в городишко Задонск, где эротизированная борьба за мир и дружбу не угрожала «ребёнку». И хотя мне должно было исполниться целых 18 лет, я подчинился; спорить с мамой и бабушкой я не привык, что до отца, он этими подробностями не занимался.

Город Задонск – прелестный среднерусский пыльный городишко – лежал на берегу Дона, и от него тянулся до Ельца бульжный тракт. Это теперь Задонск лежит на трассе Москва-Волгоград, и к запахам яблок и пыли примешивается дизельная гарь. А тогда.., тогда я не мог понять, чем приглянулся родителям этот заброшенный уголок России.

Вот и наши теперь, поди, пробираются вдоль речки Осуги, возле Торжка, и те же звёзды, что глядят в окно реанимации, светят над уснувшей рекой. Ну, уж нет, из реанимации видишь совсем другие звёзды; те над рекой наводят на мысли о бесконечности мира, а эти только напоминают о мизерном сроке тебе отпущенном. Это не я сказал – сосед мой, что шутил про разрежение. Настроение у него неважное; видать, жизнь не очень задалась, а претензии были, претензии, видать, не очень обоснованные. Теперь от них остались только желчь и раздражение. Второй инфаркт у него, да и старше меня он лет на шесть-семь, и всё ему видится на эти «шесть-семь» ближе.

А тогда в Задонске жизнь казалась такой безбрежной и терялась в сиреневой дымке... И только теперь, когда дымка рассеялась, и видишь, что горизонт перестал удаляться по мере приближения к нему, понимаешь, какое это счастье горевать в 18 лет по поводу перспективы провести такое замечательное лето в этой забытой богом дыре. Особенно, если сидишь в позе Чайльд Гарольда на берегу Дона, покуливаешь свой «Дукат», а рядом на подстилочке раскрытый томик «Трёх товарищей» Ремарка. Какие вкусные и лестные для себя аналогии ты ищешь и, ну, конечно же, находишь едва ли не на каждой странице. Бог ты мой, ну как же хочется быть окружённым такими друзьями и познать такую любовь! Пусть даже те же горести, о которых написано у Ремарка, не минуют тебя. Зря беспокоитесь, уважаемый Игорь Борисович – всё будет, всё впереди за той сиреневой дымкой. Пока ты здесь поглядываешь на загорелую девчонку с толстой выбеленной солнцем косой там, в Москве, подаёт заявление в приёмную комиссию застенчивый парнишка с неестественно длинными руками и широкой талией (горб под одеждой не сразу разглядишь). Кабы знать, что сейчас судьба посылает тебе Друга, человека, дружба с которым осветит двадцать лет твоей жизни, возможно лучших двадцать лет. Хорошо бы и больше, да нет – упокоился Илюха на кладбище в Долгопрудной под здоровенной каменной глыбой, которую удалось выменять на пять бутылок коньяка и три кило «Косолапого мишки» у людей с гранитного завода. «Просто так» в те времена могли хоронить только начальство, «завмагов» и народных артистов.

И любовь ещё будет, правда, к сероглазой, с шикарнейшей косицей это отношения не имеет; надо ещё научиться отличать любовь от естественного в таком возрасте возбуждения. А сероглазая хороша! Странно, что так рано на пляже – местные с утра не купаются, и среднерусская Копакабана почти пуста. Вот скинула она ситцевое платьишко, и моему нескромному взгляду предстала загорелая спина с трогательным золотистым, чуть заметным пушком в ложбинке и очаровательной белой полоской над трусиками ситцевого же купальника. Была сероглазая какая-то вся сбитая, тугая и шла по песку с ненадуманной природной лёгкостью: так ходят по песку, по траве, а не по подиуму. Для модели, правда – такого слова мы тогда не ведали, ну, если хотите, для манекенщицы – она была тяжеловата. Так ведь мужик, будь он даже самый завзятый бабник, инстинктивно всё равно выбирает не вешалку для модных шмоток и даже не партнёршу по койке, а мать своих детёнышей – это, наверное, ещё от палеолита тянется. А в современное модельное агентство Венеру Милосскую с её ростом и формами дальше порога не пустили бы.

Между тем, задонская Венера бросилась в воду и красивыми «сажёнками» поплыла на середину Дона, где загорелые её плечи мелькали в сероатой воде. Немного не доплыв до противоположного берега (здешнему Дону далеко до великой реки), девушка развернулась и явно направилась назад. «Сейчас выплывет и пойдёт домой», – подумал я и стал тоже, как бы собираться, хотя мне – то спешить было некуда. Я восхищённо и авторитетно оценил её стиль плавания, как малайский (о, бессмертные шанхайские барсы Остапа Бендера), и через пять минут мы весело болтали. Выяснилось, что зовут её Мила Горбушина, что прошлым летом она поступала в Воронежский университет на «журфак», но «пролетела» и теперь зарабатывает стаж в районной газете «Знамя коммунизма», а экзамены через полтора месяца. Приходится и работать, и готовиться – это к вопросу о совместном посещении местной танцульки или кино. И сейчас, вот, она спешит, просто окунулась перед работой. Сегодня она должна сдать материал о плохой работе колхозных токов; она произнесла это слово – «материал» очень авторитетно. Я, разумеется, предложил свою помощь, она снисходительно поглядела на меня – технаря (я, конечно, уже намекнул, в каком загадочном институте обучаюсь), дескать, это тебе не теоремы доказывать. Но я сослался на свои стихотворные потуги и участие в факультетской стенгазете. Сколько шума наделала моя статья о результатах экзаменов, которую Толька Бубенин по прозвищу «Бульдозер» проиллюстрировал жуткой картиной выгоревшей деревни в духе военных пейзажей, а я снабдил страшным заголовком «Здесь была сессия». Поэтому я со значением намекнул этой очаровательной «гиеночке пера», что, мол, мы – люди точного знания – способны на всё. Так дословно и сказал. И пошёл вместе с ней в редакцию, – моё настойчивое занудство возымело действие.

В редакции никого не было, и мы сразу же приступили к делу. Позор на голову того, кто ухмыльнулся в этом месте. Я обещал помочь и *конкретно сейчас*, никаких иных намерений у меня не было. В присутствии красивой женщины всякий мужчина талантлив. А если тебе восемнадцать – ты гений. Я был готов стать Чеховым и Михаилом Кольцовым, да, хоть, Львом Толстым и даже Шекспиром, дайте только язык подучить. Но таких подвигов от меня не требовалось. Всего и делов-то, что колхозные тока не справлялись с и без того не слишком густым урожаем – попиwali мужички, и урожай тот был им «до фонаря», чтобы не сказать хуже. Мила достала какой-то список и расчехлила почтенный «ундервуд» с дореволюционным стажем. И тут, что называется, «Остапа понесло». В восемнадцать это простительно, и надо бы ещё видеть эти серые прекрасные глаза, с наивным восторгом глядевшие на меня. Уже и не помню, что я ей диктовал – видимо уже хорошо впиталась «совковая» терминология: «В то время, как весь советский народ... выполняющая решения... отдельные руководители хозяйств проявляют вопиющую халатность... особенно печально дела обстоят в... (пиши название колхоза, председатель такой-то, секретарь парткома такой-то) “– и дальше в том же духе. Затем был придуман забойный заголовок: “Неужто хлебу зимовать на токах?” – что уже было явным перебором. Но восхищённая Милочка натюкала это на машинке и сдала материал, а потом мы снова отправились на Дон, когда возвратились назад, она уже появилась в редакции с готовым текстом. Самое удивительное в этой истории, не Милочкино восхищение, не то, что этот бред набрали и напечатали, а то, что назавтра по этой статье, которая, как оказалось, написана “зрелым большевистским пером” собрали бюро райкома. Милочка потом получила отличные рекомендации на «журфак» Воронежского университета, однако снова не поступила и пошла, как узнал я позже, на экономический. Тогда это было не престижно: ни экономики, ни секса, если верить нашему ТВ, в стране Советов не было. То есть быть, то было, но в какой-то странной форме. Впрочем, нас с задонской Венерой это не коснулось – не сложилось и всё тут. Она же сама познакомила меня с главным редактором “Знамени коммунизма” – так называлось СМИ, в котором протекала её журналистская юность – и я предложил ему поэму про мир и дружбу молодёжи. Как-никак фестиваль был на носу. Он ухватился за эту идею, и моё “Письмо к американскому студенту” было опубликовано в ближайшем номере (накатал я его за вечер, и бабуля моя, случайно прочитавшая сей продукт напряжения спинного мозга заметила, что это пахнет пролеткультом По её выражению лица я понял, что запах пролеткульта не из самых приятных, но мне было всё равно, я хотел поразить Милочку своим поэтическим даром, и поразил, но всё даром.) Самое смешное – «главный» выплатил мне гонорар – это был первый заработок в моей жизни! Стипендия ведь не заработок, а пособие. Гонорар был не ахти как велик, но на плацкарту до Москвы хватило, и я сбежал на желанный фестиваль, оставив Милочку в смешанных

чувствах. Хорошо я сделал или плохо – один Бог знает. Наверное, хорошо, ибо через десяток лет, приехав с женой и сыном в знакомые места на лето, я нашёл Людмилу Петровну располневшей дамочкой в должности «замзав» планового отдела райисполкома и законной супруги первого секретаря райкома ВЛКСМ, матери двоих детей. Мы вежливо раскланялись, и мне показалось, что что-то мелькнуло в её улыбке. Скорей всего показалось – когда тебе под тридцать, часто кажется, что многие вздыхают по тебе – но это просто ещё не избыточное тщеславие молодости.

Сегодня то из реанимации всё видится по-другому, а тогда, тогда в 57-м поезд нёс меня из пыльного Задонска в вожделенную Москву, и ни о чём кроме фестиваля не думалось. Москва встретила меня яркими красками. Всё было раскрашено, и даже угрюмые ЗИЛы из практического «хаки» перекрасились во все цвета радуги и обвешались фестивальными ромашками и лозунгами про мир и дружбу. Теперь-то ясно, что первая это была дырочка в железном занавесе, а тогда всё это воспринималось естественно, как логика оттепели – нам казалось, что всё впереди будет прекрасно. А как ещё могло быть?

А быть могло очень по-разному, и случилось у всех по-разному. Разных высот и положений достигли мои друзья по студенческой скамье. И при «совке», и в перестроечной мясорубке. Но прожили хорошо, потому что правильно прожили, и никто из близких друзей не скурвился, а, Бог свидетель, возможности и соблазны были.

Ах, как гудела похорошевшая Москва, и главной приметой была толпа, протянувшаяся от площади Революции, аж до «Маяковки», толпа, в которой люди стояли и говорили друг с другом. Нет, тут был и обмен значками, шапочками, шарфиками, был и флирт, но главным были беседы. Господи, мы впервые имели возможность применить свой «иняз» на практике, и без страха поболтать с «коварным зарубежьем». Видит Бог, наши «особисты» напрасно боялись: мы напористо доказывали английским студенткам всю аморальность колониализма, что не мешало, конечно же, танцам и прочим радостям, столь свойственным нашему тогдашнему возрасту, вне зависимости от всех «измов». Я гордо щеголял по праздничной Москве в белых фланелевых брюках бабушкиного брата (произведено в городе Париже за 30 лет до того лета), в малиновом пиджаке с короткими рукавами (пошила мама) и в белой пилотке (выменял на свою тибетейку у какого-то пакистанца). Эта пилотка, которую мои друзья и до сих пор не могут вспоминать без смешков, создала массу пикантных ситуаций. Где-то в районе Чистых прудов наши московские девчонки стали кричать мне «Хинди Руси, бхай, бхай!» и я с аппетитом целовал их комсомольские губки, укрепляя на чужой счёт советско-индийскую дружбу.

Ах, какие зарницы полыхают за окном нашей палаты! Днём меня и соседа перевели из реанимации сюда; меня часом раньше, у него ждали какой-то анализ. В палате хорошо; пришёл в трусах, и тут же сердобольный новый сосед ссудил тапочками и сигаретой, и пошёл я звонить домой по халявному больничному автомату. Дома никто не брал трубку, и тут меня тронули за плечо. Глянь – благоверная с наследником пожаловали; их из реанимации сюда послали. Сигарета произвела на мою семью сильное впечатление, и пока сын бегал за моей одеждой в камеру хранения, жена уверяла меня, что чёрное ей не к лицу (это она про траур и курево).

Но я уже на ногах, и значит, жизнь налаживается, а курево, – что курево? Отец курил почти 60 лет и дожил до 86, а у меня и полувека курительного стажа не набирается.

А сейчас-то многие молодые не курят и правильно, наверное, делают. Даёшь, одним словом, здоровый образ жизни. А может им есть для чего себя беречь? Кипр, Эмираты, Майорка, Таиланд, Гоа, – да разве в Задонске они отдыхают летом? Все эти слова «всё включено», «фри шоп», «трансфер», «минибар» – мы о них и понятия не имели, а про «Мартини» только у Хемингуэя читали. Но, дорогой ровесник, если кто тебе скажет, что мы скучно жили, плюнь ему в морду или пошли куда подальше. Вот недавно наследник мой, когда я стал жаловаться на советские времена, мне, как ножом отрезал: «А как вы ржали у тебя в кабинете, когда к юбилею дяди Кирилла готовились? Кому хреново, так не ржут». Или вот ровесница его, молоденькая ухоженная дамочка – по-нашему, по-стариковски, девчонка лет тридцати – финансовый аналитик в одной фирме, где я иногда консультирую. Она и на фитнес, и на карате, и во всякие салоны... Однако, не замужем. Я её как-то и спроси: «Ирочка, мне кажется, мы, помимо работы, естественно, играли в футбол, в волейбол, ели, пили, веселились и любили друг друга взахлёб, а вы занимаетесь спортом, правильно питаетесь, умеренно употребляете алкоголь и уделяете время безопасному сексу». А она, умничка образован-

ная, с двумя языками, как-то с грустинкой ответила: «Ну, Вы, Игорь Борисович, конечно, как всегда экстремист, но что-то в Ваших словах есть». То-то оно и есть, что есть.

Ах, какие зарницы полыхают за окном нашей палаты – заря в полнеба. Так же, помню, полыхало московское небо в ночь студенческого бала Московского фестиваля. Бала, который гудел на Ленинских горах вокруг университетской высотки. Несмотря на то, что фестиваль был уже на излёте, бал удивил всех – ничего подобного у нас в Москве ещё не было. Десятки оркестров, танцы всех видов, причём самого буржуазного пошиба, в обнимку и с поцелуями. Такого мы не видели, но быстро привыкли, особенно девчонки; женщина, – вообще существо более способное усваивать новое. Конечно, и иностранцы их сильно привлекали, независимо от национальности и цвета. Сколько мулатиков – внучков того фестивального августа – сегодня встречается на московских улицах.

К иностранцам особое отношение было и у властей: странная смесь подозрения, скрытой неприязни и медоточивой угодливости. Они, то бишь иностранцы, должны были увезти с собой лучшие впечатления о стране победившего социализма, и посему с ними носились как с писаной торбой. Помните у Высоцкого: те, кто едят, так это иностранцы, а вы, меня простите, кто такие? Поэтому их кормили, возили и оберегали и милиция, и искусствоведы в штатском, и советская медицина. На том же балу присутствовало множество машин скорой помощи. Так, на всякий случай. Медики и медички, томясь бездельем, наблюдали за балом, не имея возможности присоединиться к общему веселью. Поэтому эскулапы заметно оживились, когда мы подвели к ним шведскую пару лет тридцати, которая просила нас доставить их к спасительному медпункту. У главы семьи пошла носом кровь, и его рыжая тощая, веснушчатая жена, телосложение которой скорей напоминало теловычитание, верещала по-шведски так возбуждённо, что впору было подумать, что швед получил тяжкие телесные повреждения, плохо совместимые с жизнью. Тем не менее, медики приняли их на полном серьёзе: швед был уложен на носилки, и девушка в белом халате промыла ему нос и вставила в кровоточащую ноздрю ватный фитилёк, смоченный чем-то целебным. Видимо, для профилактики и симметрии в другую ноздрю был вставлен аналогичный фитилёк, и пациент, лёжа на носилках, наблюдался медперсоналом. Терапия, как видно, возымела действие: пациент чувствовал себя хорошо и настолько, что попытался на осязательном уровне познакомиться со своей спасительницей, что вызвало адекватную реакцию у шведской «вешалки». И её можно было понять – спасительница была чудо как хороша и соблазнительна. Жгучая брюнетка с угольными глазами и ослепительно-белой кожей. Сросшиеся стрелчатые брови и очаровательные, едва заметные чёрные усики над пухлой розовой верхней губкой. А сбитая фигурка, а стройная ножка под ней... нет, ревность шведки была понятна. Но восточная красавица решительно отвела блудливую руку потомка викингов и жестом порекомендовала ему лежать смирно и не рыпаться. Потом она отошла в сторону, достала сигаретку и стала рыться по карманам халата. Это не ускользнуло от нашего внимания, и дружок мой, Володя Бломберг по кличке «Боба», немедленно предложил свою зажигалку. В те годы зажигалка была престижной штукой, особенно американская, которую Боба выменял у какого-то «янки» на значок Осовиахима. Завязалась беседа. Сашенька Оганова – так звали нашу новую знакомую – пожаловалась на дежурства, которые замучили, на придурка викинга, на «эту рыжую выдру». Была Сашенька хирургом, только год как закончившим «первый мед», в «скорой» отработывала распределение, а сама хотела в ординатуру. Родитель у неё был профессор медик, но старой закалки, и считал, что медицинская наука без практики ничто, и никакой протекции дочке делать не хотел. Мы проболтали с ней часок, а может больше – уж очень хороша была Сашенька – а «Боба» вообще распушал хвост и приглашал на закрытие фестиваля. У него была возможность достать билет через отчима. Но тут Сашеньку отвлекли, привезли кого-то с серьёзным делом. Но телефончик у неё мы уже взяли и пошли догуливать бал. «Боба», по-моему, потом звонил ей, но что-то там не сложилось. К тому же мы подцепили на этом балу двух разбитных американок (о, бесшабашная молодость), и Сашенька исчезла с нашего горизонта. Тем более чувствовалось, что девочка она серьёзная, а нам хотелось ветрености и легкомыслия. На закрытие фестиваля мы пошли с «Бобой» вдвоём и там обнимались с какими-то француженками, которые курили крепкие «Галуа». Кабы знал я, что на трибуне напротив размахивает светящимися флажками моя будущая жена... Но я не знал, всё мы узнаём тогда, когда приходит тому время.

Зарницы полыхают за окном. Вот и сосед мой по реанимации вышел за мной в коридор со своей «Примой». Я уже много знал о нём. Мужик работал в «ящике» (конечно, нашлись общие знакомые),

был дважды женат, его навещала дочка от первого брака. Во втором браке детей у него не было. И страдал он извечным русским недугом – слабостью по питейной части. Отсюда и второй инфаркт. Но курит, как паровоз и выпивку в перспективе тоже держит. Деликатно поинтересовался у меня, что я по этому поводу думаю. Я ответил, что, скорее всего, отпил своё, и не из-за сердчишка, а просто уже отпил. «Вот и меня жена уверяет, что я своё тоже отпил, – ответил он, – а я так понимаю, что нет». Когда я спросил у него, почему не приходит его жена, он сказал: «Болеет она, с ногами просто беда. А вообще-то она у меня доктор, хирург, но сейчас не работает моя Александра Вартановна. И тесть мой, покойник, тоже был по медицинской части, профессор. Хлебнула она со мной, даже зашиться уговаривала. Но это последнее дело. Вот ты говоришь, батя твой до 86 дожил и дымил всю жизнь, а мой поддавал до 80 и ничего. А тесть не пил, не курил, сам доктор, а до 70 не дотянул. Вот и сообрази».

На том мы и спать пошли. На следующий день после обеда спросил я Сергея Дмитриевича (так соседа звали) – сам не знаю почему спросил – фамилию его жены. Он, несмотря на явную глупость моего вопроса, ответил. Да она, как ты понимаешь, у меня армянка и старинного рода. Уже при советской власти дед фамилию сменил, и стали они Огановыми. Да вот и она сама! «Шура, зачем ты пришла, сидела бы дома,» – сказал он, но чувствовалось, что доволен.

Я уже всё понял и повернулся, чтобы взглянуть только и уйти, чтоб не мешать беседе. Ох, не надо было мне задавать дурацкие вопросы, век бы не узнал я Сашеньку. Тяжёлое расплывшееся лицо, потухший взгляд, заметные усы над верхней губой и даже поседевшие брови. И ноги, тяжёлые опухшие ноги старой больной женщины. Вышел я, сел в холле. Нет, время никого из нас краше не делает, спору нет. Но, Боже, если ты там действительно есть, зачем надо было тебе так уж уродовать такое прекрасное творение рук твоих...

Минут через двадцать она вышла и сразу же направилась ко мне. Лицо её было озабочено и начала она без обиняков: «Извините меня, ради Бога, я понимаю, что это неудобно, но Серёжа Вас так уважает, я Вас очень прошу, ну не проследить, он ведь взрослый человек, но как-то повлиять... Это может кончиться ужасно». Она смущённо замолчала, а я хотел сказать, нет крикнуть: «Да, Сашенька, да, я поговорю с ним, вот только толку-то? Ничего не выйдет, пустой он мужик, ни Богу свечка, ни чёрту кочерга!»

Но ничего такого я не сказал, а по-идиотски пробормотал, что конечно, что надо ему завязывать, что я постараюсь. Как же жалко благодарила она меня. Она умница не понимала, не хотела понимать, что все разговоры бессмысленны. Да, любовь поистине зла. И она ушла на своих тяжёлых ногах.

Выписался я через три дня, на Сергея мне смотреть стало противно. И рассказывать никому я об этом не стал. Особенно «Бобе». Ему нельзя волноваться. Он известный в Москве строитель, отец крупного банкира. После двух инсультов и добавившегося диабета наполовину парализован и почти ослеп.

А нам что остаётся. Только жить дальше. Как говорится в идиотской рекламе: «При всём богатстве выбора иной альтернативы нет!»

За это и выпить не грех, по маленькой, разумеется. За мир и дружбу, за мир, который меняется, а к лучшему или к худшему – и сказать нельзя. Меняется – и всё тут! Потому что не меняться не может. Но не всё меняется. Вот дружба не меняется. Как и любовь, если это действительно дружба и действительно любовь. Вот за это и не по маленькой выпить можно. И будь, что будет.

Берега Литвы

Эльвира Поздняя

Родилась в СССР (Приморский край) в семье военного лётчика, в связи с чем проехала всю огромную страну от Тихого океана до Балтийского моря. Живёт в столице Литвы г. Вильнюсе. Обладатель Диплома лауреата Республиканского конкурса русской поэзии в Литве (2006); Диплома Департамента национальных меньшинств при Правительстве Литовской республики «За активное творчество, обогащающее наследие русской поэзии в Литве» (2006); Дипломов победителя Международного конкурса «Под небом Балтики – 2010 и 2014» (Таллинн); Диплома «Золотое перо» Европейской академии искусств и литературы (2015); Диплома Михаила Ножкина с присвоением премии и звания «Серебряное перо Руси» (2016). Награждена почётным нагрудным Знаком ветеранской организации старейшего Вильнюсского военного училища (ВРТУ-

ВВКУРЭ) «Виленец один в поле и тот – воин». Выпущены три сборника стихов и эссе. Некоторые стихи переведены на литовский, венгерский, польский и английский языки. Публикуется в Литве, Латвии, Эстонии, Венгрии, Германии, Беларуси, России. Член МАПП.

ИЗ ЦИКЛА «ПРОЩЁНЫЙ ВЕРЛИБР»

ОЖИДАНИЕ

Шалый, зимний ветер завыл,
бросая крупу ледяную
в стекло.
Ну что, старуха-судьба?
Заохала...
Заскрипела...
Ждёшь тёплых дней,
закутавшись в барахло?
Ишь, чего захотела!
Чёрное небо душным пологом
накрыло столицу.
Твоя сухая извилина
чуть тянет память волоком,
не в состоянии припомнить
знакомые лица,
горевшие когда-то познания жаждой
в огромной величине времени,
где в той жизни имел место каждый,
хотя...
и
не имел своего мнения.
Бедная моя страна! –
трагедия следствия
и
комедия суда,

ядовито-жёлтый кошачий глаз
базарного худа.
Смирись!
Вселенское исправление ошибок –
беда.
Только за гранью отчаяния
бывает чудо...

НОВОЕ ВРЕМЯ

Ну вот
и выносят старую мебель,
вроде бы отслужившую
положенный срок.
Она исчезает, как быль
или небыль,
уходящие в тревожный простор
за порог.
И вообще-то не важно, на
какую
заменят её дети без сожаления.
Скорее всего – на
дорогую,
достойную безумного
времени,
роковые минуты которого
пожират разруха.

И,
в иссушающем душу уединении,
слезящимися глазами
хозяйка-старуха
отрешённо смотрит ей вслед.
Она,
даже трудно вспомнить,
сколько прожитых рядом лет,
незлобным ворчанием
вела с ней беседу,
как с неразговорчивым с похмелья
соседом...
Как быстро истекает время,
стирая грани ночи
и дня,
поглощая безликий след
замученного бессонницей
«Я».
И ноют суставы,
как ножки старого стула.
Похоже, костлявая гостья
под всхлипы дождя
отмеренное время задула
и начинает обратный
отсчёт...
Не забыть бы стрелки часов
перевести вперёд...

МАЛАЯ ЗЕМЛЯ

В распротёртой огромности
детства
наше жильё –
послевоенный барак
для офицерских семей
совсем не казался
погружённым во мрак,
как застывший в печали своей
разгромлённый ангар
по соседству.
В нём маленькая жизнь
наблюдала,
как примус, сердито шипя,
всё же варил вкусный обед,
но твёрдо считала,
что на обед для себя
вкуснее «Эскимо» ничего нет.
А в тёплой темноте
детской постели грезилось,
будто следят за тобой,
соблюдая приличия,
с кафельной печки
два маленьких личика –

фея и домовой.
От керосиновой лампы,
словно от разбитой склянки,
по потолку ползли блики
и, извиваясь за балкой змеёй,
исчезали в глухой тайне
взрослой жизни,
имеющей связь с Лубянской
и
остальной
Большой Землёй.

БУДНИ

Открываю глаза –
стены в сером тумане,
в перекошенных рамах
висят небеса.
Я устала бродить
в этом сонном обмане,
и так трудно дышать,
словно шкафом
задвинута в угол душа.
Блеклый свет
режет чашка
щербатым осколком.
В ней лохмотья
вчерашнего чая на дне
в полудрёме судьбу
вяжут скользким узором,
и святая икона,
с усмешкой,
а может, с укором,
посылает распятые извне.
На полу –
одеяла, одежда, подушки –
всё вразброс.
Эту грудку ненужных вещей
для кого-то храню.
Может быть,
для
ненужного душки.
Может,
встать
и сварить для него
кислых щей...

ЮДОЛЬ

В своём уединении притих
озябший,
сединой покрытый тополь.

И,
ветром выжженный дотла,
Акрополь
величие униженных постиг.
А там,
вдали,
за ропщущей осиной, –
безликий дом,
и окна, как глаза
у одряхлевшего,
тоскующего пса,
подёрнутые тиной.
Ещё недавно тёплое кострище
напоминает о сожжении сует,
и дно колодца
в вечность отражает свет
для шаркающих мимо нищих.
В прохладной невесомости утра
зов стонущей калитки
приглашает на постой.
Ей вторит уханьем
на чердаке сова,
как, пробудившийся с похмелья,
дикий домовый...
Иллюзиям нет места.
Но...
солнце встало.
Presto!¹

ПОДАРОК СУДЬБЫ

На выцветшем, клеёнчатом столе
уж сколько дней глаза мозолит
скукоженная, пересохшая
краюха,
похожая на немощного домочадца.
И надо бы сходить за свежим
хлебом,
но не хватает сил.
Их нагло поглощает выше этажом
скрипящая, столетняя
старуха,
с которой нет особого желания
встречаться,
но больше некому ухаживать за ней.
Её уставшая душа, не находя покоя,
тоскливо мечется между землёй
и небом,
но проблески оставшегося разума
цепляются за утекающую жизнь

из маленького скрюченного тела,
вина во всех грехах ей ненавистную
округу
с состарившемся рядом зятем,
трагично от инфаркта потерявшего
супругу.
Старуха, как пиявка, уж сколько лет,
быть может, до скончания
века,
с присущим ей по жизни эгоизмом,
высасывает соки
из отягчённого болезнью
человека,
готового в сердцах пресечь благое
дело
и уступить бессмысленной
борьбе,
признать,
на сколько
эта мерзопакостная жизнь
осточертела
и что ему давно уж всё равно,
чью жизнь скорей из этих двух
Господь пожалует
к себе.

РАССТОЯНИЕ

Ах,
это, перегруженное днями
и ночами,
расстояние...
Февраль.
Зима, казалось, набирает силу...
Но вдруг заплакала,
как эта женщина,
которой до отчаяния,
порой, совсем невыносимо
смотреть на росчерки холодного
узора
на,
дышащего одиночеством,
окне,
и ждать письма
в гнетуще-вялой тишине
от человека,
отслужившего майором.
Письма,
написанного наспех столь небрежно,
но доставляющего
умиление
с улыбкой трепетно и нежно
домысливать

¹ Presto (ит. быстро) – термин для обозначения очень быстрого темпа.

невинную погрешность
обрывков дорогих ей слов,
догадываться, что стоит за ними,
смеяться или плакать
над пропавшими в пространстве
запятыми,
оправдывая расстоянием небрежность,
и быть уверенной,
что это
есть
Любовь...

ПОТАЁННОЕ...

Глухая ночь.
Ущербная Луна недремлющим,
насторожённым оком
тарашится на Землю,
и
ключья облаков,
просчитывая
быстротечной жизни срок,
надменно
пересекают лик её,
спеша растаять,
раствориться
в бездонном чреве
всё поглощающей, прожорливой
Вселенной...

Сознание моё,
придавленное тяжестью
дремоты,
стремится ввысь,
подобно соколу пред
жертвенной
охотой,
расправить крылья
для того,

чтоб кануть вниз,
в рассвет,
вернуться в тело,
в оболочку,
в мелькающие будни бытия
и до оскомины страдать
и думать в одиночку,
как
изменить весь Мир...
А может, изменить себя...

Услышать благовеста звон
и слиться с ним
до
бесконечности,
до
тонкого звучания
воскресшей невесомости
извне,
стараясь не нарушить
хрустально-хрупкого согласия
в полуденной,
звнящей робким эхом,
тишине...

Иль,
внемля спелым облакам,
набухшим тяжестью
рождения,
вдруг разрыдаться,
ликуя в страстном упоении
полёта,
плашмя упасть на Землю
и...
целовать Её
неистово...
до
хруста...
до
изнеможения...

Берега Литвы – Эстонии

Яков Креницкий

Яков Креницкий живёт в Вильнюсе. Он является руководителем Клуба любителей поэзии и музыки интернет сайта общественной организации ветеранов Вильнюсского радиотехнического училища войск ПВО страны – Вильнюсского высшего командного училища радиоэлектроники ПВО. Он окончил Вильнюсское радиотехническое училище войск ПВО страны в 1967 году. Во время своей службы, будучи оперативным дежурным на командном пункте радиотехнической бригады Таллиннской дивизии противовоздушной обороны он первым выдал радиолокационную информацию о самолёте-нарушителе государственной границы СССР, который пилотировал гражданин Германии, пилот легкомоторного самолёта, который приземлился 28 мая 1987 года почти на Красной площади в Москве. Этот провокационный пролёт сыграл в то время роковую роль в жизни страны, коснулся судеб сотен высших руководителей Вооружённых сил СССР. Сегодня через многие годы после этого события Яков Креницкий делится своими воспоминаниями о том злопамятном дне.

О Матиасе Русте и системе ПВО

26 мая 2013 года Яков Креницкий по предложению ведущего программы на канале «Россия» принимал участие в записи программы «Прямой эфир с Борисом Корчевниковым»: «Матиас Руст – голубь мира?».

Она вышла в эфир и была показана по каналу «Россия» и «РТР-Планета» в июне 2013 года.

В ней в качестве героев программы принял участие сам «герой» того пролёта, который в самом начале горбачёвской «перестройки» потряс 28 мая 1987 года всю систему ПВО СССР и создал массу проблем высшему командованию МО СССР, Матиас Руст, специально приехавший в Москву. Также в ней приняли участие: оперативный дежурный командного пункта радиотехнической бригады Таллиннской дивизии противовоздушной обороны в день пролёта Руста Яков Креницкий, переводчик на судебном процессе над Матиасом Рустом в Москве в августе 1987 года Вольфганг Акунов, президент академии геополитических проблем генерал-полковник Леонид Ивашов, Леонид Мурзинцев – заместитель начальника Центрального командного пункта войск ПВО СССР в 1987 году, Юрий Кнутов – военный историк, директор музея войск ПВО, кинорежиссёр Александр Стефанович, журналист Андрей Караулов, журналист, телеведущий Игорь Прокопенко, диктор ЦТ Татьяна Судец, актриса Елена Скороходова, Игорь Морозов – полковник КГБ СССР, ветеран афганской войны и другие.

День пограничника, 28 мая 1987 года был обычным, будничным днём.

Над Таллинном, как всегда в эту пору, было серое, хмурое небо.

Боевые расчёты командного пункта 14 Таллиннской дивизии ПВО в 9 часов утра заступили на боевое дежурство после отдачи боевого приказа оперативным дежурным дивизии.

В этот день я заступил на боевое дежурство оперативным дежурным КП радиотехнической бригады, совмещённом с разведывательно-информационным центром КП дивизии.

На планшетах КП, на выносных индикаторах отображалась воздушная обстановка над территорией Эстонии и за её пределами. В воздухе находились десятки рейсовых и боевых самолётов, находившихся за сотни километров от КП.

Никто тогда не мог предполагать, что время уже отсчитывало последние минуты до того момента, который станет поворотным в истории войск противовоздушной обороны СССР. И что его назовут «чёрным днём» ПВО.

В эти часы в Хельсинки готовился к вылету лёгкий спортивный самолёт «Цессна-172», бортовой № RF-00975, пилотируемый немецким пилотом Матиасом Рустом. Самолёт готовился вылететь на Стокгольм согласно заявке для его возвращения на аэродром аэроклуба в Германии. Но у Матиаса Руста был иной план и совсем иной замысел этого полёта. Он вначале пошёл по заявленному маршруту, но затем, резко снизив высоту и изобразив падение в море, взял курс на границу СССР.

Вылетевший на его поиски финский истребитель обнаружил на поверхности Финского залива масляное пятно и, приняв его за место падения легкомоторного самолёта М.Руста, вернулся на свой аэродром.

В средствах массовой информации после этого события долгое время выдвигались различные версии, домыслы, небылицы. С тех пор прошло много лет, но в памяти навсегда запечатлелись те часы работы по самолёту М.Руста, месяцы последующего судебного расследования, заседание военного трибунала, а потом многие годы «переваривания» происшедшего в тот день.

Оператор радиолокационной станции одной радиолокационной роты Таллиннской радиотехнической бригады обнаружил, а дежурный пункта управления этой роты выдал на КП бригады данные о цели вблизи государственной границы СССР. Я доложил об обнаружении цели на РИЦ КП дивизии, продолжая выдавать данные о ней.

Когда цель нарушила государственную границу СССР и стала двигаться над его территорией, был поднят в воздух дежурный истребитель МиГ-21 с военного аэродрома Тапа в Эстонии. Лётчик вскоре обнаружил легкомоторный самолёт и доложил об этом на КП истребительно-авиационного полка.

После этого шла работа боевого расчёта КП дивизии по выяснению принадлежности и законности нахождения над советской территорией обнаруженного самолёта. Ему был присвоен боевой номер 8255, после чего данные о воздушной цели выдавались по установленной схеме выдачи информации на вышестоящие КП.

Однако, по ряду причин, которые позже стали предметом серьёзного расследования и стоивших очень дорого многим, начиная от Министра обороны СССР до ряда руководящих лиц, самолёт

с Матиасом Рустом пролетел по маршруту от Хельсинки до Москвы 880 километров и в 18.45 приземлился на Москворецкий мост рядом с Красной площадью.

После расследования, показаний сотен свидетелей (а ход следствия контролировали на самом высшем уровне в руководстве страны), в августе и сентябре в Москве и Таллинне состоялись заседания соответственно Военного трибунала Министерства обороны СССР и Военной прокуратуры Таллиннского гарнизона.

В Таллинне Военный трибунал, возглавляемый главным государственным обвинителем МО СССР генерал-майором О. Добровольским, признал виновными в задержке информации о самолёте-нарушителе госграницы двух офицеров КП Таллиннской дивизии, которым были вынесены приговоры о лишении их свободы.

Я проходил по делу как свидетель, действия мои по работе по обнаружению и проводке самолёта-нарушителя были признаны соответствовавшими обстановке и требованиям руководящих документов. Командование Таллиннской радиотехнической бригады в результате расследования не пострадало, в отличие от командования Министерства обороны СССР, руководства ПВО страны, а также Ленинградской армии ПВО, Таллиннской дивизии ПВО, других командиров воинских частей по маршруту следования самолета «Цессна-172».

Виновник этой «перестройки» 19-летний пилот-любитель Матиас Руст, заявивший на судебном процессе, что прилетел в Москву с «миссией мира», как посланец свободы, получил небольшой срок лишения свободы «за нарушение правил полётов в воздушном пространстве СССР». Отсидел он менее года в отдельной камере «со всеми удобствами» и вскоре был выпущен из тюрьмы. А осуждённые военным трибуналом офицеры КП Таллиннской дивизии ПВО провели три четверти срока заключения в тюрьме, в камере с уголовниками, были лишены званий, права на пенсии.

Уже позднее были раскрыты многие «тёмные» стороны и выяснены причины того, как могло произойти, что самолёт, который был обнаружен и наблюдался средствами ПВО практически на всём маршруте его полёта в воздушном пространстве страны, не был принуждён к посадке. Это произошло из-за неприятия на это решения высшими начальниками, из-за несовершенных приказов, по которым были обязаны действовать дежурные силы Войск ПВО страны.

Вскрылись и многие другие причины того, почему стал возможным этот пролёт.

Почему-то были приняты тогда многие непопулярные решения высшим политическим и военным руководством страны, приведшие впоследствии к развалу всей системы противовоздушной обороны. Тогда по горячим следам были сняты со своих постов видные военачальники, опытные командиры. Многократно менялись принципы создания более надёжной охраны воздушного пространства и совершенствования подготовки боевых расчётов в войсках ПВО. Во многое из того, что позже рассказали и написали в мемуарах видные военные должностные лица о подоплёках тех событий, верить сегодня не очень хочется. Историю вспять уже не повернуть.

И сломанные, разрушенные судьбы многих пострадавших военных, участников боевой работы по «голубю мира» Матиасу Русту, напоминают об этом, не дают и сегодня забыть о том злопамятном для них майском дне.

Берега Франции

Елена Лебедева

Елена Алексеевна Лебедева – представитель Межрегионального Шаляпинского Центра (творческая общественная организация, занимающаяся изучением жизни и творчества певца Фёдора Шаляпина). Публикуется около 20 лет. В Париже познакомилась с родственниками жены Шаляпина, автор около 70 статей о русской жизни в Париже, написала 20 статей для парижской газеты «Русская мысль».

Один день в Монморанси под Парижем

Небольшой городок Монморанси, находящийся в пятнадцати километрах севернее Парижа, известен своими историческими памятниками, среди которых готический собор Сен-Мартен с витражами, самые старые из которых датированы XVI веком. Интересно и здание мэрии – небольшой замок в неоклассическом стиле, а также музей французского философа и писателя Жан-Жака Руссо (1712-1778), уроженца Женевы, прожившего в городке около пяти лет – с 1757-го по 1762 год. Особняк XVIII века, в котором он располагается, является хранилищем документов, рукописей и произведений писателя и воссоздаёт в маленьком доме Мон-Луи, стоящем внутри, среду его обитания. В саду есть уютный зелёный уголок, где, по воспоминаниям, летом Руссо принимал гостей, а также небольшой павильончик, где был его кабинет. Музей в особняке существует с 1952 года и был отремонтирован к 300-летию философа, которое недавно отмечалось.

В истории городка есть две интересные страницы, связанные с приездом в него многочисленных эмигрантов. Так, в XIX веке он стал пристанищем для польских эмигрантов-аристократов, которые укрылись в нём после неудавшегося национального восстания в Польше в 1830 году. Восстание было подавлено царским правительством, и польским аристократам, чтобы уцелеть, пришлось уехать из страны. Пользуясь связями с французскими военными, которые жили в Монморанси, они нашли себе надёжное убежище. Сейчас об этом свидетельствуют памятные доски и памятники, установленные внутри собора Сен-Мартен, а также многочисленные могилы на старом городском кладбище Шампо, которые сохраняются в идеальном порядке благодаря обществу охраны польских памятников. А в XX веке в Монморанси, как и в других предместьях Парижа селились русские эмигранты, вынужденные уехать из России из-за революции 1917 года и Гражданской войны. Однако отдалённость городка от пригородной железной дороги создавала транспортные трудности, и поэтому это были в основном те, кто редко ездил на работу в Париж – творческие работники либо русские, которые могли себе позволить жить без работы. После Второй мировой войны, в 1951 году, в городке был создан Русский дом для бывших военных-эмигрантов из России, которые были участниками Первой мировой войны или Гражданской войны, конечно, в рядах Белой армии.

Одним из его основателей был капитан В.А. Рагимов (1894-1984) – выпускник петербургского Павловского пехотного училища, который успешно был директором дома 29 лет. Через год после его открытия, в 1952 году, прошло освящение домово́й церкви Святого Николая. Её роспись выполнили супруги А.А. Бенуа и М.А. Бенуа. По сообщениям газет дом был одним из образцовых. В 1964 году был построен новый корпус, и в пансионе проживало 104 пансионера. В сентябре 1971 года, как писала парижская газета «Русская мысль», торжественно отмечалось 20-летие пансиона. Его многолетнему директору была вручена фарфоровая тарелка с изображением здания и памятной надписью. В 1975 году открылся ещё один новый корпус для приёма пансионеров. Дом существовал 50 лет и закрылся в 2001 году.

К сожалению, сейчас все обитатели Русского дома уже умерли, и теперь рассказать о нём могут лишь только те, кто приходил в гости к ним, дружа с постояльцами.

Мне удалось познакомиться с Владимиром Сергеевичем Деларовым – жителем Монморанси, который встречал меня на железнодорожной станции и любезно согласился показать мне достопримечательности городка. Он пригласил меня к себе в гости в небольшой двухэтажный дом с мансардой,

*Борис Павлович Деларов,
в форме лейб-гвардии Кирасирского
Его Величества полка, 1911 год*

стоящий на одной из тихих улочек неподалёку от бывшего Русского дома. Пока хозяин готовил угощение, я с интересом посмотрела его дом и расспрашивала его об истории эмиграции его родителей.

Его отец – Сергей Павлович Деларов (1896–1965) происходил из семьи известного петербургского коллекционера Павла Викторовича Деларова (1861–1913), который был действительным статским советником и служил юрисконсульту Министерства путей сообщения. Всё своё свободное время он отдавал собиранию европейской и русской живописи, был знаком со многими известными русскими художниками и вёл переписку с ними. Покупая у них картины, он имел дома богатейшую коллекцию. Это был один из крупнейших собирателей в России, большой знаток итальянской и нидерландской живописи. Его коллекция насчитывала около 2000 картин. Среди них были полотна Рембрандта, Йорданса, Рейсдаля. Его имя часто мелькало на страницах газет. Он владел шестью языками, и к нему обращались для выявления подделок шедевров в Европе. Вторая жена Павла Викторовича, которая была матерью Сергея Павловича (отца Владимира Сергеевича), Елена Романовна Аршеневская происходила из старинного дворянского рода Аршеневских и была талантливой художницей. Она не имела профессионального образования, но особенно хорошо ей удавались натюрморты. После смерти коллекционера в 1913 году часть его коллекции была продана в Париже. Планировалась и продажа в Лондоне, но помешала Первая мировая война.

После революции часть картин оказалась в ленинградском Эрмитаже. Отдельные картины ушли в разные музеи. В 1937 году семью сослали в Уфу без права проживания в больших городах. Там Елена Романовна умерла в 1942 году. В Архангельском художественном музее имеется семейный портрет Деларовых кисти И.Е. Репина, написанный в 1906 году. На картине изображён коллекционер вместе с женой и дочерью Ниной – сестрой Сергея Павловича. Нина Павловна мечтала стать певицей, но у неё это не получилось. Она была очень замкнутым человеком, вероятно, из-за сложной судьбы своих родственников. Она умерла в Ленинграде около 1960 года.

Сергей Павлович окончил до революции Николаевское военное кавалерийское училище. Он служил в Лейб-Гвардии Кирасирском Его Величества полку. При подходе армии Юденича к Петрограду Сергей Павлович ушёл с ней из Павловска (где стоял его полк), думая, что покидает родительскую семью ненадолго и скоро вернётся обратно. Он был молод и в армии находился в чине корнета. Но жизнь распорядилась так, что после отступления армии Юденича от Петрограда он попал в Польшу, а потом в Париж, где устроился таксистом и проработал им всю жизнь, любя свою работу за гибкий график, встречи и знакомства с интересными людьми.

Судьбы двух старших братьев отца Владимира Сергеевича, оставшихся в России, были трагичны. Дмитрий Павлович (1898-1970) был офицером царской армии. В 1931 году его сослали без права переписки на строительство Беломорско-Балтийского канала. Через 10 лет его послали в Казахстан, в посёлок Озёрный, где он прожил всю оставшуюся жизнь. Вторым братом Борис Павлович обвинялся в контрреволюционной деятельности и причастности к монархическим организациям. Он был арестован в феврале 1925 года, а затем расстрелян. Первопричиной послужило празднование очередной годовщины окончания Царскосельского лицея в 20-е годы с собравшимися друзьями. Компания, изрядно выпив, пела при открытых окнах гимн «Боже, царя храни». Это было слышно на улице, и нашлись люди, которые проинформировали об этом соответствующие органы. Поэтому и начались преследования всех присутствующих на той вечеринке.

Мать Владимира Сергеевича – Ольга Фёдоровна Деларова (1909–1975), урождённая фон Засс, была баронессой. Её отец служил судьёй. Семья жила в Полтаве, но во время революции ока-

залась в своём имении Натальино на Кубани, вблизи станции Гулькевичи. Имение было названо так в честь бабушки Ольги Фёдоровны. После революции мать Ольги Фёдоровны Тамару Васильевну, урождённую Маркозову, арестовали в Натальино и посадили в тюрьму, а затем расстреляли. Старшая сестра Ольги Фёдоровны – Мария Фёдоровна – даже не могла добиться потом её тела. Отец сестёр тоже был арестован. Его сослали на север, а затем отправили по этапу. Он вскоре умер в Новочеркасской тюрьме.

Мария Фёдоровна (1893–1981), тётя Владимира Сергеевича, была замужем за Антоном Мейнгардовичем Шифнер-Маркевичем (1887–1921) – офицером царской армии, который в Гражданскую войну был генералом Белой армии. Он получил два ранения, эвакуировался в Галлиполи. Там заразился тифом, посещая в госпитале своих больных однополчан, и вскоре умер в Галлиполи. В семье был маленький ребёнок, который умер в России от инфекционного заболевания в тяжёлое время Гражданской войны. Ольга Фёдоровна тоже перенесла тиф. Ей удалось выздороветь, но детей больше не было.

Всю свою жизнь она помогала сестре и её семье. После Галлиполи она сумела оказаться в Париже, откуда в середине 1920-х годов, когда в России уже был НЭП, ей удалось прислать приглашение в Париж младшей сестре Ольге Фёдоровне, которая в то время переехала с юга России к родственникам мужа сестры Шифнер-Маркевичам под Ленинград.

В Париже и познакомились родители Владимира Сергеевича. Семья поселилась в северо-западном районе города – недалеко от Аньера. Во всех окружающих домах жило по несколько русских семей. Владимир Сергеевич с большой теплотой вспоминал свою тётю, которая много занималась с детьми – с ним и его сестрой Екатериной. Ему и его сестре удалось получить высшее образование. Он даже параллельно получил два диплома. В 1952 году он окончил три курса Сорбонны с правом преподавания истории и высшую химическую школу, знания которой легли в основу его профессии химика. Он занимался анализами при испытаниях лекарств в фармацевтической промышленности. Его сестра была сотрудницей металлургического предприятия. Она ездила в Россию как переводчица в командировки. Они очень дружны со своей сестрой и до сих пор он каждую неделю навещает её.

Жена Владимира Сергеевича – Людмила Богдановна (урождённая Флери-де-Россет) родилась во Франции в 1933 году и имела русские корни. Её мать была урождённая Павлова. Отец служил в польской и русской армии. Когда Людмила была совсем маленькой, он поехал в Польшу и вскоре там умер. Вторым браком мать вышла за двоюродного дядю Владимира Сергеевича. Семья вначале жила на юге Франции, а позже переехала в Париж. Владимир Сергеевич познакомился со своей будущей женой, когда был в гостях у родственника. В Париже Людмила работала в магазине «Оптика». Они стали часто встречаться и соединили свои судьбы. Вначале жили в Париже, а в 1968 году переехали в этот дом в Монморанси, где я оказалась в гостях. Там было свободней, и дети могли много времени проводить на свежем воздухе. В семье выросло четверо детей с русскими именами: Алексей, Сергей, Павел, Анна. Они все умеют разговаривать по-русски и некоторые используют знание языка для работы. В 2003 году Людмила Богдановна умерла от тяжёлого заболевания. За ней был очень сложный уход, и поэтому её пришлось в последние годы поместить в Русский дом в Кормей-ан-Паризи под Парижем, в котором в конце жизни жила тётя Владимира Сергеевича Мария Фёдоровна Шифнер-Маркевич.

Сейчас все дети со своими семьями живут отдельно от отца, но собираются у него на Рождество и Пасху. Уже семеро внуков, четвёртое поколение от отца Владимира Сергеевича, покинувшего Россию.

Приготовленный хозяином обед был очень вкусным. Мне удалось посмотреть альбомы со старыми фотографиями и узнать, что хозяин и его жена бывали в Русском доме в Монморанси.

Ещё с детства Владимир Сергеевич помнит, как в середине 1930-х годов к ним в гости приходила жена генерала армии Врангеля Ф.Н. Бековича-Черкасского (1870–1953) – княгиня Надживат Бекович-Черкасская (?–1979), которая была приятельницей его тётки. Мальчику очень хорошо запомнилось

*Сергей Павлович Деларов,
1923 год*

при знакомстве её необычное имя. После смерти генерала его вдова, оставшись одна, около 10 лет провела в Русском доме в Монморанси. Там её часто навещала Людмила Богдановна, с которой они были очень близки. Бывал и Владимир Сергеевич. Именно его жена выполнила последнюю просьбу княгини Надживат о её похоронах на мусульманском кладбище в Бобињи под Парижем, где был похоронен её муж-генерал.

В доме Владимира Сергеевича в Монморанси в конце 1960-х собирались однополчане его отца по кирасирскому полку и их потомки. Обычно приходило человек 10–15, которые встречались один раз в год в полковой праздник – день создания полка в начале июня.

Вместе с Владимиром Сергеевичем мы посетили Новое кладбище Монморанси – кладбище Гролэ, находящееся на восточной окраине Монморанси. О русских военных и их вдовах, живших в Русском старческом доме, свидетельствуют 264 могилы, начиная с 1951 года до 2000 года. Русская часть кладбища находится в большом запустении. На неё можно попасть, если идти от ворот по центральной асфальтированной дороге, сворачивающей направо. Через 20–30 метров после её поворота можно увидеть многочисленные православные кресты, часть из которых уже повалилась на землю. Ухоженных русских могил – единицы. Надписи на памятниках с трудом читаемы. Среди них могила Павла Старжецкого-Лаппы (1880–1970), однополчанина отца Владимира Сергеевича и большого друга, которого Владимир Сергеевич из-за преклонного возраста не раз отвозил домой в Париж, когда собирались у него. Неподалёку обнаружилась могила генерала Леонида Богаевского (1867–1951), жившего до Второй мировой войны в Югославии, а после войны переселившегося во Францию.

На кладбище есть небольшая православная часовня в очень хорошем состоянии в память русских, участвовавших в Первой мировой войне. Её можно увидеть сразу же слева от ворот. При истечении сроков хранения в неё сносятся останки всех похороненных из Русского дома. Интересно, как будет выглядеть русский участок кладбища спустя несколько десятилетий? Ведь русские памятники, в отличие от польских, на кладбище Шампо, не охраняются никаким обществом, а факт их разрушения очевиден. С высокой степенью вероятности большая часть их исчезнет.

Осмотрев кладбище, мы поехали на станцию железной дороги. По пути, в машине, я интересовалась у своего спутника, доводилось ли ему бывать на родине его отца – в России. Он рассказал мне, как три раза посетил нашу страну.

Первый раз это удалось ещё при жизни отца, в 1958 году, с группой сотрудников научно-исследовательского института, где он работал. Его отец не радовался этой поездке. Он очень боялся за сына, который решил разыскать в Ленинграде родственников и встретиться с ними. Он считал также, что сын может навредить родственникам. Вся французская группа из одиннадцати человек путешествовала на машинах. Владимира Сергеевича взяли потому, что он хорошо знал русский язык и обеспечивал общение группы в СССР. Через Германию и Польшу приехали в Москву, посетив по дороге Смоленск. Затем через Загорск поехали осматривать Ленинград. В Ленинграде спустя более 30 лет удалось найти только родственников Шифнер-Маркевичей, у которых перед отъездом во Францию жила его мать Ольга Фёдоровна в середине 20-х годов. Встреча с ними была непродолжительной, так как они очень боялись. Владимир Сергеевич передал им подарки и представился сыном Ольги, которая уехала от них в Париж в 20-е годы. Об этой встрече при его длительном отсутствии среди туристов стало известно сопровождающему группы из Ленинграда. Было сделано замечание о том, что не следует на длительное время отлучаться из группы. Город очень заинтересовал всех туристов и понравился. Осмотрев Ленинград, все погрузились на паром. Через Балтийское море переправились в Германию и вернулись во Францию. Путешествие окончилось благополучно, несмотря на предупреждения и инструктаж во Франции перед поездкой об опасностях, подстерегающих иностранных туристов в СССР.

Второй раз он попал в СССР спустя 20 лет. Это было уже с семьёй по туристическим путёвкам в 1979 году. А в 1995 году он ездил ещё раз как турист и смог уже видеться с родственниками без всяких опасений. Завязались контакты. Несколько лет назад его двоюродный брат Андрей Дмитриевич (сын Дмитрия Павловича, сосланного в Казахстан) приезжал к нему на месяц из Санкт-Петербурга и жил в его доме в Монморанси.

Я интересовалась, состоит ли мой спутник в какой-либо общественной организации в Париже, связанной с русской эмиграцией, и узнала, что он член правления Союза потомков галлиполийцев. Союз регулярно собирается. Разговаривают на встречах в основном по-русски, чтобы не забыть язык, прослушивают доклады и организуют торжества, связанные с историческими датами.

Критика

Эляна Суодене

Эляна Суодене – доктор гуманитарных наук, «Золотое перо» Европейской академии искусств и литературы

«Сокровенный сердца человек». О книге Владимира Вахрамеева «Лики Балтии»

Осип Мандельштам, отец и мать которого были выходцами из Литвы, писал:

«Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки».

Книга В. Вахрамеева удивительным образом склеивает позвонки двух веков, но уже не девятнадцатого и двадцатого, а двадцатого и двадцать первого. Автору удалось (вспомним выражение М. Бахтина, чьё имя также неразрывно связано с Литвой) передать «сквозную умонастроенность, таящуюся в глубинах всех сфер» погибшей советской Атлантиды, и духовными капиллярами своего сердца написать современную эпоху, общественное сознание которой во многом уже переформатировано.

Как утверждает К. Г. Юнг «Перевороты, происходящие в нашем мире, и сдвиги в нашем сознании – суть одно и то же».

В. Вахрамеев фиксирует изменение сознания творческой элиты в период исторического катаклизма, выявляя место значительной части интеллигенции в историческом выборе, сделанном нашей страной на пороге XXI века.

История понимается В. Вахрамеевым лично, пропуская информационный поток через собственное сердце! Русская философско-религиозная мысль давно определила сердце, как орган познания.

Знаменательно, что книга В. Вахрамеева выходит в 2017 году. «Родимые пятна» Октябрьской революции ощутимы нашим обществом и сегодня. Это, прежде всего, социальное неравенство, расслоение общества, предательство частью русской интеллигенции национальных интересов и ориентация её на Запад, преступный произвол чиновников, торжество «меднократии». Все эти проблемы прямо или косвенно затронуты в настоящем издании трудов В. Вахрамеева.

В. Вахрамееву удалось выразить амбивалентность советской общности, где наряду с очевидными преступлениями власти (очевидный «идиотизм тогдашней нашей жизни») присутствовали и творческий подъём, и высокие нравственные стандарты, и необычайный взлёт научной и эстетической мысли, и космизм любви.

Таким образом, В. Вахрамееву удалось выразить коренные черты народного самосознания, что всегда являлось неотъемлемой частью подлинно русской литературы.

Как известно, вся русская классика – плод православного мироощущения. «Я русский. Таким меня сделало Православие», – говорил Николай Гумилёв.

Так в чём же специфика этого мироощущения? Каковы его отличительные черты, нашедшие отражение и в настоящем сборнике работ В. Вахрамеева?

Святой Серафим говорил, что признак разумной души – когда «ум погружён в сердце». Тогда «воссияет свет», освещающий «храмину души» (...) «сей свет есть купно и жизнь».

В христианстве любовь – высшая и последняя ценность. Каким чувством воспринимаем мы «нерукотворную красоту»? Только любовью (Б. Вышеславцев).

Вся книга В. Вахрамеева пронизана любовью.

Разве не святой болью любви наполнены строки из повествования о «Финской войне»: «Кто мы – победители или проигравшие? Мы, прежде всего, заложники той политики, в системе которой живём и воспитываемся».

Кто мы? Победившие или проигравшие? Спрашиваем мы до сих пор, анализируя итог уже другой, «Афганской», войны.

Разве не любовью к человеку, не болью за него наполнены строки из трилогии «Опалённые ложью» в главе «Город-крепость Калининград»: «После нашего звонка, дверь открыл дядя Володя, которого я не видел со дня приезда к нам в Ригу осенью 1955 или 1956 года. Прошедшие годы наложили заметный отпечаток на внешний вид и поведение некогда бравого морского офицера. Энергичный и подтянутый, не лезущий за словом в карман и высокопрофессиональный военный инженер, после хрущёвского сокращения заметно сдал и выглядел на десяток лет старше своего возраста».

Как видим, личная судьба реального человека неразрывно связана с судьбой страны, в чём нередко убеждаемся, читая книгу В. Вахрамеева. «Хрущёвское сокращение» больно отозвалось в судьбах тысяч людей.

Разве не любовной болью за весь наш многонациональный народ наполнены строки из раздела книги «Семь смертных грехов плюс...» «Книга, рождённая прожитыми годами»: «не только имущество, но и огромные денежные средства за последнюю четверть века «прилипли» к рукам тех, кому удалось обмишурить народ и государство».

Разве не любовной гордостью за свой род наполнены строки из книги «Опалённые ложью» в главе «От Вахрамеева княжества до эпохи Сталинизма»: «На Северах никогда не было бездомных детей, и семьи были дружными и многодетными. Таким был и род Вахрамеевых».

Разве не клятвой верности, любви звучит весь текст о поэтах-виленцах, посвящённый родной Alma Mater – юнкерскому некогда ВВКУРЭ в очерке «Литературные друзья – виленцы». Это – клятва любви всему поэтическому сообществу, офицерскому товариществу СП ВВКУРЭ. «Честь имеем!» – как символично звучит название одного из стихотворений в этом прекрасном очерке, объединяющем эпохи.

Умное сердце В. Вахрамеева любознательно. Оно любит мудрость, оттого столько энциклопедически выверенной информации из разных областей знания во всех текстах В.Вахрамеева в этой книге.

Какое наслаждение читать строки о Н. Бердяеве, который утверждает, что есть «слова – фикции» в отличие от «слов – реалий», или размышления В. Вахрамеева о том, почему ложь как грех у католиков и православных отсутствует.

Тексты В. Вахрамеева изобилуют пословицами, цитатами, поговорками, к примеру: «Всякий, кто торгует ложью, расплачивается правдой». А вот цитата из Лао Цзы: «Голос истины не изящен, а изящная речь лжива, и нравственный человек не красноречив, а красноречив лжец».

Умное сердце В. Вахрамеева чутко чувствует и любит красоту, и это столь соответственно русскому самосознанию, где безобразное и безобразное различаются только ударением, что свидетельствует о преимуществе этики над эстетикой или хотя бы об их равенстве. Как хороши строки немецкого поэта Иоганнеса Бехера, приведенные В. Вахрамеевым:

«Красиво жить – не просто звук пустой.
Лишь тот, кто в мире красоту умножил
Трудом, борьбой, – тот жизнь красиво прожил.
Воистину увенчан красотой».

Сердечный ум В. Вахрамеева сокрушается и содрогается, сострадая, при воспроизведении негативных явлений Отечественной истории столетней и более давности, как и дней сегодняшних, но также радуется и ликует, говоря о красоте бытия и нежности, о чём свидетельствует и выбор поэтических строк любимых поэтов, неизменно сопровождающих каждый из текстов в этой книге. Причём поэты эти из разных стран, времён и народов, часто современники писателя, нередко близкие друзья, что свидетельствует о «космизме» русской души, столь красочно воспетой русскими символистами.

Умное сердце В. Вахрамеева очень музыкально, возвращая нас во времена Древней Греции, где мир воспринимался как гармоническое строение пением муз, а Мойрагет (вершитель судеб) был

одновременно и Мусagetом (главой искусств). Музыка и уникальному музыканту посвящён очерк В. Вахрамеева «Верный рыцарь русского романса», написанный по случаю 75-летия Валерия Агафонова.

«Сердце – седалище совести». Поэтому В. Вахрамеев так привержен истине. Поэтому ложь как величайшее зло выносится в название трилогии «Опалённые ложью», а цветаевское «Неудержимо лжёт жизнь» становится названием одного из текстов.

Много внимания В. Вахрамеев уделяет вопросу русской эмиграции, анализирует её состав. Так, в изумительной главе трилогии «Опалённые жизнью» «Жизнь через общение к познанию» читаем: «Неоднородны русские Латвии, пришедшие после войны быстро адаптировались, не адаптировались, остались после революции, коренные» (...) Функционеры зачастую «не выучили язык, из-за них во многом Латвия в 90-х мгновенно вышла из состава СССР». В. Вахрамеев называет их – унтер-пришибеевыми.

А вот ещё горьковатые строки почти о том же: «сотни тысяч русских мгновенно по воле власть предержащих оказались эмигрантами».

С болью и грустью читаем строки В. Вахрамеева из главы книги «Опалённые ложью» «Город-крепость Калининград»: «Невероятно сложно передать дух, обстановку, атмосферу тех лет и того государства нынешним жителям той (и уже не той) страны, того (и уже не того) общественно-политического строя, ведомых той (и уже не той) партией к светлому тому (и уже не тому) будущему».

Но, чтобы не поддаваться греху осуждения, сразу вспоминаются строки Ивана Путилина [Иван Путилин, по свидетельству В. Вахрамеева – автор первого словаря «байкового языка» (блатной жаргон)], приводимые В. Вахрамеевым: «Всего не перечесть, что прошло передо мною, обнажаясь до наготы. И с течением времени такое глубокое получаешь знание жизни, что выучиваешься понимать и прощать».

Разве не любовью к труду, порядку (слова «порядок» и «порядочность» – однокорневые) обусловлена тщательность анализа исследуемого В. Вахрамеевым материала, будь то духовная поэзия стран Балтии, гражданская поэзия русскоязычной Прибалтики или творчество поэтов – выпускников знаменитого ВВКУРЭ (очерки «Возросшая духовность русской поэзии Литвы», «Гражданственность – основа русской литературы Латвии», «Литературные друзья – виленцы»). Те же скрупулёзность анализа, трепетное и бережное отношение к мысли, выраженной словом, ощутимы и в текстах очерков, посвящённых литовскому поэту и учёному Альгирдасу Бикульчусу («Он шагал по пылающему снегу») и другу В. Вахрамеева поэту и актёру Валерию Петровскому («Клапан, открывающийся поэзией»).

Хочется особо отметить художественно-изобразительный талант В. Вахрамеева. Сколько такта вложено в словосочетание «несколько импульсивных лет», говоря о яркой и драматической судьбе двух незаурядных людей, Мужчины и Женщины?

А как весомо звучит размышление о быстротечности времени в разных текстах, представленных в книге! Так, в главе из трилогии «Опалённые ложью» «Жизнь через общение к познанию» читаем: «Годы, годы, годы – они, словно километровые столбы вдоль железнодорожного полотна, неумолимо завершают свой бег на конечной станции». А в очерке «Неподражаемо лжёт жизнь» мы видим уже другую художественно-образную трактовку быстротечности времени: «Время неумолимо. Оно неспешно движется в период детства, отрочества и юности, ускоряет свой шаг в годы середовича, т.е. в возрасте мужчины средних лет, как говорили наши прародители, и, говоря спортивным языком, переходит от стайерского на спринтерский бег по мере того, как растёт количество прожитых лет».

Время судьбы отдельного человека сопряжено с историей рода, а история рода – с эпохой, в полной мере отражая весь драматизм парадигмы развития страны. Какой смиренной мудростью пронизаны строки В. Вахрамеева: «Если большевик Иван Вахрамеев боролся за власть Советов, то другой его однофамилец возглавил борьбу крестьян против Советской власти».

Как современно звучит эта драматическая коллизия в наши дни, когда новейшая история вершится на наших глазах!

Порой строки В. Вахрамеева звучат, как приговор. Бесстрашный, не поддающийся обжалованию, но всегда справедливый: «Если бы наше государство и те, кто стали себя величать «элитой»,

было бы заинтересовано, как говорил Михаил Ломоносов, в «сохранении народа российского», в необходимости преумножить лучшие традиции своих предков, то при желании всегда можно найти для столь благородных целей необходимые денежные средства. Увы, но в последние десятилетия заметно извращено понятие русской интеллигенции, что (УВЫ!!!) подтверждается всем ходом развития нашего общества. В них отсутствуют свойственные интеллигентному человеку такие понятия, как высоконравственная умственная и этическая культура, независимость мысли и порядочность, стремление к социальной критике, а также умение сопереживать «униженным и оскорблённым». Этим нравственно-этическим нормам следовали поколения вологодской интеллигенции». А верующие люди, по свидетельству В. Вахрамеева, в своём самоотверженном служении Богу часто могли «пряники не писанные есть» в своём стремлении совлечь с себя «Ветхого человека», чтобы стать новым духовно обновлённым.

В. Вахрамееву удалось выразить загадочность русской души, живописуя картины того, как Колчак перед расстрелом просит расстрельщиков позволить ему исполнить перед смертью свой любимый романс «Гори, гори, моя звезда», а после исполнения этого романса солдаты отказываются его расстреливать. О том, как после ухода из жизни легендарного Валерия Агафонова его друзья продолжали устраивать «концерты на лестнице», начатые им. Как перед уходом из жизни поэт и актёр Валерий Петровский в почтовый ящик своему другу Владимиру Вахрамееву положил свои письма в стихах к любимой женщине, которые В. Петровский сам при жизни не осмелился ей отправить, и Владимир Вахрамеев помещает эти письма в Интернет, и другая женщина – известная русская поэтесса из Литвы Эльвира Поздняя – отвечает спонтанно в стихах на эти письма, и этот необыкновенный, чудесный сюжет становится основой новой книги.

В современном мире, согласно J. Habermas, технический прогресс неизбежно сужает территорию сердца, сужает территорию культуры, что ведёт к подмене реального мира иллюзорным, к гибели цивилизации, к эрозии нравственности.

Потеря культуры сердца – потеря жизненной силы, умирание медленное, не совместимое с жизнью.

Нас будто вздумали переиначить,
Нас будто вздумали переменить,
Мы – культура сердца нация,
Живём мы по понятиям,
Нам денег культ хотят привить.

Но это значит – обескровить
Живое жизни естество,
Мы жили испокон любовью,
И жизни код у нас здоров.

В. Вахрамеев в своей книге утверждает здоровый код нации, утверждает культуру сердца, когда люди настолько чутко улавливают сердцем изменения, происходящие в обществе, что изливают свои переживания в личных дневниках, открывая им свою душу.

Невозможно равнодушно читать дневниковые записи Бориса Иосифовича Эрлиха (первая запись – 21 декабря 1981 года) и его супруги Любви Александровны Лившиц (первая запись в 1992 году). Насколько эти записи оказались провидческими в осмыслении судьбы страны («Книга, рождённая прожитыми годами»).

Умное сердце В. Вахрамеева любит правду – отсюда строки М. Цветаевой, вынесенные в заглавие одного из разделов книги – «Неподражаемо лжёт жизнь» и само название трилогии «Опалённые ложью».

Согласно Святому Писанию, сердце создано для общения человека с Богом, для Высшего познания Бога. В текстах В. Вахрамеева большое внимание уделяется теме сакральности, определения духовности, причём понимается духовность автором достаточно широко, не привязана к определённому религиозному преданию, канону, а рядом с Библией на столе лежат Талмуд, Тора, Коран, книги разных религиозных конфессий.

Олеся Николаева писала о том, что даже если в произведениях русского писателя не звучит открыто слово «Бог», православное мироощущение сквозит исподволь в отношении автора к СЛОВУ

(слово логосно, оно являет реальность, оно пророчественно); к МИРУ (мир во грехе лежит, но он пронизан божественными энергиями); к ЧЕЛОВЕКУ (человек – образ Божий); к ГРЕХУ (грех разрушает душу и ведёт к гибели, если нет раскаяния).

Как надежда на возрождение нации, её нравственного начала, звучат строки В. Вахрамеева: «Совестливость, честность, профессионализм, необходимость нравственного и духовного единства всё больше становится мерилом многих талантливых поэтов стран Балтии».

Сегодня мы, земляне, подошли к той черте, когда искусство, литература должны взывать к душам человеческим, освобождая их от греховного угара и дурмана, сохраняя способность самостоятельно мыслить и чувствовать.

Именно эту миссию выполняет настоящее издание работ В. Вахрамеева.

Уникальность личности В. Вахрамеева заключается в том, что он первый уловил тенденции развития русской литературы Балтийского края в спасении своего словесного генома в духовной и гражданской поэзии, что отражено в его очерках «Возросшая духовность русской поэзии Литвы» и Гражданственность – основа русской литературы Латвии».

В. Вахрамеев приводит суждение калининградского писателя и журналиста Юрия Крупенича о том, что «русская община в Литве достаточно активна и фактически создаёт там современный пласт литературы на русском языке».

Это позволяет надеяться на продолжение исконной традиции русской ментальности воспринимать власть, как служение и творчество (поэзию, музыку). Именно как служение, пестуя лучшие качества в природе человеческой, чтобы, всматриваясь во «внутреннего человека», слушать Бога, воспитывая в себе ПРЯМОСТОЯНИЕ, о котором говорит и В. Вахрамеев.

Именно в духовности современной русской литературы, продолжающей традиции великой классической русской литературы, являющейся частью мировой культуры человечества, и её гражданственности, понимаемой как служение чести, служение товариществу, служение Отечеству – скрепы позвонков двух столетий.

Скрепы эти отражают русское мирочувствие, которое национальное самосознание, выражаемое испокон веков русской литературой и русской культурой в целом, которая всегда была ЛИТЕРАТУРЦЕНТРИЧНОЙ, номинировало в понятиях «сочувствие», «сострадание», когда судьба страны неотделима от своей собственной, и «покаяние», «прощение», а также «ВСЕЧЕЛОВЕЧНОСТЬ», которая, согласно Лидии Довыденко, так далека от понятия глобализации, и «ВСЕЧУВСТВИЕ», «ВСЕЕДИНСТВО», отражающие космизм души, столь свойственны русскому сердцу, а синонимы «сердца» – нередко «душа», «дух».

Таким образом, В. Вахрамеев выражает в своей книге мирочувствие и самосознание русского народа в период смены общественно-политических формаций, переформатирования общественного сознания, отражая мировоззрение русского мира, утверждая его жизненность именно потому, что оно ориентировано на культуру сердца, объединяющего Запад и Восток, ВСЕЕДИННОЕ и ВСЕВРЕМЕННОЕ.

Наши друзья

Советуем почитать:

<http://www.rospisatel.ru/>

Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17, кв. 65

Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru

Журнал «Великоросс»: http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_29/article_1253/

Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistikogo-masterstva-slava-rossii>

Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>

Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>

Русский народный дом: <http://rusnardom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>

Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru

Журнал «Новая Немига литературная»

Портал Переправа <http://pereprava.org/>

Московский журнал [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)

Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org

Русская народная линия <http://www.ruskline.ru>

Журнал «Подъем» — <http://www.podiem.vsi.ru>

<http://cultinfo.ru> — Культура в Вологодской области

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья!

Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка Маэстро на счет: **63900220 9003003076**.

Стоимость одного журнала — 400 руб.

Подписка на год — 2400 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты
выслать Лидии Владимировне Довыденко:
dovidenko_L@mail.ru

Есть ли что прекраснее движения по воде? Плавать необходимо...

Только наслаждение движением сине-зеленой воды,
полетом белокрылых чаек, яркими красками архитектурных
достопримечательностей, насыпных островов, свежим воздухом,
высоким небом и ощущение... блаженства!

Аква Вояж – судоходная компания,
которая предлагает совершить прогулку на теплоходе «Самбия»

- Водные экскурсии по Калининграду и области.
- Аренда т/х «Самбия» для частных мероприятий.
- Своя кейтеринговая служба на борту.

Адрес офиса: М. Баграмяна, 14

тел. 8 - 4012-67-45-04

моб. 89062367372

sambia@cruisekaliningrad.ru

www.cruisekaliningrad.ru

- Алло! Марина, обнимаю тебя, ты где?
- Привет, Роман, целую тебя. Я на комфортабельном теплоходе «Самбия».
- Что ты там делаешь?
- Наслаждаюсь красотой жизни... Приезжай сюда скорее: Рыбная деревня. Ориентир – Мост Юбилейный, причал № 2